

А. В. Орлов

**Иннокентий Анненский. Неизвестные страницы
ранних лет жизни (с генеалогическими материалами
из истории семьи по вновь найденным архивным
источникам)
Ленинград. 1978–1979–1981**

Обнаружение публикуемых ниже неизвестных ранее биографических документов не является случайной изолированной находкой исследователя. Оно достигнуто как один из многих результатов кропотливого поиска биографических и генеалогических первоисточников и их критического анализа. Такое исследование предпринято автором публикации в целях получения достоверной и возможно полной ретроспективной информации путем расширения и углубленного изучения источниковой базы, на которой может и должна строиться история жизни и деятельности Иннокентия Федоровича Анненского.

До недавнего времени, в соответствии с методическим подходом, доминирующим в литературном источниковедении, история жизни этого многогранного выдающегося деятеля русской культуры конца XIX – начала XX веков – поэта и драматурга, переводчика и критика, крупного ученого-филолога и прогрессивного педагога – освещалась скупо, далеко не во всем достоверно, греша досадными фактическими ошибками, так как базировалось на весьма ограниченном круге опубликованных источников. Их перечень, представленный в основополагающей литературоведческой работе А. В. Федорова,¹ был по признанию самого исследователя очень невелик. Считалось, что наиболее полным, хотя и отнюдь не исчерпывающим источником для истории жизни поэта является мемуарная статья его сына – Валентина Иннокентьевича Анненского, выступавшего под псевдонимом «Валентин Кривич» как начинающий поэт-лирик и как мемуарист после его смерти.²

Указывалось, что сам Анненский оставил о себе лишь очень краткий автобиографический набросок.³

Это дополнялось сведениями, почерпнутыми из немногих имеющихся биографических статей об Анненском в справочных изданиях (энциклопедии и критико-биографический словарь С. А. Венгерова), а также из разнообразной серии некрологов, ему посвященных, которые, в основе своей, тоже принадлежат к мемуарной группе

источников. Наконец, отдельные биографические факты извлекались из эпистолярных источников, отложившихся в личных фондах самого Анненского, и некоторых его адресатов в государственных хранилищах СССР: Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ,¹ ф. 6) и Отделы рукописей Государственного литературного музея (ГЛМ) и государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ²) – в Москве, а в Ленинграде – Отделы рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ,³ ф. 24) и Пушкинского Дома АН СССР (ИРЛИ).

Отнюдь не отрицая полезности мемуарной и эпистолярной информации, надо считаться с тем, что каждой из этих категорий источников присущи свои общеизвестные характерные недостатки. Поэтому их ценность относительна. Строить биографии исключительно на основе таких групп источников никак нельзя. Имея существенное вспомогательное значение, они сами по себе, будучи взяты отдельно, не могут служить для исследователей-биографов достаточной источниковой базой.

Стремясь обогатить историко-биографическую информацию, уточнить ее и устранить ошибки и искажение фактов, проникшие в литературу об Анненском именно из мемуарных источников, – автор настоящей публикации занялся на протяжении последних трех лет тщательным, и потому очень трудоемким, разносторонним исследованием источников делопроизводственных. Эта категория весьма разнообразных источников, хранящихся в обширных фондах центральных и областных государственных исторических архивов, не использовалась донныне систематически для раскрытия биографии Анненского в опубликованных литературоведческих работах о нем.

Между тем, в источниковедении историческом делопроизводственные источники расцениваются как общепризнанная важнейшая база для получения сведений о жизни и деятельности лиц, состоявших или числившихся на государственной службе в царской России. К таковым принадлежал не только личный состав правительственного аппарата власти царского самодержавия, но сюда же была отнесена при тогдашних условиях сословно-бюрократического государственного строя и преобладающая часть дореволюционной русской интеллигенции: ученые, педагоги, врачи, инженеры, артисты, работники искусства.⁴

---

¹ Далее по тексту: РГАЛИ.

² Далее по тексту: РГБ.

³ Далее по тексту: РНБ.

К числу же видных представителей этой части российской интеллигенции, как известно, относится по своему официальному служебному положению и Анненский – педагог, ученый и руководящий деятель школы, а также его старший брат Николай Федорович – выдающийся экономист, статистик и видный общественный деятель.

Познавательная ценность исторических архивных фондов соответствующих государственных учреждений дореволюционной России для биографов заключается не только в том, что в них встречаются автографы лиц, чьи биографии исследуются. Особенно важно то, что из официальных документов этих фондов можно извлекать достоверные фактические данные по многим биографическим и генеалогическим вопросам: сведения о сословном происхождении, родственных и иных социальных связях, служебном и имущественном положении, полученном образовании, составе семьи, биографической топографии, хронологии жизни и деятельности и т. д.

Творческая деятельность Анненского-литератора, составляющая предмет исследования литературоведа, протекала на жизненном фоне 30-летнего его служения делу народного просвещения и филологической науке. На научно-педагогическом поприще он трудился в течение всей своей сознательной жизни, начиная со студенческой скамьи и до последнего часа. Он оставил значительный след в педагогике и истории русской школы, не вполне еще оцененный ее историками. Эта работа, в которую он вложил много души и таланта, снискав себе любовь молодежи, являлась фактически единственным источником средств существования для его семьи.

Как писатель Анненский не получил широкой известности при жизни. Печатался он мало, и литературные его гонорары оставались мизерными. Сам Анненский, на пороге своей трагической безвременной кончины, сославшись на свои «подавленные силы и расстроенное на службе здоровье», подчеркнул в прошении об увольнении от должности окружного инспектора с причислением к Министерству и о назначении ему «усиленной» пенсии, написанном 23 октября 1909 года попечителю Петербургского учебного округа графу А. А. Мусину-Пушкину, следующие строки: «Я тридцать лет непрерывно нес учебную службу.... Я около 19 лет занимаю должность пятого класса... Я не имею никаких определенных средств

к существованию, кроме покидаемой мною учебной службы...» (ЛГИА,¹ ф. 139, оп. 1, д. 15904, л. 1–1об.).

Занимаясь биографией Анненского, мы не вправе пренебрегать данными о его профессиональной деятельности педагога, которая по ряду аспектов взаимосвязана и с его литературным трудом, чему есть прямые доказательства в его печатных работах.

Поэтому достоверных сведений об истории жизни Анненского, надлежало искать, прежде всего, в официальных документах, отложившихся в фондах канцелярии Петербургского учебного округа и Ленинградском государственном историческом архиве.²

Там же находятся и архивные фонды петербургских учебных заведений иного ведомственного подчинения (за исключением военных и военно-морских), а в том числе и фонд Царскосельского лицея, питомцами которого был отец и старший дядя Анненского – Федор Николаевич и Николай Николаевич Анненский (ЦГИА СПб, ф. 11).

Затем ответов на конкретные вопросы, относящиеся к биографии Анненского, а также к истории семьи Анненских в целом, понадобилось изыскивать в различных архивных фондах Центрального государственного аппарата Российской империи XIX – начала XX веков. Таковые в Ленинграде сосредоточены в Центральном государственном архиве СССР.³

Такие фонды ЦГИА СПб и РГИА оставались «архивной целиной», поднимать которую никто из исследователей, занимавшихся Анненским, до пишущего эти строки еще не брался серьезно.

Мы начинаем вводить найденные в них первичные биографические документы в научный оборот впервые. <...>

В примечаниях к <...> документам мотивирована необходимость прокомментировать их в таком объеме, который далеко превышает объем текста самих документов. По существу сами наши примечания представляют собой публикуемые в извлечениях многие неизвестные ранее архивные первоисточники. Примечания наши содержат также доказательно аргументированный критический анализ мемуарных источников и биографических словарных статей,

¹ Далее по тексту: ЦГИА СПб.

² В настоящее время Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

³ В настоящее время: Российский государственный исторический архив. Далее по тексту: РГИА.

породивших в литературе ошибочные трактовки, опровергаемые нами. Тем самым, наши примечания служат восстановлению истинных фактов и устранению искажений, которым подверглась история жизни Анненского в биографической литературе.

Выявление таких источников требует наличия у исследователя определенных методических навыков в области архивной эвристики.

Оно сопряжено с немалыми затратами времени и упорного труда на их поиски и переписывание, а также на последующую аналитическую их обработку. Далекое не всегда искомые документы бывают сгруппированы компактно в виде «личных дел». Не редки случаи, когда заголовки на обложках и в описях обозначались чиновниками той или иной канцелярии по инициальному документу, а потому не раскрывали всего комплекса вшитых в них документов. Фигурально выражаясь, надо заметить, что искомые документы зачастую не лежат «на поверхности» архивных отложений. Их приходится «раскапывать», так как в большинстве случаев они оказываются вкрапленными среди множества других канцелярских бумаг в объемистых делах тех или иных учреждений-фондообразователей.

Вероятно, наличием указанных сложных трудностей, скорее всего, и можно объяснить неиспользование делопроизводственных источников для освещения биографии Анненского в предшествующих работах о нем, вышедших из-под пера специалистов-литературоведов. Ведь в практике привычной для них текстологической работы над компактными авторскими фондами, хранящимися в государственных литературных архивах и отделах рукописей научных библиотек и музеев, едва ли встречаются такие трудности, с какими приходится сталкиваться исследователю-историку, работающему над делопроизводственными источниками.

Добавлю, что для восполнения сведений по отдельным вопросам, недостающих в архивных неопубликованных источниках, оказались полезны официальные публикации делопроизводственных материалов в таких справочных изданиях, как Полное собрание Законов Российской империи с приложениями к нему (ПСЗ), «Месяцеслов и общий штат Российской империи» – в дальнейшем это же ежегодное издание именовалось «Адрес-календарь. Общая роспись всех должностных лиц» (мы его обозначаем далее аббревиатурой: А–К с цифрами указывающими год, часть и страницу), официальная газета

«Правительственный вестник», «Памятные книжки» учебных заведений, адрес-календари и памятные книжки губерний, списки дворянских родов по губерниям, справочные книги о купцах Петербурга, различные адресные книги Петербурга и других городов, материалы переписей, официальные списки населенных мест и другие подобные официальные данные.⁵ Их принято называть печатными источниками.

<...>

Предпринятое мною исследование включает и аспекты генеалогические. Это получило отображение и в примечаниях к настоящей публикации.

В общем плане исследования, на мой взгляд, представляло существенный интерес разработать историю семьи Анненских в меру возможного, и некоторого числа лиц его ближайшего окружения – в генеалогическом и социальном отношении.

В настоящее время у советских историков отмечается возросшее внимание к генеалогии, как важной вспомогательной исторической дисциплине. Проблематике историко-генеалогических исследований Институт истории АН СССР, отмечая память академика С. Б. Веселовского, посвятил недавно весьма интересный специальный сборник «История и генеалогия» (М., 1977). Он включает и исследования по генеалогии непривилегированных сословий. Советская генеалогия уже становится «необходимым элементом исторического исследования», ибо имеет «объектом своего изучения конкретного человека».⁶

Понятно, что некоторый минимум генеалогических сведений присутствует в биографии каждого человека. В биографии же лиц исторических издавна уделялось подобающее внимание генеалогической информации. Так, хорошо известно, что в истории русской литературы дореволюционными и советскими исследователями при изложении биографий великих наших классиков давалась и дается обширная генеалогическая информация, почерпнутая из дворянских родословий.

Особенно много над этим потрудились пушкиноведы, следуя за самим поэтом.

На такой же источниковой основе, генеалогическая информация заслуженно занимает значительное место и в советском декабристоведении, помогая увидеть у русских дворянских революционеров за связями родственными связи идейные и организационные.⁷

Обращаясь к исследованиям, освещающим русскую литературу рубежа XIX–XX веков, можно заметить, что генеалогические аспекты привлекли внимание биографов А. Блока (В. Н. Орлов, Д. Е. Максимов и др.).

Последнее время в работах ленинградского историка В. Р. Лейкиной-Свирской осуществлен генеалогический подход к проблеме формирования русской интеллигенции, начиная со второй половины XIX века и до наших дней.⁸

Сошлюсь еще на обзорную статью М. Е. Бычковой «Генеалогия в советской исторической литературе», где частично затрагивается и значение генеалогии для литературоведения, поскольку последнее примыкает к разряду исторических научных дисциплин.⁹

Наличие таких новейших работ подтверждает перспективность и актуальность современных методов генеалогического исследования, сопряженного с социально-экономической характеристикой групп людей, связанных между собой родством или свойством, указывая на целесообразность применения этих методов и к разработке истории семьи Анненских.

В таком аспекте мной было предпринято выявление, изучение и использование имеющихся главным образом в РГИА (а частично, и в делах ЦГИА СПб) делопроизводственных источников, содержащих сведения о происхождении, социально-экономическом положении, жизни и деятельности не только Федора Николаевича Анненского, отца Анненского, но и других членов довольно многочисленной семьи Анненских, включая и ближайших их родственников по боковым линиям.

К таковым принадлежит, связанная с Анненскими брачными узами семья архитектора Никиты Андреевича Ткачева, а также семья юриста и литератора Владимира Ивановича Штейна. Последний приходился Анненскому сватом: тесть Валентина Иннокентьевича Анненского-Кривича по первому его браку. Сын В. И. Штейна Сергей Владимирович, именовавший себя без должных к тому оснований «фон Штейном», – шурин и приятель Валентина Кривича сочетал службу в государственном аппарате с журналистской деятельностью литературного критика. Сам В. И. Штейн по своей службе был связан с братьями Майковыми – Леонидом и Аполлоном Николаевичами, а его сын Сергей был в правлении русско-дунайского

пароходства сослуживцем Андрея Антоновича Горенко – отца Анны Ахматовой, причем был женат первым своим браком на Инне Андреевне Горенко, – родной сестре Ахматовой.

Для биографии Анненского представляют существенный интерес родичи его жены Надежды (Дины) Валентиновны (1841–1917): Сливичские – по ее отцу, Броневские – по ее матери и Борщевские – по первому ее мужу. Последних Дина Валентиновна произвольно стала называть, без должных юридических оснований, «Хмара-Барщевскими». Такое пышное их наименование выражало амбициозную претензию вдовы захудалого отпрыска обрусевшей смоленской шляхты возвести его происхождение к польско-литовским магнатам, чьи родовые имена тут соединены. Тем не менее, оно исподволь вошло даже в официальные документы в XX веке, закрепившись и на страницах поэтических произведений Анненского, в его посвящениях, благодаря которым только и обрело всероссийскую известность впервые.

Корпус источников генеалогического характера оказался весьма обширен и разнообразен. Достигнутым в ходе их исследования немаловажным для генеалогии семьи Анненских результатом явилось установление мною с полной достоверностью впервые личности, социального происхождения, семейной и служебной биографии деда Анненского.

<Генеалогические данные о семье Анненских>

...Николай Ильич Анненский (1773–1845), выходец из духовного сословия Рязанской губернии, который стал юристом и писателем-переводчиком, близким сотрудником отца декабристов Михаила Никитича Муравьева, типичным представителем, той «просвещенной бюрократии», которая формировалась в центральном государственном аппарате в начале царствования Александра I усилиями реформатора М. М. Сперанского. Заслуживает специального внимания участие Николая Ильича Анненского в комиссии составления законов, как первого, так и второго ее состава. В формулярном его списке, заведенном уже в царствование Николая I, эти страницы служебной деятельности Н. И. Анненского не отображены, но мне удалось их восстановить по другим источникам.

Так, на 1805 год по Министерству юстиции коллежский советник Н. И. Анненский состоял в штате комиссии составления законов младшим помощником референдаря 3-й экспедиции, которая ведала, по-видимому, вопросами международного права, так как в нее входил актуарий от Коллегии иностранных дел (А–К. 1805. Ч. 1. С. 162). Согласно штату младший помощник референдаря в означенной комиссии имел оклад содержания 1500 рублей в год. (Книга штатов. 1804. С. 36).

Затем в заново созданной по именному указу 1809 года комиссии составления законов иной структуры, где управляющим делопроизводством состоял сам М. М. Сперанский, – имелось 2-е отделение, ведавшее выработкой Уголовного уложения. В нем Н. И. Анненский, уже в чине статского советника занимал должность помощника начальника с окладом 1500 рублей в год (ПСЗ. Т. 30. 1809. С. 862. № 23524).

Насколько мне известно, Анненский, родившийся через десять лет после смерти этого своего деда, нигде про него не упоминал, а о своем отце упоминал мало и приглушенно. Умолчал о своем прадеде Н. И. Анненском и Валентин Кривич. <...>

Дед Анненского – Николай Ильич Анненский, обладавший незаурядными способностями, примечателен уже тем, что приобретенное им службой «потомственное дворянское достоинство», он использовал не для приобщения себя к классу помещиков-крепостников (во всех его формулярах значится: «из духовного звания», «имений нет», «крестьян не имеет»), а для обеспечения всем своим сыновьям и некоторым из своих дочерей возможности получить образование в лучших столичных закрытых учебных заведениях, комплектовавшихся по сословному принципу. Да и сам он, прибыв в Петербург из Рязанской духовной семинарии, получил в столице хорошее светское образование в так называемом «корпусе иностранных единоверцев» (греческий кадетский корпус, расформированный в 1768 году¹⁰).

Затем, уже в 1797 году, он, имея чин поручика артиллерии был «уволен к статским делам», и всю дальнейшую службу проходил в гражданских чинах по разным ведомствам центрального государственного аппарата. Моими поисками впервые установлено: дата его женитьбы, девичья фамилия и происхождение его жены <...>.

Из многочисленных документов о службе Федора Николаевича Анненского, добытых моими упорными архивными поисками, видно, что его чиновничья карьера сложилась из следующих трех периодов:

– *первый петербургский период* – с августа 1832 года по апрель 1847 года – на службе, и с мая 1847 года по март 1849 года – в отставке (по прощению), а всего *около 16 лет*;

– *сибирский период* – с марта 1849 года по апрель 1860 года – *свыше 11 лет*;

– *второй петербургский период* – с мая 1860 года по январь 1874 года, т. е. по день окончательного увольнения от службы – *около 14 лет*.

При этом надо учесть, что в течение второго петербургского периода своей службы Ф. Н. Анненский по специальному заданию министра внутренних дел П. А. Валуева в длительную командировку в Западную Сибирь и пробыл там свыше восьми месяцев (РГИА, ф. 1284, оп. 76, д. 67, лл. 35, 63–63 об.). Поручение состояло в обследовании и выборе мест, пригодных для устройства поселенцев, репрессированных за участие в польском восстании 1863 года, и их водворения на казенные земли в качестве государственных крестьян, главным образом, в Томской губернии. Зная, что состоящий при М<инистерстве> в<нутренних> д<ел> действительный статский советник Ф. Н. Анненский хорошо знаком по своей предшествующей службе с Западной Сибирью, Валуев назначил его представителем от М<инистерства> в<нутренних> д<ел> с 29 февраля 1864 года в учрежденной при Министерстве государственных имуществ комиссии об устройстве таких «переселенцев». Вслед за этим Ф. Н. Анненский приказом по М<инистерству> в<нутренних> д<ел> № 11 от 11 марта 1864 года был назначен с 7 марта чиновником Особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел.

В таком звании Ф. Н. Анненский предписанием министра Валуева от 14 апреля 1864 года за № 2717 направляется в длительную командировку в Западную Сибирь «для исполнения Высочайшего повеления о порядке водворения лиц, высланных из Царства Польского и Западного края за прикосновенность к мятежу». Статс-секретарь Валуев снабдил Ф. Н. Анненского чрезвычайно подробной письменной инструкцией и дал ему в помощники чиновника особых поручений

Писарева. Одновременно Валуев сообщил о командировании Анненского генерал-губернатору Западной Сибири генералу от инфантерии А. О. Дюгамелю, предписав командируемому явиться к Дюгамелю «для получения от него дальнейших по сему предмету указаний».

Из этой командировки Ф. Н. Анненский вернулся в Петербург лишь в декабре 1864 года. При отправлении в командировку ему, по распоряжению Валуева, были выданы прогоны на проезд от С-Петербурга до Томска и обратно, а также подъемные, суточные и квартирные и аванс на расходы по разъездам на месте. Ему было предложено Валуевым «собрать и другие сведения о сельскохозяйственном быте в означенных частях Сибирского края и возможности прочного водворения там упомянутых лиц» (Там же, л. 63–65 об.). Отчетные материалы о ближайшем участии Ф. Н. Анненского в проведении крупного «карательно-переселенческого» мероприятия, предпринятого царским правительством во второй половине 1860-х годов XIX века, остались пока еще не выявленными. <...> На основании же документальных данных, которые нами уже добыты, мы вправе заключить, что административная деятельность Ф. Н. Анненского в Сибири, вместе с этой восьмимесячной командировкой, составляет по своей продолжительности, в общем итоге около 12 лет.

Рассмотреть подробнее указываемые нами три хронологических периода служебной карьеры Ф. Н. Анненского необходимо здесь потому, что в биографической литературе об Анненском распространена следующая версия Валентина Кривича: отметив, что «воспитывался дед в Царскосельском лицее и до назначения в Сибирь, а равно и по возвращении оттуда служил в Петербурге» (а это, как мы видим, соответствует действительности), Валентин Кривич сделал тут же от себя совершенно безосновательное заключение. Он заявил, что якобы «пребывание семьи деда в Сибири было *временным, случайным*»¹¹ <курсив – А. О.> <Кривич, 208–216>.

Почему внуку Федора Николаевича Анненского показалось нужным изображать длившийся более одиннадцати лет сибирский период жизни своего деда и его семьи, как некий «временный» и даже «случайный» эпизод?

Не станем вдаваться в предположения по этому поводу. Заметим лишь, что такая субъективная трактовка противоречит реальным фактам и выглядит тенденциозно. Обратимся теперь к изложению

первого петербургского периода служебной деятельности Ф. Н. Анненского на документальной основе, а затем и сибирского периода.

Федор Николаевич Анненский родился 22 июля 1815 года в Петербурге. Он был четвертым из пятерых детей, достигших совершеннолетия, сыновей в многодетной семье действительного статского советника Николая Ильича Анненского (1773–1845) и его супруги Александры Павловны, урожденной Соколовой (1784–1855). Отец поместил Федора Анненского 17 сентября 1823 года в число воспитанников Царскосельского благородного пансиона с содержанием на собственный счет (ЦГИА СПб, ф. 1022, оп. 1, д. 232, л. 11). В июле 1826 года одиннадцатилетнего Федора перевели из 2-го класса этого пригготовительного пансиона, по просьбе отца, в Лицей с содержанием на казенный счет.

Тремя годами раньше 26 августа 1823 года курс Царскосельского лицея в III выпуске окончил самый старший из братьев Федора – Николай Николаевич Анненский (1806–1870), удостоенный серебряной медали и прав офицеров старой гвардии. Этот сын-первенец Николая Ильича и Александры Павловны Анненских, числившийся крестником императора Александра I, был выпущен 3 января 1824 года корнетом в лейб-гвардии Уланский полк, дислоцированный в Стрельне близ Петербурга (ЦГИА СПб, ф. 11, оп. 1, д. 702, л. 55–55 об., 66, 68, 70–71, 76–77; д. 710, л. 1–12).

Лицейсты при выпуске имели право выбора места службы в соответствии с разрядом, какой получали по успехам, причем могли избрать себе, по желанию, как гражданскую, так и военную службу.

Федор Николаевич Анненский (1815–1880) окончил курс Царскосельского лицея 30 июня 1832 года в VI выпуске с правом на чин IX класса, т. е. по I разряду. В соответствии с желанием своих родителей, он избрал себе службу по департаменту Министерства юстиции (РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 2123, л. 7–8; ЦГИА СПб, ф. 11, оп. 1, д. 765, л. 11, 45–53 об., 58, 60–63).

Такой выбор, видимо, был связан с тем, что по тому же ведомству служил до 1823 года отец Федора, Николай Ильич Анненский, состоявший с 1810 года на протяжении около 13 лет юрисконсультлом при четырех министрах юстиции. В период же прохождения Федором курса Лицея его отец в течение восьми лет не имел ни службы, ни пенсии, так как неожиданно навлек на себя опалу Александра I,

именным повелением которого был 24 марта 1823 года «отставлен от службы с тем, чтобы его и впредь ни к каким делам не определять» (РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 81, список № 24, л. 300–301; оп. 4, д. 169, л. 35–40; ф. 1405, оп. 21, д. 1360, л. 1–4; ф. 1151, оп. 1, д. 309, л. 1–75; ф. 1329, оп. 1, д. 414, л. 228; д. 416, л. 63–63 об.).¹²

Подав два года спустя прошение на «высочайшее» имя, Н. И. Анненский получил формальное разрешение «паки вступить в службу» по именному указу Александра I от 31 августа 1825 года. Однако, в действительности, получить соответствующую его законоведческой квалификации должность он нигде не смог, «не имея ни родства, ни связей, ни покровителей». С большой своей семьей он впал в «крайнюю бедность». Так заявлял он сам, апеллируя весной 1829 года к верховной власти прошением об определении его к должности или о назначении ему какого-либо содержания за предшествующую долготлетнюю безупречную службу.

Положением Комитета министров от 23 апреля 1829 года, утвержденным Николаем I, Н. И. Анненскому было представлено право поступить на службу «куда пожелает» (РГИА, ф. 1262, оп. 1, д. 601, ж. ст. 783; д. 613, л. 539–542 об.). Фактически же возобновить службу он смог лишь в феврале 1831 года, но уже не по ведомству юстиции, а в качестве чиновника для особых поручений при Министерстве внутренних дел, где он выполнял функции консультанта по правовым вопросам.

Николай Ильич Анненский оставался номинально в последней должности по день своей смерти. Он умер 30 апреля 1845 года в Петербурге и похоронен на Смоленском православном кладбище (Петербургский некрополь. Т. I. С. 73).

Двое из его сыновей – питомцы Царскосельского лицея братья Анненские, Николай и Федор, являлись младшими современниками А. С. Пушкина. Николай Николаевич Анненский учился и кончал курс еще при директорстве Е. А. Энгельгардта. Его однокурсниками были: Андрей Васильевич Малиновский и Александр Иванович Мартынов – младшие братья пушкинских однокашников – Ивана Васильевича Малиновского и Аркадия Ивановича Мартынова.

Федор Николаевич Анненский – лицейский однокурсник Якова Карловича Грота (будущего академика), оставившего восторженные воспоминания о посещении Пушкиным лицея и встречах поэта со

своими «лицейскими внуками». Как известно, А. С. Пушкин после женитьбы жил в Царском Селе с женой на даче с 25 мая по 20 декабря 1831 года в доме Китаевой (ныне филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина).

Федор Анненский и его однокурсники могли не раз встречаться с поэтом как в лицейских стенах, куда он захаживал, так и в парке во время прогулок. Их «шестой курс» учился в Царскосельском лицее, когда там еще не угасли гуманистические традиции времен Е. А. Энгельгардта, хотя сам Егор Антонович уже находился в отставке, живя в Петербурге. Добрый старик поддерживал переписку со своими лицейскими питомцами В. Д. Вольховским и И. И. Пуциным, когда первый из них служил в войсках на Кавказе, состоя под негласным жандармским надзором, а второй, отбыв каторгу, находился в ссылке на поселении в Ялуторовске. Федор Анненский, в бытность свою лицеистом, активно участвовал во внеклассных литературных занятиях и театральной самодеятельности своего курса.

Материальное же положение Федора Анненского было очень стесненным. Его отец Николай Ильич, пытаясь безуспешно получить пособие на экипировку Федора при выпуске его из Лицея, заявлял в официальном письме от 19 июня 1832 года на имя директора генерал-лейтенанта Ф. Г. Гольтгойера: «Сын мой в Пансионе действительно был на моем содержании, для которого употреблял я последние мои крохи, чтоб только доставить ему воспитание, и если бы он не поступил в Лицей, то не мог бы оставаться и в Пансионе. Теперь он едва ли не беднее всех своих сотоварищей, ныне выпускаемых; ибо положение мое Вам и всему Вашему начальству известно».

За своекоштного воспитанника Царскосельского благородного пансиона требовалось вносить ежегодно по полторы тысячи рублей, что для Н. И. Анненского в тогдашнем опальном положении было крайне тяжело. Вступая по окончании курса Лицея на службу, Федор Анненский не мог рассчитывать на материальную поддержку родителей, а должен был жить на получаемое от казны чиновничье содержание. По формулярным спискам его отца никаких имений, ни родовых, ни благоприобретенных, за родителями Ф. Н. Анненского не состояло.

В бедственные годы своей «безработицы» Н. И. Анненский, продолжая жить в Петербурге, ютился с семьей на Васильевском

Острове, 2-й участок, дом 48, в наемной квартире (такой адрес обозначен в его прошении 1829 года). Получив в феврале 1831 года упомянутую долгожданную должность, он приобрел на тогдашней окраине Петербурга – в так называемых «Придворных слободах» какой-то собственный дом по Грязной улице (ныне это улица Марата в центральной части Ленинграда). Такой его адрес проставлен в отпуске ответного письма Ф. Г. Гольтгойера от 20 июня 1832 года. Но, видимо, в ближайшие годы Н. И. Анненский этот свой дом продал, так как на 1837 год его местожительство обозначено: Фонтанка, № 36.¹³ (Затем, на 1844 год – в Гороховой улице, III Адмиралтейской части, дом Севастьянова).¹⁴

Служа в 1830-х и 1840-х годах в Петербурге, Ф. Н. Анненский, очевидно, не мог пользоваться жильем в родительском доме, и вынужден был снимать себе квартиры отдельно. За эти годы он менял их неоднократно: по тем же справочникам К. Нистрема, он на 1837 год значился проживающим на Фонтанке, № 32, а на 1844 г. – по Офицерской улице во II Адмиралтейской части (ныне это ул. Декабристов), в доме Рашета, № 14. Наконец, к 1847 году Ф. Н. Анненский жил уже на Васильевском Острове, по 7-й линии, в доме Герасимова (РГИА, ф. 1341, оп. 243, д. 150, л. 10 об.). Казенной квартиры Ф. Н. Анненскому по занимаемым им должностям не полагалось, а частные – всегда стоили в Петербурге дорого, гораздо дороже, чем в провинции.

Между тем в этот же период своей службы в столице Федор Николаевич женился, и у него появилась семья, а следовательно, возросли расходы на бытовое устройство: потребность в более просторном жилье, мебелировке, найме прислуги и т. п.

На протяжении первого петербургского периода чиновничьей карьеры Федора Николаевича Анненского в формулярных его списках отмечено несколько перемен мест службы. Добивался он этих перемещений по собственной инициативе, ради улучшения материального положения своей семьи, подыскивая себе открывшиеся вакантные должности с более высокими окладами содержания.

Так, начав, как уже сказано, службу в августе 1832 года в департаменте Министерства юстиции и получив там сразу же чин титулярного советника, право на который он приобрел за отличные успехи при выпуске Лицея, он служил там успешно, так как в 1835 году его наградили подарком. В позднейшем аттестационном отзыве, написанном

в мае 1840 года, обер-прокурор I-го департамента Сената А. Ф. Веймарн, бывший в 1835 году Вице-директором департамента Министерства юстиции, зная Ф. Н. Анненского по первоначальной его службе в указанном департаменте, отметил, что г. Анненский проявил там «отличные способности и похвальную нравственность» (РГИА, ф. 1341, оп. 270, д. 160, л. 2–2 об.). Занимал ли Ф. Н. Анненский в 1830-х годах в департаменте Министерства юстиции какую-либо штатную должность, и какой он там получал оклад содержания, – нам, к сожалению, установить не удалось: в архивном фонде названного Министерства не оказалось первоначального формуляра, а в Адрес-календаре тех лет среди должностных лиц этого центрального учреждения Ф. Н. Анненский, как и другие младшие чиновники, не показан. Вероятно, он «стажировался» там, числясь сверхштатным чиновником и получая небольшое содержание из резервных сумм Министерства.

По штатам 1831 года должностные лица департамента Министерства юстиции имели довольно высокие для того времени годовые оклады содержания: начальник отделения – 3000 р., столоначальник – 1500 р., помощники столоначальника: старший – 1200 р., младший – 1000 р., канцелярский служитель высшего оклада – 750 рублей (ПСЗ. Т. VI. Отд. II. Приложение к № 4906. С. 24–26). Едва ли Ф. Н. Анненский получал там больше 750 рублей в год, поскольку на четвертом году службы он добился перевода в мае 1836 года, по прошению, в департамент уделов¹⁵ на штатную должность помощника секретаря общего присутствия, по которой полагалось содержание 800 рублей в год. (Книга штатов. 1808. Ч. II. С. 102). В такой должности он был откомандирован для занятий в канцелярию вице-президента департамента уделов, где в том же году его произвели в чин коллежского асессора.

Однако, прослужив в удельном ведомстве менее двух лет, Ф. Н. Анненский, опять же по прошению, увольняется оттуда и переходит с января 1838 года в Петербургскую казенную палату¹⁶ на должность секретаря, где оклад содержания был в полтора раза выше: 1200 р. в год (Книга штатов. 1825. С. 203. № 29694). Сверх постоянных обязанностей по этой должности Федор Николаевич занимался приведением в порядок архива палаты, за что удостоился «совершенной признательности» от Общего присутствия палаты.

Перемещению Ф. Н. Анненского на должность секретаря Петербургской казенной палаты, без сомнения, способствовал его старший брат Николай Николаевич Анненский, который в 1837 году занимал в ней влиятельную должность советника по отделению питейных сборов, будучи при переходе на гражданскую службу переименован из отставного штабс-ротмистра гвардии в равный по классу чин коллежского асессора.¹⁷

В дальнейшем повышаясь за выслугу лет в чинах, Н. Н. Анненский к 1840 году, кроме наград, полученных на военной службе (ордена Анны 3-й степени и медали за Турецкую войну 1829 года) получил орден Владимира 4-й степени и чин статского советника и занимал должность старшего советника палаты, а к декабрю 1841 года – председателя С-Петербургской казенной палаты, оставаясь в том же чине V класса по 1843 год, – до своего ухода в отставку.

Федор Николаевич прослужил совместно со своим старшим братом Николаем, удачливо делавшим не столько «блестящую», сколько выгодную карьеру на делах с откупщиками, – все же недолго: менее двух с половиной лет. В 1840 году 6 июня он предпочел вернуться, по прошению, из финансового ведомства столичной губернии обратно в центральный аппарат ведомства юстиции – на открывшуюся вакансию секретаря в канцелярии общего собрания первых трех департаментов Сената с прежним своим чином коллежского асессора. К тому времени по штатам 1839 года, были значительно повышены оклады содержания сенатским чиновникам: так, обер-прокуроры департаментов Сената стали получать в год жалованья 6000 р. + столовых 6000 р.; обер-секретари, соответственно – 3000 + 1500; товарищ геройльдмейстера тоже – 3000 + 1500, секретари – 1800 + 750 (ПСЗ. 1839. Т. XIV. Отд. II. № 12029). Считалось это на ассигнации, а не на серебро.

Стало быть, перейдя в Сенат, Ф. Н. Анненский стал сразу же получать 2550 рублей в год вместо 1200 рублей, какие он имел по одноименной должности в столичной казенной палате. Кроме того, служба в Сенате считалась в кругах царской бюрократии наиболее respectableм видом гражданской службы. Служить в Сенате чиновниками не гнушались и родовитые аристократы.

Карьера Ф. Н. Анненского в Сенате протекала на протяжении последующих семи лет вполне успешно: в 1841 году он утверждается

старшим секретарем, исправляет должность обер-секретаря в I-го департамента Сената.

(Надо иметь в виду, что лица, «исправлявшие должность», как и «состоявшие в должности», т. е. не утвержденные в ней, а замещавшие ее временно, получали содержание по замещаемой должности. Отсюда следует, что почти семь лет своей сенатской службы Ф. Н. Анненский получал обер-секретарский оклад содержания: 4500 руб. ассигнациями в год, иначе говоря, 375 рублей в месяц, – сумму, которая могла вполне удовлетворительно обеспечивать потребности его семьи).

За время этой своей службы в Сенате он удостоивался «монаршего благоволения» и денежной награды в 600 рублей за участие в 1842 году в торгах на питейные откупа, последовательно повышался за выслугу лет в чины надворного, а затем коллежского советников. В 1846 году состоявшего в должности обер-секретаря Ф. Н. Анненского наградили чином статского советника. Ему по особому распоряжению министра юстиции было поручено докладывать дела на консультации, учрежденной при Министерстве юстиции, т. е. выполнять функции, схожие с обязанностями юрисконсульта, которые прежде выполнял его отец.

В 1840 году, когда Ф. Н. Анненский переводился из казенной палаты на службу в Сенат, его семья состояла из жены и двух малолетних дочерей: Александры – полутора лет и Натальи – одного месяца (РГИА, ф. 1341, оп. 270, д. 160, л. 1–10). К 1847 году состав семьи изменился так: первая дочь Александра умерла, вторая дочь Наталья, родившаяся 1 мая 1840 года, достигла теперь семилетнего возраста, а 24 января 1842 года родилась и третья дочь – тоже Александра, затем 28 марта 1843 года родился старший сын Николай. За ним в 1845 году появился на свет второй сын – Петр, который прожил совсем недолго. Напомним, что в 1843 году, когда родился первый сын Николай, семья Ф. Н. Анненского квартировала в доме Рашета, № 14 по Офицерской улице. Вот почему впоследствии Николай Федорович Анненский в спорах с товарищами по камере политического отделения Вышневолоцкой тюрьмы, перед своей первой сибирской ссылкой, о которых вспоминал в некрологе в 1912 году В. Г. Короленко, – говаривал о себе полушутя: «Моя родина – Офицерская улица в Петербурге».

Это была петербургская Коломна – обиталище героев произведений Пушкина и Гоголя.

К несчастью, географические и генеалогические сведения о супруге Ф. Н. Анненского – будущей матери Иннокентия Федоровича – крайне скудны. Они слишком скупо отражены в тщательно обследованных мною делопроизводственных источниках и отсутствуют в доступных нам мемуарных источниках. А ведь она прошла с Федором Николаевичем об руку долгий и нелегкий жизненный путь, став в браке с ним многодетной матерью. Дата вступления Ф. Н. Анненского в брак не обозначена в его формулярных списках. Установление точной даты бракосочетания, фамилии, происхождения, возраста невесты требует дальнейших трудоемких поисков в метрических книгах ряда церквей Петербурга. Такие поиски мною ведутся, но пока безуспешно.

Судя по возрасту первого ребенка, можно предполагать, что Ф. Н. Анненский женился, примерно в 1837 году, но в какой именно церкви он венчался, нам еще неизвестно. Имя-отчество жены Ф. Н. Анненского в ранних его формулярных списках вовсе не обозначено, но из позднейших его формуляров, а также из метрического свидетельства их сына Иннокентия <...> мы знаем точно, что звали ее: Наталия Петровна.

Однако добрачная фамилия Натальи Петровны Анненской ни в одном из выявленных мной к настоящему времени документов не указана.

По этому вопросу мы располагаем лишь нарративными сведениями, которые сообщены мне устно ленинградской писательницей Софьей Ангеловной (или *Аньоловной*, как сама она считает более правильным произносить, на польский лад, свое отчество) Богданович.

Это дочь одного из давних друзей Николая Федоровича Анненского – литератора Ангела Ивановича Богдановича (1860–1907) от брака его с Татьяной Александровной, урожденной Криль. Татьяна Александровна Богданович (1873–1942) рано лишилась родной своей матери – Софьи Никитичны Криль, урожденной Ткачевой (1842–1875). Осиротевшую девочку – Татьяну Криль, дочь ссыльного революционера-народника А. А. Криля (1843–1908), взяли к себе на воспитание родная тетка Александра Никитична Ткачева-Анненская

со своим двоюродным братом и мужем Николаем Федоровичем Анненским.

Бездетные Н. Ф. и А. Н. Анненские вырастили в своей семье племянницу Татьяну как родную дочь, приняв ее на свое попечение в 1876 году.

Когда же Татьяна Александровна, достигнув совершеннолетия, вышла замуж за А. И. Богдановича, и у нее появились дети: три дочери – Шура (род. в 1899), Соня (род. в 1901), Танюша (род. в 1903) и сын Володя (род. в 1905) – все четверо, после смерти их отца Ангела Ивановича, были приняты в семью Н. Ф. и А. Н. Анненских на правах родных внучат. Они с малых лет привыкли считать Александру Никитичну своей «бабушкой», а Николая Федоровича, очень их любившего, – «дедушкой». Родного своего деда А. А. Криля они знали мало. Для них он был не «дедушка», а просто «мамин папа».¹⁸

Один из близких знакомых Н. Ф. Анненского – литератор Ф. Д. Крюков вспоминал разговор маленьких Богданович с «дедушкой» Н. Ф. Анненским по телефону, когда они были изолированы, в виду скарлатины, и восхищался умением Николая Федоровича разговаривать с детьми.¹⁹

Нельзя тут не вспомнить, что и у Иннокентия Федоровича было необыкновенно чуткое и нежное отношение к маленьким детям, которое выражено в строках его стихотворения «Дети»: «Вы несчастны, если Вам непонятен детский лепет...». В год своей смерти Анненский побывал летом у брата на даче в Куоккала и написал там стихотворение «Одуванчики» – миниатюру, в которой любовно нарисована с природы сценка детской игры. Там слышится детский лепет вместе с голосом поэта, включившегося в игру ребенка. Стихотворение это, датированное точно 26 июня 1909 года, вошло в «Кипарисовый ларец» с двумя другими в «Трилистник сентиментальный».

Захлопотавшаяся девочка в зеленом кушаке, которая в нем изображена, – это, согласно неизданным воспоминаниям Т. А. Богданович,¹ вторая ее дочь, то есть Соня. По содержанию же стихотворения вероятнее было бы считать, что запечатлена в нем семилетняя ее дочь Таня, а не девятилетняя Соня.

---

¹ В настоящее время изданы, см.: *Богданович Татьяна. Повесть моей жизни. Воспоминания. 1880–1910.* Новосибирск, 2007.

Моя ленинградская собеседница Софья Аньоловна Богданович, как и ее ныне здравствующая в Москве младшая сестра Татьяна Аньоловна, состоит по женской линии в следующих нисходящих степенях родства с Анненскими: она – правнучка Николая Ильича Анненского и его супруги Александры Павловны, она – правнучка Марии Николаевны Анненской (в замужестве Ткачевой), правнучатая племянница Федора Николаевича Анненского, а также всех его братьев и сестер; она – внучка Софьи Никитичны Ткачевой (в замужестве Криль), внучатая племянница Александры Никитичны Ткачевой (в замужестве Анненской), а также Петра Никитича и Андрея Никитича Ткачевых. Следовательно, С. А. Богданович приходится двоюродной внучатой племянницей Николаю Федоровичу и Иннокентию Федоровичу Анненским, а также всем их четырем родным сестрам: Наталье (в замужестве Мартыановой), Александре (в замужестве Крамер), Марии (была ли замужем, не установлено) и Любове (в замужестве Деникер). Разумеется, этих своих двоюродных бабушек, урожденных Анненских, С. А. Богданович совсем не знала.

Софья Аньоловна и Татьяна Аньоловна сохранили в машинописном виде воспоминания своей матери Татьяны Александровны Богданович, написанные в поздний период ее жизни, в годы Великой Отечественной войны, а именно – в 1942 году, когда она находилась вместе с Софьей Аньоловной в эвакуации из Ленинграда в Верхней Салде Свердловской области.

Мемуарное произведение Т. А. Богданович, озаглавленное «Повесть моей жизни. Воспоминания. 1880–1910» – было переписано дочерьми на машинке с автографа уже после смерти Татьяны Александровны, последовавшей в Свердловске в клинике нервных болезней тамошнего медицинского института 31 декабря 1942 года.²⁰ Сам автограф покойной, по-видимому, не сохранился. Опубликовать указанные воспоминания Т. А. Богданович ее дочерям пока не удалось.¹ Поэтому Татьяна Аньоловна, по договоренности с Софьей Аньоловной, передала один машинописный экземпляр мемуаров матери на научное хранение в Отдел рукописей РГБ (ф. 218, № 383).

Другой экземпляр той же машинописи хранится в Ленинграде в личном архиве С. А. Богданович. Кроме резервируемых мною для отдельного критического рассмотрения эмоциональных страниц

---

¹ См. примеч. 1 на с. 39.

воспоминаний Т. А. Богданович о кончине Анненского, в них есть и некоторые строки, касающиеся будто бы событий периода детских и юношеских его лет, но в очень субъективном и хронологически ошибочном освещении.

Хранит С. А. Богданович и коллекцию фотографий, находящуюся в семейном альбоме покойной матери. Из этой коллекции Софья Аньоловна передала для публикации в редакцию КО¹ три фотопроизведения портретных снимков. <...>

С. А. Богданович, ссылаясь на слышанное из уст своей матери, Татьяны Александровны, сообщила нам, что Наталья Петровна Анненская имела девичью фамилию *Карамолина*, а также, что Николай Федорович Анненский, по мнению его близких, унаследовал материнские, «карамолинские» черты лица. Сопоставление фотографий Натальи Петровны и Николая Федоровича подтверждает, по всей видимости, наличие у них портретного сходства. Что же касается девичьей фамилии Натальи Петровны, то прямых доказательств правильности нарративных сведений, сообщаемых С. А. Богданович, найти в документальных источниках мне пока не удалось, но некоторые косвенные данные в подкрепление этого устного сообщения мною все же найдены.

Так, обратив внимание, что в формулярных списках Федора Николаевича Анненского на 1846 и 1860 годы отмечено наличие у его жены «родового имения – 8 душ в Холмском уезде Псковской губернии», а в более раннем и более позднем формулярных списках, на 1840 и 1874 годы, записано, что у его жены имений нет, – следовало полагать, что Наталья Петровна происходила из дворян Псковской губернии и к 1846 году унаследовала маленькое родовое имение в Холмском уезде этой губернии, которое к 1874 году было ею уже утрачено при каких-то неизвестных нам обстоятельствах. В фонде департамента герольдии Сената мне удалось выявить в деле о дворянстве рода Карамолиных Псковской губернии (РГИА, ф. 1343, оп. 3, д. 1274) формулярные списки о службе: титулярного советника и кавалера Петра Степановича Карамолина, почетного смотрителя училищ Новоржевского уезда (род. в 1777), составленный в 1816

---

¹ Речь идет об авторском коллективе издания: *Анненский Иннокентий*. Книги отражений / Изд. подг. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979. Далее по тексту ссылки на это издание КО с указанием страницы в угловых скобках.

году, и его сына, коллежского регистратора, дворянского заседателя Холмского уездного суда Павла Петровича Карамолина (род 14 октября 1817), составленный в 1862 году (Там же, л. 17–18, 20, 22–23).

Род Карамолиных не отличался древностью: внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Псковской губернии на основании грамоты о пожаловании титулярному советнику Петру Карамолину 28 декабря 1816 года ордена св. Владимира 4-й степени «за труды и пожертвования в пользу Новоржевских училищ». Оба – отец и сын Карамолины служили в XIX веке по дворянским выборам, принадлежа к довольно состоятельному слою среднепоместных землевладельцев. Так, Петр Степанович Карамолин на 30 декабря 1816 года владел в следующих пяти уездах Псковской губернии именными, обозначенными в его формулярном списке по числу душ крепостных крестьян: Холмский уезд, в селах Бору и Макарове – 365, Новоржевский уезд, в сельце Андриюшине – 351, Торопецкий уезд, в сельцах Суховском и Дмитревском – 310, Великолуцкий уезд, в сельце Работине – 56, Опочецкий уезд – 157, а всего – 1239 душ мужеского пола.

От брака Петра Степановича Карамолина с Наталией Ивановной (девичья фамилия ее не обозначена) имелось к началу 1817 года четверо сыновей в возрасте от 12 с половиной до 6 лет и четыре дочери в возрасте от 8 с половиной до 1 года и двух месяцев. В их числе значится предпоследняя дочь *Наталья*, которая к этому времени имела возраст 2 года и 10 месяцев, то есть родилась примерно, в феврале 1813 года. Последующая судьба этой Натальи Петровны Карамолиной в документах не отображена, но по расчету времени она могла стать впоследствии женою Федора Николаевича Анненского, который родился, как указано выше, в июле 1815 года. Возрастная разница между ними не велика: эта Наталья Петровна Карамолина старше Федора Николаевича всего на два с половиной года.

Младший сын Петра Степановича Карамолина – Павел, как видно из формулярного списка, благоприобретенных имений не имел, но в его нераздельном с братьями и сестрами владении состояли в Псковской губернии на 1862 год родовые имения в уездах: Холмском – 350 душ, Торопецком – 260 душ, Великолуцком – 70 душ, Опочецком – 180 душ, а всего – 860 душ. Кроме того в Новгородской губернии Боровицком уезде еще 30 душ.

Жена Павла Петровича Карамолина – Любовь Никитична (урожденная Беклешова, из аристократического рода) владела нераздельно со своими братьями и сестрами родовым имением в Порховском уезде Псковской губернии – 70 душ, то есть была совсем небогата.

Мы видим, что за прямыми наследниками Петра Степановича Карамолина состояло родовых имений на 1862 год на 28 % меньше по числу душ, чем числилось за их отцом на 1816 год, причем ушло целиком из их рук новоржевское имение (351 душа), но прибавилось боровицкое имение в Новгородской губернии (30 душ). Имения в Холмском и других уездах, принадлежащие Карамолиным, существенно не изменились по числу душ.

Павел Петрович Карамолин, как и его отец, был многодетен: у Павла насчитывалось пять сыновей и две дочери, причем старшая дочь, родившаяся 20 декабря 1841 года, носила имя Наталья, как и ее тетка Наталья Петровна, названная так в честь своей матери Наталии Ивановны Карамолиной. Вероятно, те 8 душ крестьян, которые обозначены в упомянутых двух формулярах Федора Николаевича Анненского за его женой Натальей Петровной, составляли ее долю в холмском имении, унаследованном детьми Петра Степановича Карамолина (разумеется, если подтвердится, что она действительно его дочь, по метрической записи о бракосочетании Ф. Н. и Н. П. Анненских).

Имела ли Наталья Петровна при вступлении ее в брак с Ф. Н. Анненским какое-либо «приданое» в денежной форме или в виде процентных бумаг, нам из документов неизвестно. Доход же от ее «родового имения» – восьми «душ» крепостных крестьян, если и поступал вообще в ее руки, то мог быть самым мизерным. За самим же Федором Николаевичем, как и за умершим в 1845 году его отцом, Николаем Ильичем Анненским, никаких имений, согласно формулярным спискам, не состояло. Следовательно, дополнительных к своему чиновничьему содержанию средств существования для себя и своей семьи Ф. Н. Анненский, по-видимому, не имел.

Правда, в двух формулярных списках Ф. Н. Анненского – на 1840 и на 1847 годы отмечено, что его мать владеет «благоприобретенным» имением в Великолуцком уезде Псковской губернии «100 душ мужеска пола крестьян». Это подтверждается и в документах дела

о дворянстве рода Ткачевых, а именно – в метрических свидетельствах о рождении детей Марии Николаевны (урожденной Анненской – пятой по счету из девяти дочерей Николая Ильича) в браке ее с отставным архитектором, надворным советником Никитой Андреевичем Ткачевым: Александры за 1840 год, Софьи за 1842, Андрея за 1843 и Петра за 1844 год.

Так, в метрических записях Успенской церкви погоста Милолюба (а в отношении Софьи – Троицкой церкви города Великих Лук) восприемницей значится «сельца Сивцева помещица действительная статская советница Александра Павлова Анненская», т. е. бабушка новорожденных с материнской стороны. Она не только их «крестная мать», но и владелица поместья, в котором они родились. Восприемником каждого из них записан «Николай Николаев Анненский»: при крещении в 1840 году Александры он – «С-Петербургской казенной палаты Коллежский Советник», а при крещении остальных троих – уже «Председатель С-Петербургской казенной палаты, Статский Советник». Стало быть, в качестве «крестного отца» приезжал на каждые крестины в сельцо Сивцево из Петербурга к своей сестре М. Н. Ткачевой старший сын Александры Павловны – Н. Н. Анненский, т. е. дядя новорожденных с материнской стороны (РГИА, ф. 1343, оп. 30, д. 1699, л. 7–10 об.).

Вероятно, он же и содействовал своей матери в юридическом оформлении дел по этому имению.

Когда приобрела указанное Великолуцкое имение А. П. Анненская от кого и за какую цену, установить точно не представляется возможным, так как купчая крепость на эту сделку до нас не дошла.

Пока что можно заключить, что приобретено оно было после 1835 года, так как по формулярному списку Николая Ильича Анненского, составленному в 1835 году, за женой его никаких имений не значилось (РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 169, л. 35–35 об.), а также, что покупка эта состоялась при жизни главы семьи, поскольку нам известно, что Н. И. Анненский умер 30 апреля 1845 года. На какие средства приобрела А. П. Анненская это имение, остается неясным. Не исключено, что большую часть денег, затраченных на его покупку, она получила займы от частных лиц, так как за нею, согласно отзыву Псковской палаты уголовного и гражданского суда, числилась с 1830–1831 годов задолженность частным займодавцам по заемным

письмам на общую сумму около 34 тысяч рублей (РГИА, ф. 577, оп. 31, д. 307, л. 4). За долги и за казенные недоимки это имение состояло «под запрещением».

Понятно, что сын ее Федор мог рассчитывать на унаследование своей доли из материнского имения. Однако 13 мая 1846 года вдова действительного статского советника Александра Павловна Анненская передала все это имение – село Сивцово с деревнями: Черемаха, Белогубова, Гребли, Бологова и Марков Остров, Максимовской волости, Великолуцкого уезда Псковской губернии целиком по дарственной записи в полную собственность своей любимой дочери Марии Николаевне Ткачевой. С этого момента непогашенная часть долгов А. П. Анненской перешла на М. Н. Ткачеву. В итоге, по делу о выкупе крестьянских наделов по имению М. Н. Ткачевой, произведенном в 1867 году, сумма выкупных платежей 8213 руб. 33 коп., разрешенная ей Главным выкупным учреждением, была целиком обращена в погашение числившихся на ней долгов (Там же, л. 3 об.–4 об., 38–39 об., 46–46 об.).

Бывшее имение А. П. Анненской перешло в собственность семьи Ткачевых. Оно было по площади довольно большим, но немалая его доля лежала под болотами. На 1914 год оно числилось за наследниками Андрея Никитича Ткачева и его сестрой Александрой Никитичной Анненской, составляя по площади 1776 десятин, 1200 сажень, из коих 346 дес. 1200 саж находилось в аренде у других лиц (Памятная книжка Псковской губернии на 1913–1914 гг. Псков, 1913. С. 506. Великолуцкий уезд. Имения).

После передачи матерью этого имения в собственность М. Н. Ткачевой упоминание о материнском «благоприобретенном» имении исчезает из формулярных списков Ф. Н. Анненского, составленных в 1860 и 1874 годах. Сама же Александра Павловна Анненская к 1856 году числилась проживающей в Петербурге на Гончарной улице в доме Тимофеева,²¹ но такие сведения успели уже устареть: фактически А. П. Анненская уже умерла 6 июля 1855 года на 72 году жизни и похоронена на Волковом православном кладбище (Петербургский некрополь. Т. I. С. 72).

Она не дожила двух с половиной месяцев до рождения ее внука Иннокентия, который впоследствии унаследовал от своих родителей только портрет этой своей родной бабушки – свидетельницы

пяти царствований: Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и Александра II.²²

Заметим кстати, что в этом же некрополе дата рождения Александры Павловны Анненской дана полностью 16 марта 1784 года. Такой полной даты на Николая Ильича нет возможности установить. Среди его документов нет ни метрического свидетельства о его рождении, ни ссылок на таковое. В формулярных его списках, по принятому тогда правилу, обозначался возраст числом лет отроду на год составления списка. Отсюда путем простейшего арифметического расчета устанавливается, что он родился в 1773 году. Следовательно, его супруга была моложе его на 11 лет. В тех же формулярных списках Н. И. Анненского не только не указан год его женитьбы, но и вовсе не названы ни девичья фамилия, ни происхождение, ни даже имя-отчество его жены, хотя рожденные ею дети все поименованы с обозначением их возрастов на год составления формулярного списка. Впрочем, имя-отчество ее – Александра Павловна – установить оказалось не так уж трудно, обратившись к материалам дел о дворянстве Анненских по департаменту герольдии Сената, содержащих метрические свидетельства о рождении детей Николая Ильича Анненского и некоторых его внуков. В таких документах его законная супруга названа по имени-отчеству. Куда сложнее было выяснять ее добрачную фамилию и социальное происхождение.

Исходя из сведений, внесенных в формулярный список Н. И. Анненского 1835 года, как и в более ранний – 1815 года, мы смогли заключить, что самым первым ребенком, рожденным Александрой Павловной, была их старшая дочь Софья Николаевна. Поскольку же метрики на эту дочь не оказалось в делах, то год ее рождения мы определили по возрасту, показанному в тех же формулярах отца: ориентировочно можно считать, что родилась она в 1802 году. По зафиксированному там же прохождению Н. И. Анненским службы видно, что он со 2 декабря 1797 года до 3 января 1802 года служил секретарем во 2-м кадетском корпусе, а затем был переведен в ведомство «Кабинета Его Величества» для исполнения обязанностей правителя дел при статс-секретаре, тайном советнике Михаиле Никитиче Муравьеве. Квартиру Н. И. Анненский занимал тогда казенную при том же 2-м кадетском корпусе даже и по 1809 год (С-Петербургская адресная книга на 1809 год. Ч. II. С. 196). При этом военно-учебном

заведении имелась, как положено, своя домовая церковь, в которой были окрещены старшие сыновья Н. И. и А. П. Анненских. Размещался 2-й кадетский корпус на Петербургской стороне по набережной реки Ждановки, дом № 11–13, в здании, которое ныне является памятником архитектуры и сохранилось по сей день. Представлялось вероятным, что бракосочетание Николая Ильича Анненского с Александрой Павловной состоялось за один-два года до рождения старшей их дочери Софьи, а также, что обвенчаны они были в домовой церкви 2-го кадетского корпуса. К счастью, метрические книги конца XVIII–начала XIX веков по этой церкви сохранились. Предпринятый мною довольно трудоемкий поиск по страницам этих книг дал успешный результат: в метрической книге церкви Воскресения Христова при 2-м кадетском корпусе на 1800 год, часть вторая – о бракосочетающихся, мне удалось найти зарегистрированным под № 5 за 25 мая 1800 года брак коллежского асессора Николая Ильича Анненского с дочерью бывшего обер-секретаря Святейшего Синода Павла Соколова, девицей Александрой Павловной, оба первым браком. Поручителями были: по женихе – 2-го кадетского корпуса полковник и кавалер Василий Федоров Ильин, по невесте – того же корпуса бухгалтер Андрей Осипов (ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 3, д. 128, л. 185, 189–190 об.). По книге «Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1798 год» установлено отчество отца невесты: Павел Пахомович Соколов. Должность обер-секретаря Синода он занимал, очевидно, недолгое время, т. к. на 1798 год он значился еще одним из секретарей канцелярии обер-прокурора Синода. В аппарате ведомства православного вероисповедания обер-секретарь занимал очень влиятельное положение, которое, при процветающей тогда коррупции среди чиновничества, могло давать немало отнюдь не «безгрешных» доходов. Мы видим, что Николай Ильич Анненский женился в возрасте 27 лет, а Александра Павловна вышла за него замуж в 16-тилетнем возрасте. По русским законам такой возраст невесты в то время считался брачным. Возрастная разница между новобрачными супругами Анненскими не настолько велика, чтобы считать их брак неравным.

Сведений о полученном Александрой Павловной образовании у нас нет. Едва ли можно сомневаться в том, что дочь синодального обер-секретаря получила к 16-ти годам тот образовательный и

воспитательный «минимум», который признавался достаточным в ту пору для девиц «на выданьи» не только в семьях чиновников средней руки, каким был ее отец, но зачастую и в среде мелко- и среднепоместного российского «благородного дворянства». Вполне очевидно, что по своему происхождению эта бабушка Анненского, чей портрет на стене рабочего его кабинета в Царском Селе был привычен для ее правнука, – отнюдь не принадлежала к дворянскому сословию.

Прадед Анненского по женской линии – Павел Пахомович Соколов был таким же разночинцем, как и дед поэта Николай Ильич. Можно догадываться, что П. П. Соколов, выдавая по собственному выбору молоденькую свою дочку Александру замуж за Н. И. Анненского, наделил ее, по тогдашним обычаям, каким-то «приданным» в денежной форме. Основанием для такого предположения служит то, что в период пребывания Н. И. Анненского с марта 1823 года до февраля 1831 года «не у дел», старшему его сыну Николаю Николаевичу была материально обеспечена возможность продолжать офицерскую службу в лейб-гвардии Уланском полку. Служба офицеров в кавалерии, а тем более – в гвардейской, всегда сопряжена в царской России с расходами, далеко превышавшими размер жалованья, получаемого ими от казны. Такие расходы покрывались у служивших в кавалерии отпрысков именитого крупно поместного дворянства за счет доходов с родительских латифундий. Н. И. Анненский прослужил в л.-гв. Уланском полку в Стрельне с 1824 по 1833 год в обер-офицерских чинах: корнетом в строю по 1829 год, а с 1830 года по 1832 год – поручиком в должности полкового адъютанта и к 1833 году в той же штабной должности его произвели в гвардии штабс-ротмистры, после чего он предпочел выйти с военной службы в отставку и определиться на гражданскую службу, получив «доходное место» в столичной казенной палате. Сколь невелико было его офицерское жалованье видно из следующего ряда официальных цифр, относящихся к периоду его службы в л.-гв. Уланском полку. Согласно штату названного полка жалованье обер-офицеров составляло в год (на серебро): корнета – 238 р. 80 к.; поручика – 307 р. 05 к.; штабс-ротмистра – 336 р. 30 к. плюс фураж от казны на одну лошадь (ПСЗ. Т. XV. отд. III. № 14115). Затем был введен новый штат для всей гвардейской кавалерии, в которой годовые оклады жалованья

(на серебро) были увеличены до следующих: корнет – 306 р. 94 к.; поручик – 562 р. 48 к.; штабс-ротмистр – 624 р. 42 к. (ПСЗ. Т. XLIII. Ч. I. Книга штатов. С. 104). Между тем офицер должен был иметь, кроме казенной, вторую собственную строевую лошадь, участвовать по подписке в праздничных обедах-пиршествах, щегольски одеваться и т. д. Все это стоило во много раз больше, чем приведенные выше мизерные оклады жалованья. Зная, в каком бедственном положении находился отец блестящего лейб-улана Н. Н. Анненского, нам остается предположить, что денежную поддержку своему любимому сыну-первенцу оказывала из своих средств его мать – Александра Павловна.

Правда, находясь на службе в л.-гв. Уланском полку, Н. Н. Анненский сумел снискать себе благоволение у такого сатрапа-самодура, как генерал А. А. Закревский, и приобрести связи в кругах высшей сановной бюрократии. Выйдя с военной службы, Н. Н. Анненский вскоре женился на дочери члена Государственного совета, статс-секретаря, действительного тайного советника Григория Ивановича Вилламова – Варваре Григорьевне. Через свою жену он породнился с другим влиятельным сановником – Генерал-контролером морских отчетов, тайным советником, Василием Христиановичем Христиани, женатым на другой дочери Г. И. Вилламова – Марии Григорьевне. Женидьба на В. Г. Вилламовой наделила Н. Н. Анненского, кроме влиятельных родственных связей, вероятно, и денежными средствами, полученными за женою в приданое. От этого брака у Н. Н. и В. Г. Анненских родилось четверо детей: Григорий – 30/X 1838, Николай – 21/IV 1841, Варвара – 10 /VI 1845 и Дмитрий – 26/X 1849 года. Эта старшая ветвь рода Анненских (по-видимому, самая многочисленная из потомков Николая Ильича) – двоюродные братья и двоюродная сестра Иннокентия и Николая Федоровича Анненских.

К 1837 году Н. Н. Анненский, числясь еще гвардии штабс-ротмистром, занимал в Петербурге квартиру в 3-й Адмиралтейской части, I-м квартаре, по Караванной улице (ныне ул. Толмачева¹), 15, и по Итальянской улице (ныне ул. Ракова²) № 15, т. е. в угловом доме, находившемся в центральном «аристократическом» районе столицы.²³ Но на 1853 и на 1855 годы Н. Н. Анненский жил с семьей в

---

¹ В 1991 г. улице было возвращено историческое название: Караванная.

² В 1991 г. улице было возвращено историческое название: Итальянская.

Петербурге уже у Кокушкина моста в собственном доме, имея чин статского советника (РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 2132, л. 17–18, 22–22 об.).

Николай Николаевич Анненский (старший), получив отличную образовательную подготовку в Лицее, проявлял в практической своей деятельности незаурядные организаторские и административно-хозяйственные способности, смелость и инициативу. Это нашло свое выражение в активном его участии в организации медицинской помощи больным холерой в Казани,²⁴ а впоследствии в крупной его предпринимательской деятельности в качестве почтосодержателя. У него была натура делового человека, буржуазного дельца.

Отец же его Николай Ильич Анненский – «родоначальник» беспоместных дворян Анненских, получивший хорошее для своего времени светское образование во 2-м кадетском корпусе²⁵ тоже был наделен весьма незаурядными способностями, но совсем иного характера. Его хорошая лингвистическая подготовка и склонность к литературным занятиям, наряду с серьезным его интересом к законоведению, привлекли внимание прогрессивного государственного деятеля начала XIX века Михаила Никитича Муравьева к этому скромному секретарю 2-го кадетского корпуса. Отец будущих декабристов взял Н. И. Анненского к себе в помощники, открыв ему путь к совершенствованию и росту. Разумеется, Николай Ильич далеко превосходил по своему интеллектуальному уровню свою молодую жену, когда он вступал с ней в брак, но в ее лице он обрел верную спутницу жизни, делившую с ним и успехи в пору возвышения, и невзгоды в пору постигшей его опалы. В браке с ним Александра Павловна произвела на свет 16 детей и вырастила 14: в том числе родила она 7 сыновей (вырастила пятерых, двое умерли в детском возрасте), а дочерей она родила и вырастила девять. При неограниченной рождаемости многодетность семей была довольно обычным явлением во всех слоях населения России того времени, но семейство Н. И. и А. П. Анненских особенно выделяется своей многочисленностью. <...> К 1835 году четыре старшие дочери Н. И. и А. П. Анненских Софья, Любовь, Елизавета и Александра «находились в замужестве»; четыре сына – Николай, Павел, Александр и Федор состояли на государственной службе, а младший Андрей воспитывался во 2-м кадетском корпусе. Следующие три взрослых дочери – Мария,

Надежда и Вера жили у родителей, как и сама младшая 11-тилетняя Анна, а предпоследняя – Екатерина воспитывалась в Смольном «монастыре» (как тогда называли Смольный институт, именовавшийся официально «Императорским воспитательным обществом благородных девиц»).

Всех своих сыновей Н. И. Анненский смог определить в лучшие закрытые привилегированные учебные заведения столицы, курс которых они и закончили успешно: Николай и Федор, как уже сказано, – Царскосельский Лицей, Александр – благородный пансион при С-Петербургском университете, а Павел²⁶ и Андрей – кадетские корпуса, причем младший сын, Андрей Николаевич, блестяще завершил свое образование в Академии Генерального штаба.²⁷ Из дочерей же только двух смог Николай Ильич устроить в Смольный институт: Александру, которая кончила курс в 16-м выпуске 1821 года, и Екатерину, окончившую в 21-м выпуске 1836 года.²⁸ Остальные семь дочерей получили, по-видимому, домашнее образование. Естественно, что устройство судьбы своих детей являлось предметом немалых забот Николая Ильича и Александры Павловны Анненских, причем на долю отца ложились заботы об устройстве всех сыновей и двух дочерей в упомянутые учебные заведения, а на долю матери – заботы матримониальные, в которые она вложила много энергичных усилий. Это видно на примере с пятой ее дочерью – Марией, которая, по тогдашним понятиям, «засиделась в девках» в положении «бесприданницы». Очевидно, ради того, чтобы обеспечить Марии Николаевне в возрасте около 30 лет возможность выйти замуж за немолодого холостяка Никиту Андреевича Ткачева (род. в 1785), которая была старше своей невесты на 24 года, и приобрела Александра Павловна упомянутое выше имение Сивцево в Великолуцком уезде Псковской губернии. Сведений о судьбах остальных восьми тетушек Анненского как тех, которые на 1835 год уже пребывали в замужестве, так и тех, что пребывали тогда в девичах, – у нас нет. Учетные данные на лиц женского пола, как известно, отыскиваются в архивных материалах с большим трудом, а зачастую и вовсе отсутствуют.

Младшие сыновья Н. И. Анненского – Федор и Андрей, как и младшие дочери, были окрещены уже не в домовая церковь 2-го кадетского корпуса, как старшие, а в приходской церкви Владимирской Божьей Матери, что в Придворных слободах (ныне существующее

здание возле станции метро «Владимирская»), неподалеку от которой жил к тому времени их отец. Надо заметить, что в метрических записях о рождении и крещении раскрываются не только генеалогические данные, но, в некоторой мере, связи между людьми родственные и даже служебные.

Нередко в качестве «крестных отцов» старались пригласить лиц, занимающих высокое положение, в расчете на покровительство, которое будет оказывать такое лицо в дальнейшем своему крестнику.

Часто «крестными отцами», а также «крестными матерями» бывали и близкие родственники. Например, Александра Павловна Анненская была «крестной матерью» нескольких своих внуков, а братья Анненские бывали обычно «крестными отцами» своих племянников и племянниц.

В частности, Федор Николаевич Анненский в 1845 году стал «крестным отцом» дочери старшего своего брата Николая – Варвары, причем «крестной матерью» этой девочки явилась вдова действительного тайного советника Варвара Артемьевна Вилламова (теща Николая Николаевича). Тем самым Ф. Н. Анненский на этих крестинах своей племянницы «покумился», т. е. стал «кумом» названной знатной дамы. Известно, что по нормам церковного права отношения между кумовьями квалифицировались как «духовное родство», исключавшее, в частности, возможность браков между кумом и кумою. В житейском обиходе нередко отношения «кумовства» шли вровень с отношениями близкого родства при оказании какой-либо протекции, игравшей значительную роль при сословно-бюрократическом государственном строе царской России.

Крестниками императора Александра I числились старшие сыновья Николая Ильича Анненского – Николай и Павел, хотя лично царь на крестинах и не присутствовал, а от его имени участвовали в обряде тайные советники и сенаторы: в 1806 году на крестинах Николая – Михаил Никитич Муравьев в паре с восприемницею – графиней Марией Федоровной Зубовой, а в 1807 году на крестинах Павла – Петр Степанович Молчанов в паре с женой действительного статского советника Анной Яковлевной Яблонской (РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 2132, л. 2–4).

Свидетельства о рождении и крещении сыновей статского советника и кавалера Анненского, выданные ему 14 ноября 1814 года на

Николая и Павла, подтверждены подписями двух обер-прокуроров Сената – Петра Титова и князя Петра Мещерского и двух статских советников – Василия Сазоновича и Ивана Ушакова. Тем самым уже самой своей канцелярской формой эти свидетельства отличаются от обычных метрических свидетельств, в которых священническая запись подтверждалась лишь соответствующей духовной консисторией, а в отношении актов церковью военного ведомства – обер-священником (протопресвитером) гвардии и гренадер, армии и флота.

Видимо, актам крещения, в которых участвовал, хотя и незримо, сам император, придавалось особое значение.

Напротив, остается совсем неизвестным, чьими крестниками были Федор Анненский и его младший брат Андрей, так как в выданных на них метрических свидетельствах из церкви Владимирской Божьей Матери, которые составлены довольно небрежно, восприемники совсем не названы.

Выяснив достаточно точно биографические данные о деде и бабке Анненского и с некоторыми приближениями – о его матери, Наталье Петровне, а также установив приметную роль, которую сыграл в кругу старшей семьи Анненских первый из дядей Анненского – Николай Николаевич, мы рассмотрели конкретно, в социально-экономическом аспекте, и родственную связь между семьями Анненских и Ткачевых. Вернемся теперь к завершающему отрезку первого петербургского периода жизни семьи Федора Николаевича Анненского.

Итак, в 1847 году Ф. Н. Анненский, имел чин статского советника, занимал в Сенате должность обер-секретаря, получая по ней содержания суммарно (жалованья + столовые) 4500 рублей ассигнациями в год – сумму, которая могла, казалось бы, удовлетворительно обеспечивать существование его семьи. Последняя состояла к тому времени из жены и троих малолетних детей: дочь Наталья семи лет, дочь Александра пяти лет и сын Николай четырех лет. Сам Федор Николаевич в это время преуспевал по службе и ничем себя в глазах своего начальства не скомпрометировал. Несмотря на все это, Ф. Н. Анненский неожиданно подал 18 апреля 1847 года своему начальству прошение на «высочайшее имя» об увольнении в отставку, мотивируя свою просьбу «необходимостью по домашним обстоятельствам» оставить службу «на некоторое время» (РГИА, ф. 1341, оп. 243, д. 150, л. 10–10 об.).

В чем же состояли эти «домашние обстоятельства», и на какие средства намеревался Ф. Н. Анненский жить и содержать свою небольшую семью, находясь в отставке? Прямых ответов на эти два вопроса изученные нами документальные источники не дают, но из них видно, что в середине 1840-х годов в старшей семье Анненских произошли такие события, которые стоят, возможно, в какой-то связи с увольнением Ф. Н. Анненского, вследствие его прошения. Таковы: смерть отца его Николая Ильича, 30 апреля 1845 года, передача его матерью Александрой Павловной ее великолуцкого имения целиком в дар М. Н. Ткачевой, 13 мая 1846 года, уход в 1844 году в отставку с военной службы младшего брата Андрея (генштабиста и военного географа), согласно прошению, «по домашним обстоятельствам»; организация вышедшим в 1843 году в отставку с гражданской службы старшим его братом Николаем Николаевичем в 1845–1846 годах крупного предприятия по контракту с правительством: содержанию всех почтовых станций С-Петербургской губернии с привлечением к участию в этом контракте в качестве залогодателей некоторых состоятельных лиц (в том числе и такого сановника, как А. Ф. Веймарн, под начальством которого служил в Сенате Ф. Н. Анненский).

Почтосодержательная деятельность Н. Н. Анненского продолжалась 17 лет, включив с 1856 года еще и участие в содержании «вольных почт» на тракте от Москвы до Харькова, и сыграла значительную роль в обеспечении почтовых сообщений и пассажирских перевозок – особенно в военное время (венгерская кампания и Крымская война). Впрочем, вследствие ряда неблагоприятных факторов (неурожаи, бюрократические помехи и др.), эта его частнопредпринимательская деятельность завершилась к 1862 году банкротством: он задолжал казне около 700 тысяч рублей и не смог этот долг погасить. Комитет министров, рассмотрев «по высочайшему» повелению прошение, поданное Н. Н. Анненским царю Александру II, о рассрочке платежа на 24 года, отказал просителю (РГИА, ф. 1263, д. 2982, л. 356–395; ф. 1289, оп. 1, д. 1269; д. 1018; д. 1324 – о залогах Н. Н. Анненского и о выданной ему ссуде).²⁹ Есть основания предполагать, что в начальный период функционирования почтовый антрепризы Н. Н. Анненского, последний привлек брата Федора к участию в ней в качестве своего помощника (к сожалению, документов по начальному периоду не сохранилось ни в фонде

почтового департамента – РГИА, ф. 1289, ни в фонде С-Петербургского почтамта – ЦГИА СПб, ф. 1543). В позднейший период Н. Н. Анненский использовал, в качестве своего уполномоченного, младшего брата – отставного штабс-капитана Андрея Николаевича Анненского (РГИА, ф. 1289, оп. 1, д. 1324, л. 6 об.). Во всяком случае не подлежит сомнению, что Ф. Н. Анненский, находясь в отставке в Петербурге с мая 1847 года по март 1849 года, т. е. около двух лет, имел какие-то оплачиваемые частные занятия, служившие ему источником средств существования. В частности, нами установлено, что Ф. Н. Анненский занимался или пытался заняться в тот период частной юридической практикой по гражданским делам. Об этом свидетельствует запрос, поступивший в апреле 1848 года из канцелярии Министерства юстиции к обер-прокурору I-го департамента Сената Борису Карловичу Данзасу, нет ли каких-либо препятствий по прежней службе статского советника, бывшего обер-секретаря Анненского к внесению его в список «присяжных стряпчих» С-Петербургского Коммерческого суда (так именовались утверждаемые официально министром юстиции поверенные в Коммерческом суде по делам между частными лицами). Ответ для доклада министру юстиции был дан Б. К. Данзасом по наведении справок о Ф. Н. Анненском самый благоприятный: «...во время службы его в канцелярии Правительствующего Сената с 1840 года аттестовался способным и достойным, уволен же он от службы, вследствие поданного от него прошения, по Высочайшему приказу от 10 мая прошлого года» (РГИА, ф. 1341, оп. 243, д. 150, л. 16–18 об.).

Такая положительная характеристика Ф. Н. Анненского за время его сенатской службы подтверждалась и позднее тем же Б. К. Данзасом в ответе его Главному управлению Западной Сибири на запрос последнего в 1851 году: «Не подвергался ли Статский советник Федор Анненский таким случаям, которые лишали бы его права на получение знака отличия беспорочной службы?». Данзас ответил: «Не подвергался» (Там же, л. 19–20).

Видимо, все же материальное положение Ф. Н. Анненского в период его двухлетнего пребывания в отставке после ухода из Сената ухудшилось. Частная практика не оправдывала возлагавшихся на нее надежд, а вернуться на государственную службу в столице было трудно за отсутствием подходящих вакантных должностей.

Поэтому определение Ф. Н. Анненского из отставки на должность советника и начальника отделения Главного управления Западной Сибири в 1849 году явилось якорем спасения для его семейства.

Чтобы получить эту должность, нужна была чья-то протекция. Таковая могла быть оказана Федору Николаевичу одним из его старших братьев – Александром Николаевичем Анненским, действительным статским советником, который к тому времени, занимая должность вице-директора департамента общих дел Министерства внутренних дел, неоднократно управлял этим департаментом и был в вопросах назначений и перемещений по своему ведомству влиятельной персоной (РГИА, ф. 1284, оп. 41, д. 32, л. 54 об.–58).

По штату совета Главного управления Западной Сибири от 17 декабря 1837 года и «высочайше» утвержденному 21 октября 1838 года Мнению Государственного Совета, годовой оклад содержания советника означенного управления составлял на ассигнации 3500 рублей, что при перерасчёте на серебро равнялось 1000 р. 72 к. в год, из коих удерживалось в пользу государственного казначейства 20 р. 02 к., а выдавалось чиновнику фактически на руки 980 р. 70 к. (ПСЗ. Т. XV. Отд. II. Приложение к № 14105). В номинальных цифрах этот оклад советника оказывался на 1000 р. асс. в год меньше годового содержания обер-секретаря Сената, положенного Ф. Н. Анненскому по этой должности в 1841–1847 годах в Петербурге, но зато и жизнь в Сибири требовала гораздо меньших затрат, чем в столице, в виду дешевизны цен и обилия продуктов в западно-сибирском регионе. К тому же руководящие чиновники Главного управления, расположенного в Омской крепости, имели там казенные квартиры,³⁰ тогда как сенатским чиновникам обер-секретарского ранга таковых не полагалось.

Словом, определение на должность советника Главного управления в Омск сулило Ф. Н. Анненскому и его семье удовлетворительные условия жизни. Из его формулярного списка видно, что назначение на должность в Западную Сибирь он получил 30 марта 1849 года, а фактически прибыл с семьей в Омск к 4 июня того же года. Так начинался сибирский период жизни и деятельности Ф. Н. Анненского.

Служебная карьера Ф. Н. Анненского в Западной Сибири складывалась весьма успешно. По поручению генерал-губернатора

он ревизовал в 1852 году Томскую казенную палату, был выдвинут по совместительству на почетный пост директора Омского отделения попечительного о тюрьмах комитета в 1853 году, а в 1854 году назначен председательствующим директором того же отделения названного комитета.

Награды следовали одна за другой: орден Анны 2-й степени в 1854 году, знаки отличия бессрочной службы за 15 лет в том же 1854 году и за 20 лет – в 1855 году (при соответствующих грамотах) восполняли пробел в его регалиях; в 1856 году состоялось внеочередное производство его «за отличие» в чин действительного статского советника, а в 1859 году последовало пожалование ему ордена Станислава 2-й степени с Императорской короной. По чину ему такой орден полагался.

Заметим кстати, что в Петербурге Ф. Н. Анненский получал не раз денежные награды и словесные поощрения («благоволения», «признательности» и т. п.), но не был там награжден ни одним орденом младших степеней. Для молодых небогатых чиновников денежные награды были предпочтительнее орденов, так как получение орденов сопряжено было со взносом денег из собственного кармана «на благотворительные цели» в кассу Капитула Российских Императорских и Царских орденов по установленной «таксе»: чем выше орден, тем больше взнос.

За ордена младших степеней с награжденных ими лиц взималось по «расценкам», введенным с 3 февраля 1816 года: за орденские знаки Анны и Станислава 3-й степени по 15 рублей, а второй степени тех же орденов – по 30 рублей, как и за орден Владимира 4-й степени. «Высочайшим» указом от 8 августа 1860 года было предписано Капитулу орденов взимать с награжденных орденами Анны 3-й степени по 20 рублей, Анны 2-й степени – 35 рублей, за орден Владимира 4-й степени – 40 рублей, а взносы за ордена высших рангов и степеней несколько уменьшились.³¹ Для мелких чиновников, получавших ничтожное содержание, оплата орденских наград оказывалась непосильной. Зная это, начальство воздерживалось представлять их к награждению орденами и предпочитало ходатайствовать о денежных для них наградах. Под такое неписанное правило, видимо, подпадал в Сенате и Ф. Н. Анненский, хотя и был он средней руки чиновником,

а не Акакием Акакиевичем Башмачкиным. В Сибири же получить ордена стало для Ф. Н. Анненского более «по карману».

Особенно отличился отец Анненского, Федор Николаевич, будучи членом совета Главного управления Западной Сибири с 1857 года, работой в создании при Главном управлении в 1858 году «Комитета об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян Западной Сибири», председателем которого его назначил генерал-губернатор генерал от инфантерии Г. Х. Гасфорт. С составленным Ф. Н. Анненским в этом комитете проектом по крестьянскому вопросу его и командировали в том же году в Петербург и по каким-то еще «особым делам», порученным генерал-губернатором.³² В связи с работой в упомянутом комитете Ф. Н. Анненский позднее получил в 1861 году серебряную медаль, для ношения в петлице на Александровской ленте «за участие в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости по званию делопроизводителя Главного Управления Западной Сибири».

Ее ему прислали из Омска в Петербург в мае 1862 года при соответствующем свидетельстве за подписью преемника Г. Х. Гасфорта – генерал-губернатора Западной Сибири, генерала от инфантерии А. О. Дюгамеля.

Приказом министра внутренних дел Ф. Н. Анненский с 28 марта 1859 года получил назначение в Томск на должность председателя Томского губернского правления, которую совмещал с исполнением обязанностей председателя приказа общественного призрения Томской губернии.

Размер денежного содержания, которое получал Ф. Н. Анненский, служа советником главного управления в Омске, не указан в формулярном списке, но мы выяснили установленный для этой должности оклад по ПСЗ, о чем сказано выше. Напротив, в последнем его сибирском формуляре, составленном 2 февраля 1860 года по должности председателя Томского губернского правления, отмечено, что с момента его назначения на эту должность он стал получать в год: жалованья 1400 рублей, столовых 600 рублей, квартирных 687 рублей, а всего 2687 рублей (в каком исчислении – не указано, но, вероятно, в серебре, а не в ассигнациях). Если считать в серебре, то это почти в три раза больше того оклада, какой получал Ф. Н. Анненский в Омске. Семья же его к тому времени состояла из жены, Натальи

Петровны, и шестерых детей: двух сыновей: Николая, родившегося в 1843 году, маленького Иннокентия, родившегося в 1855 году, и четырех дочерей: Натальи, родившейся в 1840 году, Александры – в 1842 году, Марии, родившейся 3 июля 1850 года и Любви, родившейся 12 июня 1852 года.³³ Из них к тому же времени только один Николай служил в Томском общем губернском управлении в чине губернского секретаря, отслуживая положенный срок за образование и воспитание, полученное им на казенный счет в Сибирском кадетском корпусе. Все остальные члены семьи Федора Николаевича находились при главе семьи и состояли на его иждивении. Если даже считать, что Николай Федорович всецело уже содержал себя сам (а это едва ли так), то на каждого из остальных семи членов семейства приходилось в среднем менее 32 рублей в месяц. Мы вправе заключить, что Александра Никитична Анненская (Ткачева), не была сама свидетельницей сибирской жизни своего дяди и свекра, Федора Николаевича, впала, по недостаточной своей осведомленности, в ошибку в известных воспоминаниях «Из прошлых лет», когда заявила в них, что он-де получал там «большое жалованье» и «привык жить широко». Надо учитывать, что служебное положение Ф. Н. Анненского требовало затрат «на представительство», найма хорошего жилья, прислуги, а должно быть, и экипажа с лошадьми. На такое бытовое устройство его средств было явно недостаточно даже при сибирской дешевизне и изобилии сельскохозяйственных продуктов. Притом, в сравнении с генерал-губернаторской резиденцией – Омском, тогдашний Томск выглядел захолустьем, хотя и имел ранг губернского города. Федор Николаевич и Наталья Петровна Анненские были, конечно, озабочены завершением воспитания своих детей на уровне, соответствующем общественному положению родителей. Особенно заботила их и судьба болезненного младшего сына Кени. Поэтому, хотя назначение Ф. Н. Анненского в Томск и считалось, с формальной точки зрения, повышением по службе, оно его явно не устраивало. Прослужил он в Томске неполный год и в течение этого срока трижды управлял Томской губернией, замещая отсутствовавшего гражданского губернатора, т. е. оставался на вторых ролях. При том, как потом выяснилось, он навлек на себя некоторые нарекания со стороны своего омского начальства за недостаточную твердость по отношению к одному неисправному

исполнителю поставок провианта для войск. Неудивительно, что у Ф. Н. Анненского созрело решение оставить службу в Сибири и отправиться искать счастья в столицу. Согласие генерал-губернатора на свое перемещение он получил в Омске 2 февраля 1860 года на заверенной копии формулярного списка о своей службе. Не имея официального перевода в Петербург и числясь формально в должности председателя Томского губернского правления, а следовательно, не получив подъемных и прогонных денег, он со своим семейством тронулся³⁴ в дальний и нелегкий по тем временам путь по сибирскому почтовому тракту на перекладных без казенной «подорожной» за собственный счет в столицу. Так закончился сибирский период службы Ф. Н. Анненского. <...>

Ф. Н. Анненский со своим семейством вернулся из Сибири в Петербург не позднее 19 мая 1860 года (вероятно, несколькими днями раньше). Такой датой обозначена докладная записка, адресованная непосредственно министру внутренних дел, которую он написал и подал, прибыв в столицу и поселившись в квартире на Знаменской улице <...>.

Это было в последний год пребывания С. С. Ланского во главе Министерства внутренних дел. В докладной своей записке Ф. Н. Анненский заявил, что «не имея возможности по семейным обстоятельствам продолжать службу в Сибири», он просит причислить его «впредь до усмотрения, к Министерству внутренних дел». К записке он приложил копию своего формулярного списка, «с удостоверением о неимении со стороны Генерал-Губернатора Западной Сибири препятствий к перемещению его на службу по другому ведомству». <...>

Рассчитывать Ф. Н. Анненский мог теперь только на самого себя, т. к. влиятельных связей в Министерстве и вообще в столице у него уже не было: первый из старших братьев – Николай Николаевич стоял на пороге полного финансового краха своего почтово-транспортного предприятия, а потому никакой протекции оказать брату Федору не мог; третий из старших его братьев – Александр Николаевич, сначала преуспевавший по службе, отсутствовал: после упразднения должности Вице-Директора Деп<артамен>та общих дел М<инистерства> в<нутренних> д<ел>, он был причислен с 1 октября 1854 года к Министерству, а затем, по представлению

министра внутренних дел генерал-адъютанта Д. Г. Бибикова, Александр II именным указом от 19 марта 1855 года «всемиловитейше» назначил его исправляющим должность Черниговского гражданского губернатора. Перед отъездом в Чернигов А. Н. Анненский «имел счастье» представляться царю Александру II лично 2 мая 1855 года, в понедельник в час по полудни. Но этот, казалось бы, многообещающий «взлет» чиновничьей карьеры Александра Анненского вскоре завершился полным фиаско. На самостоятельном административном посту он скомпрометировал себя «помпадурскими» поступками в глазах влиятельной части городского населения.³⁵ На него поступили жалобы к начальнику всемогущего III отделения князю В. А. Долгорукому и к новому министру внутренних дел статс-секретарю С. С. Ланскому.

В результате Александру Анненскому, по представлению С. С. Ланского было объявлено 31 июля 1856 года негласно «высочайшее замечание», а в январе 1857 года его уволили в отставку (РГИА, ф. 1284, оп. 41, д. 32, 1855 г., л. 1–63 об.; д. 135, 1856 г., л. 1–3 об.).

В опубликованном списке Черниговских губернаторов действительный статский советник Александр Николаевич Анненский значится под порядковым № 10 исправляющим должность гражданского губернатора с 22 мая 1855 по 31 января 1857 года – т. е. менее полутора лет.³⁶ Причисленные к Министерству внутренних дел чиновники «генеральских рангов» обычно составляли как бы резерв, из которого подбирались кандидаты на посты начальников губерний. Вероятно, на такое выдвижение рассчитывал и действительный статский советник Федор Анненский: ему тогда было 44 года отроду, он имел отличное образование и многолетний служебный опыт. Однако в руководящем аппарате М<инистерства> в<нутренних> д<ел> не позабыта была «конфузия», приключившаяся в 1850-х годах с Александром Анненским, и этот аппарат не стал давать хода и его брату Федору.

К министерству Ф. Н. Анненского причислили «по прошению» с увольнением от должности председателя Томского губернского правления с 28 мая 1860 года, но без содержания. Поручений же никаких не дали. Ф. Н. Анненский 5 июня 1860 года осмелился напомнить о себе министру С. С. Ланскому, прося поручить ему

исполнение «каких-либо временных обязанностей по рассмотрению дел или по производству следствий, ревизий, местных обзоров и т. п.». Он ссылался на то, что «в продолжение последних 16 лет своей службы, занимаясь постоянно делами Министерства Внутренних дел, в званиях: обер-секретаря I экспедиции I-го департамента Правительствующего сената (1842–1847), члена совета и начальника I-го отделения Главного управления Западной Сибири (1849–1859) и председателя Томского губернского правления (1859–1860), ... позволяет себе думать, что по приобретенной им многосторонней опытности по административной части, он может быть не бесполезным для Министерства». Он добавляет: «Не утруждая Вашего Высокопревосходительства в настоящее время и обязываясь не беспокоить и впредь никакими просьбами о месте или жалованьях, – Анненский желает одного, – не оставаться в праздности и не пользоваться даром правами службы, в которой он был всегда, если не из первых по способности, то не из последних по усердию деятелей». <...>

Лишь 28 сентября 1860 года предписанием министра С. С. Ланского его делегировали от М<инистерства> в<нутренних> д<ел> в межведомственный комитет, занимавшийся составлением проекта законоположения о судебных пошлинах, который был учрежден при II Отделении Собственной ЕИВ Канцелярии.

Работа этого комитета тянулась больше года. Главноуправляющий II Отделением Собственной ЕИВ Канцелярии статс-секретарь граф Д. Н. Блудов уведомил 3 декабря 1861 года министра внутренних дел об окончании занятий означенного комитета и о представлении им проекта законоположения в Государственный Совет, причем особо отметил «полезное содействие в трудах комитета со стороны члена оного от Министерства, вверенного Вашему управлению, действительного статского советника Анненского» (Там же, л. 12).

28 февраля 1863 года Ф. Н. Анненский, продолжая числиться «состоящим при Министерстве внутренних дел», подал прошение в департамент общих дел М<инистерства> в<нутренних> д<ел> о выдаче ему засвидетельствованной копии с формулярного списка о его службе «для помещения младшей дочери моей Любове в казенное заведение». Просимый документ был ему выдан 5 марта 1863 года (Там же, л. 17, 21). К тому времени Любове Федоровне

Анненской шел одиннадцатый год отроду. В какое именно казенное учебное заведение поместил ее отец, установить не удалось. Известно лишь из воспоминаний Александры Никитичны Анненской (Ткачевой), что младшая сестра Николая Федоровича «кончила гимназию и давала уроки», а другая сестра (Мария) сделалась телеграфисткой. По тем же мемуарным данным, обе они, как и младший брат Иннокентий, жили по большей части у Николая Федоровича, а не с родителями.

Понятно, что эти страницы воспоминаний А. Н. Анненской касаются событий жизни семьи Анненских, совпадающих с периодом подготовки юного Иннокентия к «испытаниям зрелости» и поступления его на 1 курс университета, а также с увольнением Ф. Н. Анненского в отставку. В личном деле их отца, имеется собственноручно написанная им справка, которой он вносил уточнения при составлении последнего формулярного списка в графу о составе его семьи: «Имеет детей: сыновей: *Николая*, родившегося 28 марта 1843 г., находящегося на службе в Министерстве путей сообщения, *Иннокентия*, родившегося 20 августа 1855 года и находящегося при родителях, и дочерей: *Наталью*, родившуюся 1 мая 1840 г., находящуюся в замужестве за Потомственным Почетным Гражданином Марьяновым, *Александрю*, родившуюся 24 января 1842 г., в замужестве за Надворным Советником Крамером, девиц: *Марию*, родившуюся 3 июля 1850 г., и *Любовь*, родившуюся 12 июня 1852 г., находящихся при родителях» (РГИА, ф. 1284, оп. 76, д. 67, л. 115–115 об.).

Сведения эти относятся к 1874 и 1875 годам, когда Иннокентий Федорович достиг возраста 18–19 лет, а любимая его сестра Люба – возраста 22–23 лет. Естественно, что она давно уже кончила то «казенное учебное заведение», в которое была помещена отцом в 1863 году.

По словам А. Н. Анненской, Любовь Федоровна кончила «гимназию», но какую именно, – этого мемуаристка конкретно не указала. Между тем в ту пору уже существовали женские гимназии двоякого рода: 1) учрежденные в 1870 году «министерские», т. е. состоявшие в ведомстве Министерства народного просвещения; 2) «мариинские», в каковые были переименованы в 1862 году женские училища ведомства императрицы Марии. Те и другие являлись «открытыми», т. е. предназначались только для приходящих учениц. Едва ли при

стесненных обстоятельствах, в каких очутился Ф. Н. Анненский в 1860-х годах, вернувшись в столицу, стал бы определять свою дочь в гимназию и не воспользовался возможностью поместить ее на полное содержание в один из закрытых женских институтов Петербурга. Достоверность сообщения А. Н. Анненской о том, что Любовь Федоровна получила образование в женской гимназии, вызывает сомнение. Во всяком случае, оно нуждается в подтверждении. Ведь можно предположить, что мемуаристка допустила тут случайную ошибку памяти. У воспоминателей такие ошибки случаются нередко. Это общеизвестно.

К тому времени уже состоялась помолвка Любови Федоровны Анненской с Иосифом (Осипом) Егоровичем Деникером (род. 23 февраля 1852).

Жозеф Деникер – француз по происхождению был русским подданным, уроженцем Астрахани, сыном купца. Получив среднее образование в Астраханской гимназии, он приехал в Петербург в 1869 году и поступил в Технологический институт. Окончив курс института в 1873 году, он стал инженером-технологом, специалистом по нефти.

Его сестра Елена Егоровна Деникер (в замужестве Шпилева) была близка с семьей Анненских. Как утверждает в своем мемуарном очерке Валентин Кривич, написанная Анненским в 1874–1875 годах неопубликованная поэма «Магдалина»¹ (4000 строк, автограф РГАЛИ) посвящена Е. Е. Деникер. <Кривич, 221–222.> Сам Иосиф Егорович Деникер в бытность студентом-технологом принадлежал к кружку радикально настроенной молодежи, он присутствовал осенью 1871 года на последнем судебном заседании по нечаевскому делу, а в конце 1872 и в начале 1873 годов участвовал в многолюдных конспиративных собраниях, на которых вернувшаяся из заграницы сестра П. Н. Ткачева Софья Никитична Криль читала по-русски с французского текста «Движение коммуналистов» Лефрансе. Он привлекался в 1874 году по делу 193-х «О пропаганде в империи» за передачу революционных книг другому лицу. По постановлению от 19 февраля 1876 года И. Е. Деникер подлежал высылке в административном порядке с установлением

---

¹ В настоящее время опубликована отдельным изданием: *Анненский Иннокентий. Магдалина. Поэма* / Издание подготовил Владимир Гитин. М., 1997.

за ним негласного надзора полиции. Но он предпочел до приведения в исполнение этого постановления эмигрировать в 1874 году во Францию, натурализоваться там и, сменив специальность, стал крупным ученым-антропологом.³⁷ А. Н. Анненская в своих воспоминаниях отметила первое заграничное путешествие, предпринятое Н. Ф. Анненским вместе с нею летом 1875 года, чтобы «отвезти его младшую сестру к ее жениху, случайно попавшему в число эмигрантов».³⁸ Она даже не назвала ни имени этой сестры, ни фамилии ее жениха, и нарочито отнесла его к людям, якобы «случайно попавшим в число эмигрантов». Такую ее предосторожность можно объяснить тем, что Н. Ф. Анненский, вследствие близости его с П. Н. Ткачевым, арестовывался в 1869 году в Петербурге в связи с нечаевским делом, был освобожден из-под стражи 3 февраля 1870 года и выступал затем в качестве свидетеля защиты на процессе нечаевцев. Надо учесть также, что писала она свои воспоминания, когда Жозеф Деникер был еще жив. А между тем, как теперь известно из публикации Ш. М. Левина, Жозеф Деникер, хотя и прекратил свою революционную деятельность, занявшись всецело антропологией, но с кругами русской революционной эмиграции поддерживал связи. В парижской квартире Деникеров бывали Петр Лавров и другие революционеры.

Да и свои воспоминания И. Е. Деникер написал по предложению организации «Народная Воля», в архиве которой они и сохранились.

Из личного дела Н. Ф. Анненского по Мин<истерст>ву путей сообщения видно, что по его прошению ему 4 июля 1875 года был предоставлен отпуск за границу с сохранением содержания на два месяца, из коего он возвратился в срок – 4 сентября 1875 года (РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 113, л. 37–42). Этим подтверждается и уточняется датировка первой заграничной поездки Н. Ф. и А. Н. Анненских, указанная в мемуарах последней.

Любовь Федоровна Анненская, приехав в Париж, стала женой Жозефа Деникера и осталась там навсегда. Она родила Жозефу Деникеру троих сыновей и одну дочь, потомки которых, может быть, сейчас живут во Франции.³⁹

Дата смерти Л. Ф. Анненской-Деникер в доступных нам источниках не обозначена.

Важно отметить, что Анненский переписывался со своей любимой сестрой Любой Деникер и во время своих заграничных поездок посещал семью Деникеров в Париже. Сын Любы и Жозефа молодой французский поэт Николя Деникер, принадлежавший к литературной группе «Декада», посвятил своему дяде Анненскому поэму «Этуаль» («Звезда»), что зарегистрировано в известной библиографии Евгения Архиппова. Ниже мы еще рассмотрим письмо Анненского к Любе Деникер от 1 сентября 1879 года, фрагмент которого опубликовал по фотокопии Валентин Кривич в своем мемуарном очерке об отце. К сожалению, письмо это не включено в публикацию эпистолярного наследия Анненского, помещенного выборочно в раздел «Дополнений» <КО, 201–499>.¹

Что касается Елены Егоровны Деникер, то она окончила Петербургские Высшие курсы по специально-математическому отделению в I выпуске в 1882 году и уехала в Самару. (Памятная книжка окончивших курс на С-Петербургских Высших женских Курсах в 1882–1889, 1893–1903 гг. С. 17, порядковый № 203). Видимо, она осталась в России. Последующая ее судьба не выяснена.

Впрочем, в 1861 году С. С. Ланской был уже смнен на посту министра внутренних дел статс-секретарем П. А. Валуевым, при котором положение Ф. Н. Анненского заметно возвысилось: он стал получать и ревностно исполнять немало особых поручений, направленных по большей части к подавлению революционного движения в стране. Его поощряли выдачей денежных пособий, а с 7 марта 1864 года дали ему штатную должность чиновника особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел с окладом в 2000 рублей в год и в апреле того же года наградили его орденом Владимира 3-й степени (этот орден носился на шее и за него от награждаемого требовался взнос в Капитул 45 рублей). Четыре без малого года Ф. Н. Анненский, живя и служа в Петербурге после службы в Сибири, не получал никакого жалованья, а только эпизодические единовременные пособия, затем стал получать 2000 р. в год, т. е. менее 167 рублей в месяц. На каждого из семи членов семейства приходилось в среднем менее 24 рублей в месяц, т. е. примерно, три четверти той суммы, которую они имели в Томске. Средств для жизни в Петербурге семье Анненских явно не хватало. Чтобы выйти

---

¹ В настоящее время опубликовано полностью. См.: *Письма*, I, 26–39.

из безденежья, Федор Николаевич занялся вне службы частной коммерческой деятельностью, вести которую не умел, а потому безнадежно запутался в долгах. Такова в кратчайшем изложении жизнь и деятельность Ф. Н. Анненского на протяжении второго петербургского периода его биографии. <...>

Валентин Анненский в мемуарном своем очерке заявлял: «Писать о детских годах отца я не буду: здесь пришлось бы говорить исключительно с чужих слов, да и притом не столько о нем самом, сколько о его старших, а это – как ни заманчиво было бы углубиться в бытописание чиновно-дворянского уклада старшей семьи, в жизни которой, может быть, нашлось бы немало красочных страниц и строк, – завело бы меня слишком далеко от моей ближайшей темы» <Кривич, 217>.

Так, уклонившись от описания жизни «старшей семьи», без чего невозможно, конечно, осветить и детство Анненского, – Валентин Иннокентьевич, намекнул читателям, что «углубиться в бытописание чиновно-дворянского уклада» семьи своего деда для него было бы «заманчивым», поскольку там, по его предположению, «нашлось бы немало красочных страниц и строк». Представленные нами достоверные факты никак не подтверждают такого предположения.

<Личное дело преподавателя древних языков С-Петербургской гимназии Ф. Ф. Бычкова (с 1883 года – гимназия Я. Г. Гуревича) Иннокентия Анненского>

Гимназия Ф. Ф. Бычкова, ставшая с 1883 года гимназией Я. Г. Гуревича, помещалась: угол Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова) и Лиговки (ныне Лиговский проспект), д. 14–43. Поступив в нее на службу, Анненский поселился со своей сводной семьей неподалеку от здания этой гимназии. Вал. Кривич так обозначил адрес их квартиры в своих воспоминаниях: «в доме князя Голицына на углу Надежденской (ныне это улица Маяковского – А. О.) и Ковенского переулка, а потом на углу Малой Итальянской (ныне ул. Жуковского) и той же Надежденской в доме Риделя» <Кривич, 229>. В личном деле самого Анненского по гимназии Ф. Ф. Бычкова адрес этот зафиксирован штампами полицейской прописки: 9 сентября 1881 года

и 31 августа 1882 года – «Литейной части, 2 участка дом 9 по Надежденской записан учитель на квартире» (РГИА, ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 57 об. и 56 об.). <...>

...<личное дело> преподавателя древних языков С-Петербургской гимназии Ф. Ф. Бычкова <...> Анненского <...> выявлено впервые и исследовано мною <...> при изучении архивного фонда означенной гимназии (ЦГИА СПб, ф 171). Указанный фонд оставался вне поля зрения предшествующих исследователей, несмотря на то, что им было известно о самом факте пребывания Анненского на службе в этом учебном заведении в начале своей педагогической деятельности. <...>

Как бы то ни было, в данном личном деле Анненского остались не востребованными и пролежали там в неприкосновенности с 1879 года (почти сто лет) подлинники ряда документов, имеющих существенное правовое и биографическое значение, как то: а) это его метрическое свидетельство о рождении и крещении;⁴⁰ б) свидетельство зрелости, полученное им в гимназии Человеколюбивого общества; в) свидетельство на звание учителя гимназии с правом преподавания латинского и греческого языков с 3 сентября 1879 года за № 6232, выданное канцелярией попечителя С-Петербургского учебного округа; г) Диплом кандидата историко-филологического факультета С-Петербургского университета от 13 ноября 1880 года за № 10034; д) Брачное свидетельство от 18 марта 1881 года за № 58, выданное причтом церкви св. Апостола Никанора при Доме призрения малолетних бедных в Петербурге (год вступления в брак 1879-й); е) метрическое свидетельство о рождении и крещении сына Валентина, выданное причтом Благовещенской церкви села Головеньки Бельского уезда Смоленской губернии, от 22 июля 1880 года за № 6.

Часть указанных документов имеется в виде копий и в студенческом личном деле Анненского (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 18333), а именно – незаверенная писарская копия его метрического свидетельства о рождении и крещении (недостаточно точная), писарская копия свидетельства о зрелости, тоже незаверенная, и хороший типографский дубликат-отпуск кандидатского диплома с автографом расписки Анненского (Там же, л. 22–22 об., 21–21 об.)

Кроме того, в том же личном деле Анненского о службе его в гимназии Ф. Ф. Бычкова – Я. Г. Гуревича (ЦГИА СПб, ф. 171, оп. 1, д. 16) подшита большая серия документов, составленных в самой этой гимназии с 1879 до 1891 года, которые представляют биографическую ценность и потому использованы теперь мною: в частности, свидетельства, удостоверяющие личность, целый ряд отпускных свидетельств, документы об отношении к воинской повинности и др.

Словом, это личное дело содержит большой объем точной в хронологическом и фактическом отношении биографической информации за более чем десятилетний период жизни и работы Анненского в Петербурге до его переезда в Киев. <...>

<Метрическое свидетельство Анненского>

Из текста <...> подлинного метрического свидетельства видно, что этот документ о рождении и крещении сына Иннокентия был получен Федором Николаевичем Анненским в 1864 году из Тобольска, где находилась тогда духовная консистория, то есть аппарат епархиального управления, в ведение которого состояли и церкви областного города Омска. Нет сомнения, что Ф. Н. Анненскому этот документ понадобился в связи с предстоящим определением младшего его сына Иннокентия в среднее учебное заведение в Петербурге. Находясь в Сибири на службе, он не озаботился получить этот документ на месте, а потому ему пришлось посылать из Петербурга в Тобольскую духовную консисторию прошение о присылке оттуда этого метрического свидетельства. Присланное Ф. Н. Анненскому из Тобольска в Петербург свидетельство надлежащим образом заверено духовной консисторией. По действовавшим тогда правилам, подтверждение консисторией подлинности и правильности первичной священнической записи являлось обязательным условием для придания документу полной юридической силы. Для такой цели в архивах консистории хранились пополнявшиеся ежегодно дубликаты метрических книг всех церквей данной епархии, с каковыми и производилось сличение.

Текст консисторской части свидетельства, судя по почерку, написан самим членом консистории священником Т. Цветковым,

а не каким-либо из консисторских чиновников, чьи скрепы стоят ниже его подписи.

Судя по почерку текст священнической части метрического свидетельства написан рукой дьячка Д. Смирнова, а три слова подписи: «Протоиерей Стефан Знаменский» – автограф.

Священник Стефан (в просторечии – Степан) Яковлевич Знаменский вошел в историю как искренний друг декабристов ялуторовской группы, активный помощник Ивана Дмитриевича Якушкина в школьном деле. В бытность молодым священником, С. Я. Знаменский был прислан в конце 1839–начале 1840 года из Тобольска на службу в Ялуторовск, стал там к началу 50-х годов протоиереем, настоятелем городского Сретенского собора, а вместе с тем – активным участником культурно-просветительской деятельности ссыльных декабристов. Товарищи И. Д. Якушкина, находившиеся вместе с ним на поселении в Ялуторовске – И. И. Пущин, М. И. Муравьев-Апостол, В. К. Тизенгаузен, Е. П. Оболенский, А. В. Ентальцев и Н. В. Басаргин, а также жены декабристов – Александра Васильевна Ентальцева и Ольга Ивановна Басаргина (урожденная Менделеева), помогавшие Якушкину в школе, повседневно общались с «отцом Стефаном» – С. Я. Знаменским. Все они питали к нему дружеские чувства. Декабрист М. А. Фонвизин, находясь на поселении в Тобольске, сблизился там с С. Я. Знаменским и после его переезда в Ялуторовск поддерживал с ним дружескую переписку.

В конце 1853 года епархиальное начальство по желанию генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта перевело протоиерея С. Я. Знаменского на службу в Омск, назначив его настоятелем крепостного собора. Мотивы, побудившие генерал-губернатора предложить архиерею переместить Знаменского из Ялуторовска в Омск, остаются еще нераскрытыми: с одной стороны, перевод его в Омск – резиденцию генерал-губернатора из ялуторовского захолустья выглядел как повышение по службе, но с другой стороны, замена Знаменского другим священником в Ялуторовске лишила декабристов поддержки, так как преемник его проявил себя ярким ненавистником и притеснителем

ссылных декабристов, чинившим всяческие преграды их культурно-просветительской деятельности. Полностью разобщить декабристов и Знаменского их гонителям, однако, не удалось: их связи не прекратились и после его перемещения в Омск. Так, летом 1854 года, когда И. Д. Якушкин добился разрешения поехать на водолечение в Восточную Сибирь в сопровождении своего ученого сына Вячеслава Ивановича, он по пути останавливался в Омске и встречался со своим другом Степаном Яковлевичем, а затем продолжал с ним переписку. Притом С. Я. Знаменский деятельно продолжил в Омске дело организации школьного образования, основы которого были заложены И. Д. Якушкиным в Ялуторовске, где это прогрессивное начинание получило одобрительную оценку ревизовавшего Сибирь сенатора графа И. Н. Толстого, настроенного по отношению к декабристам либерально.

Надо заметить, что такой гуманный, бескорыстный и либерально настроенный священник, свободный от политической и религиозной нетерпимости, каким был протоиерей С. Я. Знаменский, питавший самую искреннюю дружбу к атеисту Якушкину и к свободомыслящему Пушкину, – явление крайне редкое среди русского православного духовенства вообще, а среди провинциального – в особенности.⁴¹

Нам неизвестно, разделил ли Федор Николаевич Анненский то уважительное и сочувственное отношение, какое проявляли его одноклассники, другие питомцы Царскосельского лицея к ссылке своему «лицейскому деду» Ивану Ивановичу Пушкину, когда они, приезжая по служебным делам в Сибирь, навещали его проездом в Ялуторовск с дружескими визитами. Достоверно одно: крестины Анненского неопровержимо свидетельствуют о факте личного знакомства Федора Николаевича со Степаном Яковлевичем Знаменским – другом декабристов. А по своему служебному положению в административном аппарате Западной Сибири Ф. Н. Анненский, без сомнения, знал, что ближайший друг Пушкина – «Жанно» Пушкин сослан на поселение в Ялуторовск, и что С. Я. Знаменский состоит с ним в доброй дружбе. Нельзя не признать, что зафиксированное в этом документе событие выглядит примечательно и даже символично: приход Анненского в жизнь встретил у купели на ее пороге сподвижник ссылных декабристов на поприще просвещения «отец Стефан», который дружил с «государственным преступником» И. И. Пуциным – самым близким другом Пушкина, «лицейким дедом» Федора Николаевича Анненского.

Представляет интерес и вопрос о мотивах выбора имени, которым С. Я. Знаменский (разумеется, с согласия родителей) нарек новорожденного младенца. Прекрасное по своей благозвучности русское каноническое имя Иннокентий имеет, как известно, римское происхождение.

В переводе оно означает «невинный» (от латинского «innocens»). В нашу отечественную антропонику оно пришло через Киево-Печерскую славяно-греко-латинскую академию первоначально как имя преимущественно монашеское. С XVIII века оно стало получать распространение в Сибири, где перешло и в топонимику, в которой сохранялось до недавних лет в названии железнодорожной станции «Иннокентьевская» близ Иркутска. Имя Иннокентий превратилось в специфическое сибирское имя. Связано это было с тем, что у сибиряков появился свой «сибирский святой» – Иннокентий епископ Иркутский и Нерчинский, уроженец Черниговской губернии (в миру Иван Кульчицкий). Он родился в 1680 или 1682 году, обучался в Киевской коллегии и был пострижен в монахи в Киево-Печерской лавре с именем Иннокентий в 1708 году, затем занимал ряд руководящих должностей в церковной иерархии европейской части Российской империи, а в 1721 году был направлен с миссионерскими поручениями в Забайкалье. С 1727 года возглавлял Иркутскую епархию, умер в Иркутске в 1731 году, а в 1764 году там, согласно версии церковников, были «обретены его нетленные мощи», вследствие чего Синод официально его канонизировал в «святые» в 1804 году. В православном церковном календаре, по решению Синода, празднование памяти «св. Иннокентия Иркутского» стало отмечаться ежегодно 26 ноября – в канун даты его смерти.⁴²

Поскольку при церковной регистрации рождений можно было нарекать крещаемых младенцев только именами канонизированных церковью «святых», то официальным «патроном» Анненского считался Иннокентий Иркутский, и именины свои Иннокентий Федорович праздновал в кругу своих близких 26 ноября ст. ст.

Однако эти его именины слишком далеко отстоят от дня его рождения. Между тем был в то время в Восточной Сибири и другой епископ Иннокентий, хотя и не причисленный к «лику святых», – гораздо более примечательный деятель, дата рождения которого близка к дате рождения Анненского: это Иван Вениаминов (в монашестве Иннокентий) – выдающийся сибирский просветитель XIX века: естествоиспытатель, этнограф и языковед.⁴³

Иван Евсеевич *Вениаминов* (Попов) родился 26 августа 1797 года в семье пономаря села Ангинского Иркутской губернии (на правом берегу реки Лены). Получив образование в Иркутской духовной семинарии, учительствовал в приходском училище, а затем, став священником, был командирован в 1823 году в качестве миссионера на остров Уналашку, лежащий между Камчаткой и Америкой. Там он прожил вдвоем с женой среди коренного населения 10 лет, занимаясь просветительской деятельностью. Переехал оттуда на остров Ситху, что неподалеку от порта Ново-Архангельский во владениях Российско-Американской компании, то есть в тогдашней «русской Америке», где прожил, состоя на миссионерской службе, еще 6 лет.

И. Е. Вениаминов владел мастерством плотника, кузнеца, печника и строителя и практически обучал ремеслам и изготовлению кирпича жителей указанных островов. С юных лет он увлекался техникой: еще в бытность семинаристом сам сконструировал водяные часы.

Взявшись за обучение островитян грамоте, он проявил выдающиеся лингвистические способности: изучил языки местных народностей, разработал грамматику этих языков, составил буквари и занялся переводом на эти языки церковных книг. Таким путем он впервые создал письменность для малых народностей этого отдаленного региона – алеутов, колошей и тлинкитов. В 1838 году священник И. Е. Вениаминов ездил в Петербург добиваться разрешения печатать свои переводы. Эти его труды получили признание и одобрение не только в Синоде, но и в научных кругах.

Церковное начальство возвело его в сан протоиерея. В это же время умерла его жена. Тогда И. Е. Вениаминов принял в марте 1840 года монашество с именем Иннокентия, а в декабре того же года его возвели на новоучрежденной по его предложению кафедре в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Он лично объезжал подведомственную ему обширную отдаленную епархию. В 1850 году он получил более высокий церковный ранг архиепископа по той же епархии.

Благодаря практическим заботам И. Е. Вениаминова (Иннокентия Алеутского), в обиход отсталых малых народностей, находившихся на уровне каменного века, был впервые внедрен топор, а также стали ими употребляться и другие инструменты из железа, пользоваться которыми он их научил, живя долгие годы среди них

и обучая их грамоте. Его стараниями островитяне научились строить себе отапливаемые жилища. Он сам делал им и противооспенные прививки.

Среди коренного населения островов Алеутского и Курильского архипелагов, а также Камчатки Иннокентий Алеутский снискал себе благодарное отношение, доверие и большую популярность.

Имя талантливого сибиряка, выходца из народных низов Ивана Вениаминова, ставшего Иннокентием Алеутским, принадлежит не истории православной церкви, оно вошло в историю отечественной науки и культуры. Гуманная просветительская деятельность этого замечательного русского человека, высоко оцененная ныне в советской научной литературе, получила в середине XIX века широкую известность среди русской интеллигенции вообще, а в Сибири – в особенности, благодаря изданию его этнографического труда.⁴⁴

С 29 декабря 1857 года Иннокентий (Вениаминов) был избран в почетные академики петербургской Академии Наук.⁴⁵

К сожалению, высокое церковное начальство оторвало Иннокентия Алеутского от сибирской почвы, вызвав его в 1857 году в Петербург для присутствия в Синоде. Когда он попросился отпустить его «на покой», то есть уволить в отставку, чтобы посвятить себя дальнейшей научной работе, – ему отказали. Вместо этого сибиряк Иннокентий получил в январе 1868 года назначение на один из самых высоких постов в церковной иерархии – митрополитом в Москву.

Московский период биографии И. Е. Вениаминова не принес никаких плодов отечественной науке и завершился его смертью 31 марта 1879 года. В 1883 году вышла из-под пера И. Барсукова первая его биография.

Когда же С. Я. Знаменский крестил в 1855 году и нарек Иннокентием новорожденного сына Федора Николаевича Анненского, – Иван Вениаминов под именем Иннокентия находился в Восточной Сибири в должности архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского и пользовался во всей Сибири за свои труды заслуженной славой просветителя-ученого. По существовавшей издавна русской генеалогической традиции сыновей называли обычно в честь дедов с отцовской и материнской стороны. Следуя этой традиции, Федор Николаевич Анненский назвал старшего своего сына Николаем. По тому же обычаю он мог бы назвать третьего своего, самого младшего сына Петром,

тем более, что имя это, принадлежавшее деду с материнской стороны, уже носил рано умерший второй сын Ф. Н. и Н. П. Анненских. Почему же младшему сыну было дано совсем необычное для круга петербургских чиновников «сибирское» имя Иннокентий? Можно догадываться, что сделано это было по предложению С. Я. Знаменского, который и сам был сибирским просветителем, а потому особенно ценил деятельностью своего ближайшего современника и знаменитого собрата – Иннокентия Алеутского (Ивана Вениаминова).

Едва ли такое наименование было дано в честь официального «святого», который прославляется церковными апологетами как ревнитель православного «благочестия» и фанатичный аскет. Гораздо вероятнее, что инициатива С. Я. Знаменского встретила поддержку Анненских потому, что его вдохновлял образ прогрессивного деятеля науки и культуры, каким был Вениаминов – Иннокентий Алеутский, отзвуки славы которого дошли и до Омска.

Можно сказать, что выбор этого имени был тоже символичен, как бы предрекая Анненскому ту прогрессивную миссию, которую он осуществил в истории русской культуры как поэт, ученый-филолог и любимый молодежью учитель.

Валентин Кривич, относившийся с каким-то странным пренебрежением к сибирскому месту рождения своего отца, свидетельствовал, однако, что от сибирского землячества петербургских студентов Иннокентий Федорович неизменно получал пригласительные билеты на благотворительные сибирские вечера и концерты в Петербурге. Стало быть, студенты-сибиряки не забывали, что любимец учащейся молодежи Анненский их земляк по рождению, и гордились им.

В том же мемуарном очерке Валентин Кривич заявлял: «Между прочим, сибирским именем своим отец – нельзя сказать, чтоб был особенно доволен». Мемуарист-сын привел там такой разговор отца с ним:

- Да, я знаю, сына своего Иннокентием не назовешь.
- Не назову.

Присутствовавший при этом диалоге маленький любимый внук Иннокентия Федоровича – Валя Хмара-Барщевский (сын Ольги Петровны, которому Анненский впоследствии посвятил два произведения: проникнутое скорбью «о всех, чья жизнь невозвратима» стихотворение «Вербная неделя» и полное мужественного

патриотизма «Завещание») тут же горячо и решительно объявил дедушке, что своего сына обязательно назовет Иннокентием. <Кривич, 217>. Этим он порадовал деда. И действительно, когда у Валентина Платоновича и Натальи Владимировны Хмара-Барщевских родился в селе Каменец Бельского уезда Смоленской губернии 5 августа 1917 года сын, они назвали его Иннокентием – *Кеней*. Таким хорошим русским ласкательным именем звала Анненского и душевно близкая к поэту Ольга Петровна Хмара-Барщевская, урожденная Лесли.⁴⁶

Упомянул Валентин Кривич и о том, что многолетний слуга семьи Анненских Арефа, искренне любивший Иннокентия Федоровича, пожелал назвать своего новорожденного сына Иннокентием; тронутый таким пожеланием Анненский стал крестным отцом ребенка.

Так в доме Анненских появился еще один Иннокентий – крестник Иннокентия Федоровича. Мальчик этот родился в день открытия Первой Думы, а потому Анненский называл его «Кеня Первотумский».

Уточняя этимологию антропонима Иннокентий, надо добавить, что прилагательное *innocens* имеет в латинском языке, кроме значения «невинный» и «безвердный», еще два значения: «бескорыстный» и «честный». Оба эти нравственных качества были присущи моральному облику Анненского во всех его проявлениях.

Думается, что то, что казалось Валентину Кривичу «недовольством» отца своим именем, было у лингвиста Анненского исследовательским приемом проверки, как воспринимается другими людьми звучание этого относительно редкого имени.

<Свидетельство о зрелости Анненского>

В какой именно из петербургских гимназий пытался Иннокентий Анненский сдать экзамены на свидетельство зрелости в 1874 году, установить по документам не удалось.

Свидетельство (в дальнейшем аттестат) зрелости в дореволюционной России могли получать только лица, сдавшие выпускные экзамены за полный курс мужской гимназии, тогда как лица, кончавшие курс реальных и коммерческих училищ и других средних учебных заведений, свидетельств (аттестатов) зрелости не получали.

Свидетельство (аттестат) зрелости давало обладателям его право поступления во все университеты без каких-либо вступительных экзаменов, а также право на льготы по воинской повинности и некоторые преимущества при поступлении на государственную службу.

В свидетельстве зрелости, полученном Анненским в гимназии Человеколюбивого общества за № 323 от 14 июня 1875 года, оценки даны в словесном обозначении (без предусмотренного формой документа цифрового их выражения по пятибалльной системе) по девяти экзаменационным предметам курса следующие: закон божий – отлично, русский язык и словесность – хорошо, латинский язык – удовлетворительно, греческий язык – удовлетворительно, математика – хорошо, физика и математическая география – удовлетворительно, география – удовлетворительно, история – удовлетворительно, немецкий язык – не экзаменовался, французский язык – отлично. (Из двух новых языков обязателен был для экзамена один, по выбору самого абитуриента) (ЦГИА СПб, ф. 171, оп.1, д. 16, л. 58-58 об.).

Такие совсем не «блестящие» отметки: две «пятерки», две «четверки» и пять «троек» – ни в какой мере не раскрывали потенциальных способностей юного Анненского, проявившихся в полном блеске при прохождении университетского курса. Едва ли экзаменаторы в гимназии Человеколюбивого общества, поставившие Анненскому «тройки» по древним языкам и «удостоившие» его скромной «четверки» по русскому языку и литературе, могли предвидеть, каким выдающимся ученым-филологом станет этот юноша. <...>

Уместно привести, для сопоставления со свидетельством зрелости оценки, которые даны познаниям Анненского по окончании им курса Историко-филологического факультета С-Петербургского университета по словесному разряду в дипломе № 10034 от 13 ноября 1880 года. По десяти научным дисциплинам университетского курса, по которым он подвергался испытаниям в 1879 году в Историко-филологической испытательной комиссии, он получил высшую оценку «отлично» по восьми предметам (греческая словесность, римская словесность, русская словесность, русская история, всеобщая история, славянская филология, сравнительная грамматика и немецкий язык), а по двум предметам – «хорошо» (философия и богословие – очевидно, не очень-то его интересовавшие, но для

всех обязательные) (ЦГИА СПб, ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 65; ф. 14, оп. 3, д. 18333, л. 2).

В этом дипломе зафиксировано, что сдавший испытания Анненский был после представления диссертации признан историко-филологическим факультетом достойным ученой степени кандидата, а затем утвержден в этой степени советом университета 25 сентября 1880 года. Получил же он свой кандидатский диплом в ноябре 1880 года, т. е. по истечению более чем годовичного срока с момента фактического окончания курса университета, успев за этот срок прослужить уже целый учебный год преподавателем древних языков в гимназии Ф. Ф. Бычкова, жениться и стать отцом.

В то время лицам, которые, прослушав курс университета, имели зачтенными положенное число семестров, выдавалось так называемое «выпускное свидетельство». Некоторые этим и ограничивались, но многие подавали прошение в испытательную комиссию своего факультета о допущении к экзаменам для получения ученой степени. Таковых существовало тогда две: «кандидат» и «действительный студент». Они присваивались в зависимости от успешности результатов испытаний, причем для получения кандидатского диплома требовалось представить диссертацию. Такие кандидатские диссертации не подвергались публичной защите, которая являлась обязательной только для магистерских и докторских диссертаций. Фактически кандидатские диссертации 1860-х–1880-х годов прошлого века равнозначны позднейшим дипломным сочинениям, но не кандидатским диссертациям нашего времени. К последним по уровню можно приравнять тогдашние магистерские диссертации. Научный уровень кандидатских диссертаций XIX века очень разнообразен: в одних случаях это были действительно серьезные научные труды, как например, диссертация на степень кандидата прав Н. Ф. Анненского и П. Н. Ткачева, а в других – просто добросовестный реферативный обзор литературы по избранной теме, как например, диссертация на ту же степень Анатолия Вигилянского – одного из друзей молодости Анненского.

К сожалению, в делах историко-филологической комиссии С-Петербургского университета не сохранилось ни диссертации Анненского, ни протоколов испытаний (государственных экзаменов), которым он подвергался в 1879 году. Тогдашние кандидатские

диссертации лишь рецензировались одним из членов испытательной комиссии, проводившим иногда colloquium с диссертантом, а затем получали апробацию комиссии. Рукопись диссертации представлялась в одном экземпляре и по ее рассмотрении, могла быть, по желанию диссертанта, возвращена ему. Возможно, что Анненский выразил такое желание, имея намерение опубликовать свою диссертационную работу и ее ему вернули. Насколько нам известно, рукописи этой нет <...>. Вероятно, она утрачена.

Из словарной статьи, опубликованной в 1904 году без чьей-либо авторской подписи в томе VI Критико-биографического словаря С. А. Венгерова, нам известно, что тема его диссертации: «Южно-русский язык по сборнику песен Головацкого». Там же сообщено, что тема была ему дана на два года и что выполненная им на эту тему работа была удостоена золотой медали от университета, а также что писать ему пришлось ее дважды, так как первая рукопись сгорела от опрокинутой лампы. К несчастью, в делах С-Петербургского университета (ЦГИА СПб, ф. 14) мне не удалось обнаружить документа о награждении Анненского золотой медалью за эту его диссертационную работу, но едва ли можно сомневаться в том, что он написал ее блестяще.

К 1890-м годам присвоение указанных выше ученых степеней было упразднено. Вместо этого ввели две степени дипломов: первую и вторую. Равноценным прежнему кандидатскому диплому по правам ускоренного производства стал университетский диплом первой степени: право на получение чина VIII класса (коллежского асессора), минуя предшествующие чины. Утверждение в таком чине (со дня определения на службу) производилось по прошествии четырех лет службы в соответствующей должности с добавлением «состоящий в VIII классе». До вручения диплома выдавалось из университета временное удостоверение, а для получения права преподавания в гимназиях надлежало пройти соответствующие практические занятия по своей специальности и получить о том отдельное свидетельство, которое заменялось аналогичным свидетельством от попечителя учебного округа на звание учителя гимназии с правом преподавать определенный предмет. Такое свидетельство получил в 1879 году и Анненский с правом преподавания древних языков. Первые четыре года своей службы по учебному

ведомству он числился по общему положению «состоящим в VIII классе». К примеру, званием «учителя гимназии, состоящего в VIII классе» Анненский записан в метрическом свидетельстве о рождении и крещении (20–22 июня 1880) его сына Валентина (ЦГИА СПб, ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 60; ф. 14, оп. 3, д. 36342, л. 5).

<Свидетельство о регистрации брака Анненского>

Привожу ниже полностью и комментирую текст этого документа о регистрации брака Анненского:

Свидетельство

Сим свидетельствуем, что в метрических книгах Церкви Св. Апостола Никанора при Доме Призрения Малолетних бедных в С-Петербурге за 1879-й год во второй части о бракосочетавшихся под № 12-м значится Учитель Гимназии Иннокентий Федорович Анненский, первым браком, 24 лет, с Председателя Пружанского Мирowego Съезда умершего Губернского Секретаря Петра Хмары-Барщевского, вдовою Надеждою Валентиновною Хмары-Барщевскою, вторым браком, 36 лет, венчаны тысяча восемьсот семьдесят девятого года Сентября двадцать восьмого числа, оба православного вероисповедания. При венчании поручителями были: по женихе: Надворный Советник Андрей Никитин Ткачев и Надворный Советник Николай Феодоров Анненский. По невесте: Статский Советник Иван Павлов Минаев и студент С-Петербургского университета Анатолий Павлов Вигилянский.

Священник Симеон Трипольский.

Псаломщик Алексей Александров.

Церковная сургучная Печать.

№ 58 «18» марта 1881.

(ЦГИА СПб, ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 61).

Церковь Св. Апостола Никанора при Доме призрения малолетних бедных Императорского Человеколюбивого общества находилась по Лиговской ул., 26.

Возраст невесты и фамилия ее по первому браку записаны, видимо, без проверки документов, а просто с ее слов, а потому обозначены неправильно: на самом деле в 1879 г. ей было не 36 лет, а 38 и фамилия ее первого мужа была Борщевский, а не Хмары-Барщевский.

Никто из родственников невесты непосредственно в церемонии венчания не участвовал. Ее поручителями (шаферами) были университетские знакомые Анненского: его учитель – профессор кафедры сравнительной грамматики индо-европейских языков, крупный санскритолог Иван Павлович Минаев и приятель Анненского – студент юридического отделения юридического факультета Анатолий Павлович Вигилянский (род. 19 дек<абря> 1856); сын чиновника провиантского департамента Военного министрства, питомец гимназии Человеколюбивого общества, поступивший в университет в 1876 г. и окончивший курс со степенью кандидата прав в 1881 г., по представлении диссертации утвержден в этой степени Советом СПб Ун<иверсите>та 18 янв<аря> 1882 г.; в 1879 г. он жил по Офицерской ул., 17, кв. 36, болен туберкулезом легких и ездил летом 1880 г. в Самарскую губернию на кумысолечение, – такие сведения об Анатолии Вигилянском можно почерпнуть из его студенческого личного дела (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 18858), если внимательно изучать этот источник, в котором представлены биографические факты, характерные для студента-разночинца, каким был малоизвестный поэт-лирик А. Вигилянский, печатавшийся под псевдонимом «Вий». Вскоре по окончании университетского курса он умер в Крыму от чахотки.

Поручителями (шаферами) жениха были родной и двоюродный братья Анненского. <...>

Первоначальное их <речь идет об Анненском и Н. В. Хмара-Барцевской> знакомство произошло, если верить сведениям, сообщаемым Валентином Кривичем, при посредстве дальнего родственника Дины Валентиновны К<онстантина> П<латоновича> Энгельгардта – ее земляка по Бельскому уезду Смоленской губернии, университетского сверстника Анненского. Впоследствии статский советник К. П. Энгельгардт значился на 1904 г. земским начальником 2-го участка указанного уезда. Сыновьям Дины Валентиновны – Платону и Эммануилу, учившимся с 1874 г. в С-Петербургской 6-й гимназии предстояло осенью 1877 г. перейти в III класс, а они были «троечниками». Слабые успехи в усвоении предметов гимназического курса были известны их матери и очень ее заботили, а потому она решила нанять для своих сыновей на время летних каникул репетитора. Жила она зимой в Петербурге, а на лето уезжала

с сыновьями в имение своей матери «генеральши» Александры Вениаминовны Сливицкой (урожденной Броневской) – сельцо Сливицкое Будинской волости Бельского уезда Смоленской губернии. Вероятно, где-то весной 1877 г. она и попросила К. П. Энгельгардта подыскать и представить ей подходящего репетитора из числа знакомых ему студентов С-Петербургского университета. Видимо, в Петербурге же К. П. Энгельгардт представил ей студента 2-го курса историко-филологического факультета Анненского, нуждавшегося в заработке. Соответствующая договоренность между Анненским и его нанимательницей состоялась: он получил от нее приглашение приехать к ней в смоленское имение на лето для занятий с ее сыновьями. Имея такое приглашение, студент 2-го курса историко-филологического факультета Анненский обратился к инспектору С-Петербургского университета с прошением о выдаче ему «отпускного билета для проезда и проживания на летнее время в Бельском уезде Смоленской губернии» (Студенческое личное дело Анненского: ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 18333, л. 10). Прошение это подателем не датировано, но на полях его слева имеется канцелярская помета, написанная наискось: «Билет выдан 8 июня 1877 г. № 2103 по 16 августа 77 г.». Вслед за прошением вшит в дело и подлинный Отпускной билет за № 2103 от 8 июня 1877 г., который Анненский вернул инспектору университета по возвращении в Петербург. Этот использованный билет перечеркнут. На обороте означенного Отпускного билета студента Анненского стоит надпись следующего содержания: «Билет сей в Бельском уездном полицейском управлении явлен и в книгу под № 29 записан июня 21 дня 1877 года» (Там же, л. 11–11 об.). О том, что Анненский, в бытность свою студентом, ездил «на вакации» к Хмара-Барщевским, где и познакомился близко со своей будущей женой Диной Валентиновной, я слышал от моего отца, Владимира Ивановича Орлова, знавшего об этом из уст самого Анненского. Но точной датировки этого события мой отец не знал или не запомнил. Достоверно датировать эту поездку мне удалось лишь теперь по приведенному выше делопроизводственному источнику. Приглашение на каникулярный период в помещичьи семьи в качестве домашних учителей-репетиторов студентов и курсисток было в ту пору распространенным явлением. В тогдашней студенческой среде это

и называлось: поехать «на вакации». Пребывание «на вакациях» давало нуждавшемуся студенту заработок (в натуральной и денежной форме), а одновременно, и возможность провести лето в благоприятных природных условиях сельской местности. Внести ясность в обстоятельства, при которых произошло знакомство Анненского с Диной Валентиновной, необходимо потому, что Валентин Кривич в своем мемуарном очерке совершенно умолчал о том, что отец его некоторое время пребывал на амплуа домашнего учителя «на всем готовом» в семье Хмара-Барщевских. Необходимо это еще и потому, что Татьяна Александровна Богданович в своих <...> воспоминаниях («Повесть моей жизни») внесла немало хронологической путаницы в свой рассказ о женитьбе Анненского, с одной стороны, и сделала меткие наблюдения по поводу роли, которую играла во внутрисемейных взаимоотношениях его жена, с другой стороны. Так, Т. А. Богданович с полной уверенностью сообщает, что младший брат Николая Федоровича Иннокентий «очень рано окончил университет и сразу занялся педагогической деятельностью. В 21–22 года он стал учителем гимназии и давал частные уроки» (РГБ, ф. 218, № 383, с. 4. <См.: *Богданович Татьяна. Повесть моей жизни. С. 78*>). Заметим тут же, что сообщенные мемуаристкой сведения неверны: на самом деле Анненский поступил на историко-филологический факультет С-Петербургского университета в 1875 г. – в возрасте 20 лет и окончил курс в 1879 г. – в возрасте 24 лет, т. е. отнюдь не «очень рано», а в нормальный срок. В 21–22 года он был еще студентом II–III курсов, а не учителем. Частные уроки ему пришлось давать, как и многим другим его неимущим сверстникам, лишь в студенческие годы, но не в бытность на учительской службе в гимназии Ф. Ф. Бычкова (в дальнейшем – Я. Г. Гуревича), куда он был принят в августе 1879 г. по прошению на штатную должность преподавателя древних языков.

Загруженность его педагогической работой в этой гимназии, которую он вскоре стал совмещать с преподаванием русского языка и словесности в Павловском женском институте, а затем (с 1890) с чтением лекций по русскому языку на Бестужевских женских курсах, – не оставляла ему времени для давания частных уроков.

Мемуаристка продолжает: «в 23 года он страстно влюбился в мать двух своих учеников, бывших немногим моложе своего учителя. Хотя

невесте было в то время 46 лет, но она была исключительная красавица, и юноша совершенно потерял голову. Сразу же он и женился на ней, взяв на себя заботу о большой семье, привыкшей к обеспеченности, почти богатой жизни, и считал предметом своего честолюбия, чтобы жена и ее дети ни в чем не ощутили разницы с прежней жизнью. Материальные заботы на первых порах, конечно, сильно помешали развитию крупного таланта....» (<Там же>).

Как видно, по неосведомлённости своей в реальных фактах, Т. А. Богданович сочла, что сыновья невесты Анненского были его учениками по гимназии, в коей он служил учителем, тогда как на самом деле оба они учились в 6-й С-Петербургской гимназии, где Анненский никогда не работал. Его «учениками» им довелось быть только в летний каникулярный период 1877 г., что документировано выше. Откуда взяла мемуаристка, что его невесте было в то время 46 лет, мы не знаем. Эта цифра не соответствует действительности, поскольку документально установлено, что Надежда Валентиновна Сливичкая (по первому браку Борщевская, именовавшая себя и своих сыновей Платона и Эммануила Хмара-Барщевскими) родилась в 1841 г. Следовательно, ей было к моменту ее вступления во второй брак 38, а не 46 лет. Неверно и то, что Анненскому якобы было 23 года, когда он, по выражению мемуаристки, страстно влюбился в мать двух своих учеников, бывших немногим моложе своего учителя. На самом деле студенту Анненскому в июне 1877 г. было 21 год отроду, когда он приехал к Дине Валентиновне «на вакации». Сыновья же ее были тогда подростками: Платону – около 14 лет, а Эммануилу – 12 лет. Тут мемуаристка все же недалеко от истины: по своему возрасту Анненский, можно сказать почти «годилась в сыновья» своей невесте. Но Т. А. Богданович ошибается, заявляя, что он «сразу же на ней женился». На самом деле женитьба состоялась спустя два года после их первого знакомства и интимного сближения. Слова мемуаристки о невесте – «она была исключительная красавица» совпадают с характеристикой ее внешности, которую дал сам Анненский в письме к Любе Деникер: «Моя Дина очень хороша собой». <См.: *Письма*, I, 26>. Но так ли это было фактически? Ведь Анненский описал ее такой красивой, чтобы оправдать перед любимой сестрой Любочкой свой неравный в возрастном отношении брак, который вызывал неодобрение его родных. Притом он был тогда еще юношески наивен,

несведущ в дамских косметических секретах, способных «молодить» отцветающих женщин «бальзаковского возраста» вообще и придавать их шевелюре «зеленоватый отлив», в частности. Свидетельство той же Тани Богданович об «исключительной» красоте Дины Валентиновны неубедительно, хотя бы уже потому, что она узрела впервые эту свою «тетушку» – жену своего двоюродного дяди, когда той исполнилось более 50 лет. Это уже за пределами «бальзаковского возраста». Едва ли к тому времени Дина Валентиновна оставалась «исключительной красавицей», если и была таковой в молодости. В лучшем случае в чертах пожилой женщины могла мемуаристка «прочитать следы минувшей красоты». <...>

Прожив в первом браке около четырех лет и родив своему первому мужу двоих сыновей, Дина Валентиновна овдовела 1 декабря 1867 г., когда ей было 26 лет отроду, а ее сыновьям: Платону – 4 года, Эммануилу – 2 года. Смерть Петра Петровича Борщевского – первого ее мужа, которого она горячо любила, явилась для Дины Валентиновны тяжелым ударом судьбы. Мы имеем нарративные сведения о бытовавшем у ее потомков семейном предании, что она не хотела верить в смерть своего первого мужа и, потеряв рассудок от горестной внезапной утраты, несколько раз вскрывала его гроб, пока церковные власти не запретили ей этого. Отправившись от этого временного психического расстройств, Дина Валентиновна, ставшая опекуницей своих малолетних сыновей, занялась в 1868 г. разделом наследства умершего Петра Петровича Борщевского, а в 1869 г. – оформлением документов о дворянстве своих сыновей, чтобы закрепить за ними права на отцовское наследство. Вдовствовать ей пришлось долгие 12 лет, занимаясь воспитанием своих детей.

Можно ее по-человечески понять и не осуждать за то, что она, темпераментная по натуре польская шляхтянка, изголодавшись за 10 лет своего вдовства по мужской ласке, воспылала страстной любовью к поселившемуся в ее семье красивому, веселому и остроумному юноше-студенту Анненскому, который обладал отличными манерами и мог свободно вести по-французски светскую болтовню с ее маменькой Александрой Вениаминовной Сливицкой. За те два летних месяца 1877 г., какие он прожил в качестве домашнего учителя-репетитора ее сыновей в имении Сливицком, Дина Валентиновна Хмара-Барщевская легко сумела зачаровать и влюбить в себя

неискушенного юношу Иннокентия. Словом, она его соблазнила на «грехопадение» и сразу всецело подчинила своей деспотически-твердой воле, сделав своим возлюбленным. Кто-нибудь другой, оказавшись на его месте, не принял бы всерьез такой летний «роман» с провинциальной помещицей-вдовушкой «бальзаковского возраста». Но пошлое «донжуанство» было несовместимо с нравственным миром юного Иннокентия, и он увидел в полюбившей его немолодой женщине, матери двоих детей, существо, страдающее, несчастное и жаждущее обрести счастье. Она была первой женщиной, в чьих объятиях он познал плотскую земную любовь. Эта женщина, влюбившаяся в юношу, влюбила его в себя. Но, кроме страстной влюбленности, она вызвала у него сострадание к себе. На такое толкование нас наводит подмеченное им у нее «страшное терпение в перенесении физических страданий», на которое он указал в письме к Любе Деникер. Какие же «физические страдания» он подразумевал? Может быть, их причиняла ей какая-то болезнь – острая или хроническая? Но такого объяснения «физических страданий» в письме не дано. Изнурительным ручным трудом в сельском хозяйстве дочь «генеральши» А. В. Сливацкой, разумеется, не занималась. <...> Вероятнее всего, что под «страшным терпением в перенесении физических страданий» Анненский подразумевал ее способность стойко переносить половое воздержание в течение долгих лет ее вдовства. Вместе с тем, очень возможно, что Дина Валентиновна, подарив ему в Сливацком первые радости потаенной интимной близости, внушила ему, что этим она принесла ему в жертву свою respectable репутацию добродетельной матери двоих своих сыновей. Мы можем догадываться, что она связала его честным словом жениться на ней, убедив его в серьезности своих намерений, а он по присущей ему уже смолоду порядочности счел долгом честного человека сдержать данное ей слово. Едва ли можно сомневаться в том, что женитьба их была предрешена еще летом в 1877 г., причем по инициативе Дины Валентиновны. Она настолько подчинила юношу Анненского своему влиянию, своему житейскому авторитету, что он уверовал в мнимое ее интеллектуальное превосходство над ним. Об этом свидетельствует строка его письма к Л. Ф. Деникер: «...ее ясный ум часто указывает мне, где истина в том случае, когда мой ухитряется ходить кругом да около» <Письма, I, 26 >.

О какой же «истине» тут шла речь? Конечно, не об истине в сфере науки и искусства, а об умении ее решать узкоутилитарные практические вопросы в обыденной жизни семьи. Ему казалось, что она более компетентна в таких делах, в которых он не имел никакого опыта и которыми никогда и в дальнейшем не интересовался, предоставляя распоряжаться ими своей супруге. <...> На самом-то деле она была чистокровной полькой как по отцу, так и по матери: ее отец отставной генерал-майор Валентий Валентиевич Сливицкий (род. в 1798, дата же его смерти точно не установлена) был поляк по национальности и католик по вероисповеданию, а мать Александра Вениаминовна, урожденная Броневская, вероисповедания православного (дочь умершего поручика Вениамина Михайловича Броневского) принадлежала к польскому роду смоленских шляхтичей, родоначальник которого Савелий Степанович Броневский (Бруневский) в составе полка этой шляхты при отвоевании войсками царя Алексея Михайловича Смоленщины принял православие и перешел вместе со всеми своими однополчанами в русскую службу (РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 4046; оп. 17, д. 6275).

Не из-за «привычки» к самостоятельности – к работе «без указаний и руководства»,¹ как и не из якобы присущей ему «склонности разбрасываться в работе», вынужден был Анненский отказаться от заманчивой для молодого ученого перспективы.⁴⁷ Реальная причина тут заключалась в том, что стипендия, положенная лицам, оставленным при университете, которая назначалась на два года, составляла всего 600 рублей в год. Прожить на 50 рублей в месяц одинокому, холостому «профессорскому стипендиату» можно было в то время, пожалуй, неплохо. Но Анненский связал себя принятым решением о женитьбе на небогатой вдове бывшего Пружанского уездного мирового съезда Гродненской губернии, губернского секретаря Петра Петровича Борщевского – Надежде (Дине) Валентиновны Борщевской (1841–1917). Она была старше Анненского на 14 лет и имела от первого брака двух сыновей подростков: 16-ти и 14-ти лет.

---

¹ В данном случае А. В. Орлов цитирует биографическую заметку, опубликованную в 1904 г. в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» (Т. IV). При этом, он ставит под сомнение, как ему кажется, не автопризнания Анненского, а утверждение В. И. Анненского-Кривича, поскольку эту заметку он атрибутирует именно сыну поэта.

<...> Заботы о содержании жены – второбрачной, уже не молодой дамы и двух несовершеннолетних пасынков, а затем и родившегося 20 июля 1880 года своего единственного сына Валентина ложились всецело на плечи молодого и слабого здоровьем Анненского, который никаким «состоянием» не обладал.

Содержать в Петербурге такую семью на положенную ему стипендию никак бы не смог. Ведь от него требовалось не кое-как сводить концы с концами семейного бюджета, а удовлетворять непомерные барские претензии жены в отношении бытового уровня жизни.

Такова была та глухо упоминаемая в анонимной словарной статье «сила вещей», которая отвлекала Анненского от профессорской карьеры. Именно эти обстоятельства и побудили его незадолго до свадьбы, состоявшейся 28 сентября 1879 года, поступить по прошению 25 августа 1879 года на учительскую службу в гимназию Ф. Ф. Бычкова. Затем, вскоре же, ему пришлось, ради дополнительного заработка, подыскивать себе работу по совместительству и в других учебных заведениях столицы (Павловский институт и Бестужевские высшие женские курсы – ЦГИА СПб, ф. 171, оп.1, д. 16, л. 61; ф. 113, оп. 1, д. 3, 5 и 1615).

Фактически Анненский принес в жертву своей семье и свою научную карьеру, и свое слабое здоровье, а в конечном итоге, и свою жизнь, ибо взвалил на свои плечи непосильное бремя.

Генологические данные о жене И. Ф. Анненского и его пасынках (документированные)

Надежда (она же Дина) Валентиновна Сливицкая (по первому браку Борщевская, а по второму браку Анненская). Добрачная ее фамилия и год рождения (1841, без обозначения календарной даты) достоверно установлены впервые мною по записи, имеющейся в указе об отставке ее отца Валентия Валентиевича Сливицкого – бывшего Таганрогского полицеймейстера. Он занимал такую должность с 1840 до 1845 года в чине полковника, числясь по кавалерии. Там он «подвергся следствию, а потом был передан по Высочайшему повелению Военному Суду за допущение беспорядков по производству дел в Таганрогском Полицейском Управлении». Состоя под судом, он был отставлен от службы, но без заключения под стражу, и жил в г. Елизаветграде Херсонской

губернии (ныне Кировоград, УССР¹) при штабе кавалерийского корпуса военных поселений, где ожидал решения по своей апелляции, поданной в высший орган военной юстиции – Генерал-Аудиториат. Военно-судное дело полковника В. В. Сливицкого тянулось более шести лет и завершилось решением Генерал-Аудиториата о его полной реабилитации, подтвержденной Николаем I в июне 1851 года.

Хотя отец Дины Валентиновны был поляк по национальности и католик по вероисповеданию, но он преданно служил российскому самодержавию: во время польского национально-освободительного восстания 1830–1831 годов В. В. Сливицкий, служа в лейб-гвардии Уланском Вел. кн. Михаила Павловича полку поручиком, затем штабс-ротмистром, активно участвовал в карательных операциях царских войск против повстанцев на территориях Польши и Литвы. Во время генерального сражения на Граховских полях 13 февраля 1831 года В. В. Сливицкий со 2-м дивизионом названного полка ходил в конную атаку на пехотную колонну и батарею повстанческих войск и получил контузию картечью в левый бок груди, за что был в марте 1831 года награжден золотой саблей с надписью «за храбрость». Имел он и другие военные награды: польский знак отличия «за военное достоинство» 4-й степени, орден св. Анны III-й степени с бантом и орден св. Георгия 4-го класса за 25 лет службы. По окончании кампании его произвели в том же полку в ротмистры в 1832 году, а в 1833 году – в подполковники «с назначением состоять по кавалерии и особым поручениям при бывшем шефе жандармов, командующем Императорскою Главною Квартирою, Генерал-Адъютанте графе А. Х. Бенкендорфе». Состоя при нем, В. В. Сливицкий «исполнял секретные и другие поручения с ревностью и успехом». Видимо, такая «ревностная», успешная для деспотического режима Николая I деятельность Сливицкого и близость его к Бенкендорфу явились основанием для производства его «за отличие по службе» в чин полковника в 1839 году с оставлением при прежней должности, а затем и для назначения в 1840 году полицеймейстером к г. Таганрог.

Надо полагать, что все эти предшествующие «заслуги» полковника В. В. Сливицкого побудили петербургских высших вершителей военного «правосудия» признать его невиновным в тех злоупотреблениях, которые творились чиновниками подчиненной ему таможенной полиции, а также и в тех, какие инкриминировались ему лично.

¹ С 2016 г. город Кропивницкий (Украина).

Время пребывания реабилитированного полковника В. В. Сливицкого под следствием и судом зачли ему в действительную службу и выплатили соответствующие денежные компенсации. Со 2 мая 1852 года его определили вновь на службу по кавалерии, но уже не возвращая в полицейское ведомство, а прикомандировав к Образцовому кавалерийскому полку для строевой стажировки и последующего выдвижения в полковые командиры. В список кандидатов на такое выдвижение полковника Сливицкого внесли в июле 1853 года по повелению Николая I. Однако, вместо назначения полковника В. В. Сливицкого в командиры одного из кавалерийских полков, последовал 20 апреля 1854 года «высочайший» приказ, коим он «произведен в генерал-майоры с увольнением за раню от службы с мундиром и с пенсионом полного жалования». Кроме того, он состоял с 1834 года под покровительством Инвалидного комитета и получал из этого комитета дополнительно по 750 рублей ассигнациями в год. Награжден он был еще и знаком отличия беспорочной службы в 1839 году за 20 лет выслуги в офицерском чине. Указ об отставке был дан генерал-майору Сливицкому 30 июня 1854 года «по Высочайше представленному уполномочию» в Петергофе наследником престола, генерал-адъютантом, главнокомандующим гвардейскими и гренадерскими корпусами, т. е. будущим Александром II по старинной формуле («за подписом моим и с приложением герба моего печати»), причем полный титул престолонаследника занимает четыре листа текста. Контрассигнован этот указ начальником штаба генерал-адъютантом Витовтовым.

Неудивительно, что прошение генерал-майора В. В. Сливицкого, поданное им в Смоленское дворянское депутатское собрание 4 декабря 1858 года о внесении просителя в число дворян Смоленской губернии к коему добавлено, что за ним состоит в Бельском уезде «пять населенных душ крестьян», – было уже через четыре дня удовлетворено определением означенного собрания со внесением его во 2-ю часть дворянской родословной книгой. В приложенной родословной обозначен только сам проситель. Сенатский указ об утверждении упомянутого определения Смоленского ДДС¹ последовал 20 января 1859 года и исполнен 26 марта того же года (РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 4046, л. 1 об.–17 об.).

¹ Дворянское депутатское собрание

В цитированном выше указе об отставке генерал-майора Валентия Валентиевича Сливицкого, составленном на основании его формулярного списка, записано о его семейном положении следующее: «Женат на дочери умершего поручика Броневского девице Александре Вениаминовой (возраст жены, а также время и место бракосочетания не отмечены – *А. О.*), имеет дочерей: Надежду, родившуюся в 1841 году, и Веру, родившуюся в 1848 году, жена и дети вероисповедания православного. Имения ни за ним, ни за женою не состоит» (Там же, л. 8). Сопоставляя годы рождения дочерей В. В. Сливицкого с данными о его службе, мы вправе предположить, что старшая его дочь Надежда родилась в Таганроге, а младшая Вера, судьба которой нам неизвестна, родилась, вероятно, в Елизаветграде. Указание, что не только за ним самим, но и за женой его Александрой Вениаминовной никаких имений не состоит, легко объясняется тем, что тогда еще была жива ее мать – вдова поручика Вениамина Михайловича Броневского – Анастасия Александровна, чье родовое имение сельцо Аннинское с деревней Фомина унаследовала впоследствии Александра Вениаминовна, которая, став «генеральшей» Сливицкой, переименовала это сельцо в честь своего супруга в Сливицкое. Анастасия Александровна Броневская последние два месяца своей жизни проживала в Петербурге у другой своей дочери – Софии Вениаминовны в доме Крестовоздвиженской общины, где та состояла сестрой милосердия и взяла престарелую мать на свое попечение, привезя ее из города Белого в столицу в конце января 1860 года и зачислив ее тоже в сестры милосердия. Анастасия Александровна Броневская (бабушка Надежды Валентиновны с материнской стороны) умерла в Петербурге 31 марта 1860 года (ЦГИА СПб, ф. 1026, оп. 1, д. 526, Домовая книга по дому Крестовоздвиженской общины – Лечебницы для бедных Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, Фонтанка, 154, л. 48 об.–49).

Литературные портреты «коренастого, рыжего с проседью 50-летнего полковника Сливицкого» и его «молодой, далеко не красивой, но чрезвычайно любезной жены» дал А. А. Фет, рассказывая о своем времяпрепровождении в Елизаветграде, где он после производства в корнеты служил прикомандированным к штабу корпуса военных поселений и был дружески принят в доме Сливицких. Он добавляет, что Сливицкая была «принята в лучших домах города, начиная с семьи

корпусного командира». Он вспоминает про «живой задор ее голубых глаз и игривых речей, скользящих по самому краю излишней вольности» и о своем совместном с нею участии в танцевальных вечерах в доме личного адъютанта командира корпуса ротмистра Эмануэля. Не преминув восхититься умением Сливичкой вести хозяйство при ограниченных до крайности средствах ее семьи, Фет с похвалой отзывался о вкусных обедах, которыми она его угощала, и «благовонных папиросах», которые Сливичкая «с величайшим искусством приготавлила для мужа», причем около 30 штук приходилось и на долю Фета в месяц. Он называет ее «милой женщиной» и своей «приятельницей» и упоминает, что Сливичкая «сняла» его «акварельный портрет, в то время до известной степени схожий». Но Фет, кажется, так увлекся своим светским флиртом с Александрой Вениаминовной Сливичкой, что бывая у нее в доме, совсем не заметил малолетних ее дочек. О них он не упоминает вовсе.⁴⁸

При решении дела о дворянстве генерал-майора В. В. Сливичкого, не понадобилось, как это бывало в других случаях, поднимать предшествовавшие дела о дворянстве рода Сливичких за 1812, 1815 и 1825 годы, решенные положительно по прошениям деда Дины Валентиновны – коллежского асессора, бывшего штабс-капитана Валентина (Валентия) Демьяновича Сливичкого, который, происходя из польских дворян Мазовецкого княжества, был принят в русскую службу в лейб-гвардии Преображенский полк в 1791 году рядовым, произведен в 1793 году в каптенармусы, а к 1795 году имел уже чин гвардии поручика и «из одного полку был выпущен к статским делам», но в августе того же года снова был принят в воинскую службу, определен в Конно-гвардейский военного ордена полк и состоял при командовавшим войсками в Персии генерале от инфантерии графе Зубове. В 1796 году 9 сентября «за особливое усердие, оказанное им Сливичким ревностным исполнением порученной должности, по данному оному графу Зубову от Монаршего Высочайшего Указа, данного Государственной военной Коллегией того ж 1796-го года Ноября 20 дня, коим запрещено ни в какие штаб- и обер-офицерские чины ни по старшинству, ни за отличности не производить, оставлен в прежнем Порутчиском чине». (Это был указ Павла I о приостановке всего чинопроизводства в русской армии, который был дан в связи с предпринятой им военной реформой, направленной

к искоренению порядков и нравов, существовавших в русской армии при Екатерине Второй).

При проведенной Павлом I в 1797 году реформе войск по прусским образцам, поручик Валентий Демьянович Сливицкий был перемещен в гарнизонный Архаров полк, из коего его по прошению уволили в 1798 году в отставку штабс-капитаном. По воцарении Александра I отставному штабс-капитану В. Д. Сливицкому был пожалован гражданский чин коллежского асессора и 23 декабря 1801 года по его прошению дан «для свободного жительства в России пашпорт из Герольдии в Санкт-Петербурге» (РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 4045 б, л. 30–30 об.).

Из документов, входящих в состав указанного дела видно, что Валентий Демьянович Сливицкий обращался с прошениями в Герольдию о выдаче свидетельств о дворянстве на троих своих сыновей для определения их на военную службу и просимые свидетельства получал, представляя доказательства, что сам он имеет права дворянства по своему чину, а сыновья его рождены в законном браке с женою Антониною, урожденной Моран, католического, как и он, вероисповедания. Это каждый раз подтверждалось католическими метриками (на латинском языке с переводом на русский). По месту выдачи этих метрик явствует, что В. Д. Сливицкий со своей семьей жил в 1798 и 1799 годах в Москве, а в 1810–1814 годы – в Петербурге. Из других документов того же дела, датированных августом 1825 года, видно, что отставной коллежский асессор В. Д. Сливицкий, находясь к тому времени «не у дел», жил уже в Варшаве (Там же, л. 20–29 об., 33). Так оформлены свидетельства о дворянстве на сыновей Валентия Демьяновича Сливицкого:

- 1) в 1812 году – на Валентия, родившегося в Москве в 1798 году;
- 2) в 1815 году – на Юлия-Демьяна (двух имен), родившегося в Москве же в 1799 году;
- 3) в 1825 году – на Виктора-Петра (двух имен), родившегося в Петербурге в 1810 году (Там же, л. 21–28, 31–32).

Отсюда мы имеем достаточно полные сведения о польской католической родне Надежды Валентиновны Сливицкой: ее деде, бабке (по отцу) и ее двоих дядей (братьях отца).

Но, к сожалению, до нас не дошло метрическое свидетельство о рождении самой Надежды (Дины) Валентиновны Сливицкой. Выяснить

удалось только год ее рождения и установить, что она, с момента вступления во второй брак, т. е. выхода замуж за молодого Анненского, стала скрывать настоящий свой возраст, преуменьшая его на различный лад. Так, при венчании ее 28 сентября 1879 года в церкви св. Апостола Никанора при Доме призрения малолетних бедных в С-Петербурге с учителем гимназии Анненским, 24 лет отроду, она показала, что ей отроду 36 лет (ЦГИА СПб, ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 61). Выходило, следовательно, что она старше своего жениха всего на 12 лет. Напротив, при оформлении Надежде Валентиновне Анненский в декабре 1909–июне 1910 годов усиленной пенсии за умершего мужа возраст ее в соответствующих ведомостях обозначен числом лет отроду: 65 (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 15904, л. 9 об.; РГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 128, л. 302 об.). Между тем, как известно, Анненский скончался скоропостижно 30 ноября 1909 года, имея возраст 54 года 3 месяца и 10 дней, тогда как его жена Надежда Валентиновна, коль скоро она родилась в 1841 году, имела к моменту смерти мужа возраст 68 лет, а не 65. Следовательно, Надежда Валентиновна «убавляла» свой возраст в 1879 году на два года, а в 1909 году – на три года. Очевидно, должностные лица (церковники в первом случае и чиновники ведомства Народного просвещения – во втором) стеснялись требовать у столь важной дамы предъявления метрического свидетельства о рождении и записывали в официальные документы ее возраст просто «со слов».

Что же касается года и календарной даты смерти самой Надежды (Дина) Валентиновны Анненской, то по суворинскому справочнику «Весь Петроград» на 1916 год она еще значилась проживающей совместно с сыном Валентином Иннокентьевичем и его второй женой Еленой Александровной по Новосильцевской улице (ныне Новороссийская ул.), № 5 в Лесном, а в том же справочнике на 1917 год Дина Валентиновна уже не обозначена, тогда как ее сын и его жена показаны по этому же адресу, – можно было заключить, что Дина Валентиновна умерла осенью 1916 года, когда готовился материал для упомянутого справочника на следующий год. Такие годы жизни и были приведены в примечаниях И. И. Подольской¹ к публикации писем Анненского: «Дина – Надежда Валентиновна Анненская (1844–1916), (указано

---

¹ Речь идет о публикации: *Подольская И. И.* Из неопубликованных писем Иннокентия Анненского // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. Вып. 5. С. 462–469; 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 49–57.

А. В. Орловым), жена Анненского» <КО, 650>. Между тем, в связи с публикацией в «Вопросах литературы» статьи Р. Д. Тименчика «О составе сборника Иннокентия Анненского “Кипарисовый ларец”»,⁴⁹ возникла необходимость доискаться о точной дате смерти Н. В. Анненской по материалам прессы. В своей статье Р. Д. Тименчик подробно цитирует выявленное им письмо Ольги Петровны Хмара-Барщевской к Валентину Кривичу от 7 февраля 1917 года. (РГАЛШ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 104). Комментируя посланные в этом письме материалы Хмара-Барщевской, Р. Д. Тименчик отмечает, что они «пришли к Кривичу в неудачное время: умирала его мать Надежда (Дина) Валентиновна Анненская».⁵⁰ Авторский экземпляр своей статьи Р. Д. Тименчик любезно послал мне с дарственной надписью от 10/IX 1978 года ценной бандеролью из Риги, но некоторые обстоятельства мешали мне заняться сразу же нужными поисками. Лишь 10 января 1979 года я смог заняться в газетно-журнальном зале БАН тщательным просмотром газетных комплектов за первую половину 1917 года, причем, зная консервативность политических взглядов Валентина Кривича, я начал с монархической газеты «Новое время». В тот же день мне удалось найти объявление, датирующее точно смерть вдовы Анненского. Оно напечатано очень не броско: внизу страницы и шрифтом не крупным. Газета «Новое время» (1917. 14 (27) апреля, пятница. № 14751. С. 1):

Завтра, 15 апреля, в двадцатый день кончины
Дины Валентиновны Анненской
Будет отслужена в час дня панихида
В Преображенском всей гвардии соборе.

Точная дата смерти отца Надежды Валентиновны – отставного генерал-майора В. В. Сливицкого не установлена, но из Раздельной записи наследников умершего майора Петра Семеновича Борщевского, составленной 24 августа 1868 года, под которой учинена подпись свидетеля генерал-майора Сливицкого, видно, что последний тогда был еще жив (РГИА, ф. 577, оп. 37, д. 42, л. 14). Ко времени же знакомства Анненского с Надеждой Валентиновной Борщевской, а затем и женитьбы на ней, отец ее, видимо, уже умер, т. к. в семейной переписке, опубликованной Валентином Кривичем, упоминается только «бабушка», но не «дедушка». К 1868 году генералу

Сливицкому минуло 70 лет отроду. Вероятно, он умер в ближайшие за этой датой 1870-е годы.

Первый муж Надежды Валентиновны губернский секретарь Петр Петрович Борщевский родился 23 декабря 1833 года, умер, состоя на службе, 1 декабря 1867 года. Семейное его положение в XIV графе формулярного списка обозначено так: «женат на дочери генерал-майора Надежде Валентиновне Сливицкой. Имеет сыновей: Платона, родившегося 1 ноября 1863 года и Мануила, родившегося 4 января 1865 года. Жена и дети вероисповедания православного». Ни возраста жены, ни даты бракосочетания не указано (РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 5682, л. 8, 9–14). Свидетельства о браке Петра Петровича и Дины Валентиновны в деле нет, а в нем должен быть показан возраст невесты. Судя по дате рождения их первенца Платона, можно предполагать, что обвенчались они в 1862 году. Из имеющихся данных все же видно, что Надежда Валентиновна была моложе первого своего мужа на восемь лет. Она пробыла за ним в замужестве около пяти лет, а вдовствовала двенадцать лет.

Уже в 1868 году она стала себя самочинно именовать «Хмара-Борщевской», а затем и «Хмара-Барщевской», присоединив к своей по первому браку фамилии Борщевская другую фамилию «Хмара», не имея на то законных оснований. Для выяснения этого вопроса мной изучены многочисленные генеалогические материалы о различных ветвях родов Борщевских и Барщевских разных губерний, как и о роде Хмара. <...>

Вопрос этот представляет немалый интерес потому, что он касается не только узко семейных связей Анненского с Хмара-Барщевскими, хотя и такие связи имеют биографическое значение. Более существенно то, что фамилия Хмара-Барщевских «вписалась» в творческую биографию поэта через ставшую для него душевно близкой Ольгу Петровну Хмара-Барщевскую (урожденную Лесли) – жену старшего его пасынка Платона. Ей он посвятил «стансы ночи» и перевод «Геракла» Еврипида, а ее старшему сыну – своему любимому внуку Вале Хмара-Барщевскому – стихотворения «Вербная неделя» и «Завещание». Кроме того, основываясь на письмах О. П. Хмара-Барщевской к В. В. Розанову, Р. Д. Тименчик в упомянутой выше своей статье указал, что с личным общением поэта с нею связаны его стихотворения: «Последние сирени» и «В марте».

Добавлю к этому, присоединяясь к хорошо обоснованному утверждению моего покойного отца, что в сюжете стихотворения «Прерывистые строки» («Разлука»), точно датированного – «июнь 1909. Царское Село», отображено реальное событие: отъезд О. П. Хмара-Барщевской из Царского Села в смоленскую деревню и проводы ее Анненским на поезд дальнего следования, делавший первую остановку на станции Царское Село. Тут ничто не скрыто: ни то, что «она» несчастлива в браке, ни то, что поэт и «она» связаны глубоко самой нежной взаимной платонической любовью. И надо сказать прямо, что лишь благодаря Анненскому, семья мало кому известных, затерявшихся в лесной смоленской глуши потомков обрусевшей шляхты, присвоившая себе пышное двойное родовое имя Хмара-Барщевских, обрела всероссийскую известность в литературном мире. Едва ли это могла предвидеть Надежда Валентиновна, когда она, обуреваемая амбициозным шляхетным гонором, затеяла такую генеалогическую фальсификацию, которую с большим упорством и хитростью сумела, в обход закона, внедрить в официальные документы своих сыновей от первого брака. Устранения последних препятствий к закреплению за ее потомством двойной фамилии, соединяющей в себе два родовых имени польско-литовских магнатов, сумел под сурдинку добиться в 1890 году ее первенец Платон при оформлении на него в С-Петербургском университете аттестат на звание действительного студента.

Сам Анненский, в отличие от своего сына Валентина, был далек от сословных дворянских предрассудков. Там, где требовалось указывать свое социальное происхождение, он предпочитал обозначать таковое не по сословной принадлежности, а по чину своего отца.

Единственный среди официальных бумаг личного дела студента Анненского документ, в коем все же отмечено, что он «из дворян», это его кандидатский диплом (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 18333, л. 2. Типографский дубликат-отпуск с собственноручной распиской Анненского в получении подлинника). Ни в инициативном документе того же дела – прошении Анненского на имя ректора С-Петербургского университета, ни в приложенных к нему метрическом свидетельстве о рождении и «свидетельстве зрелости», ни в иных вшитых в дело документах совсем не упоминается о его дворянском происхождении, поскольку абитуриент Анненский не имел оформленного

департаментом герольдии Сената свидетельства о причислении его к дворянскому роду своих деда и отца. Видимо, сведения о дворянском происхождении выпускаемого кандидата Анненского внесла в его диплом сама канцелярия правления университета, основываясь на данных о его деде Николае (Ильиче) – родоначальнике беспоместных дворян Анненских, опубликованных вместе с описанием и рисунком пожалованного ему герба, а также диплома на дворянское достоинство от 30 мая 1804 года по чину коллежского советника, в который Н. И. Анненский был произведен 23 мая 1803 года (Общий гербовник Всероссийской империи. VIII. Л. 153–153 об.).⁵¹ Во всех формулярных списках о службе Анненского, составленных с 1879 по 1904 год, в графе II, отвечающей на вопрос «из какого звания происходит» значится: «сын действительного статского советника» без какого-либо упоминания о дворянстве. Фактически права дворянства потомственного были уже приобретены за этот период службы и самим Анненским (по чину ДСС и ордену св. Владимира 3-й степени), но он не оформлял через департамент герольдии утверждение себя в потомственном дворянстве, считая, видимо, излишним. Но в формулярном его списке, составленном в сентябре 1905 года, в ту же графу к словам «сын действительного статского советника» добавлен: «из потомственных дворян Смоленской губернии» (РГИА, ф. 740, оп. 3, д. 1, л. 2–7). Формулярный список Анненского по должности директора Императорской Николаевской Царскосельской гимназии, представленный министру народного просвещения управляющим С-Петербургским округом при ходатайстве о перемещении названного лица на должность Окружного инспектора того же округа от 30 декабря 1905 года (Там же, л. 1–1 об.). Вполне очевидно, что исследователи, которые будут освещать историю жизни Анненского, опираясь на этот изолированно взятый документ и на последующие формулярные списки, составленные уже в бытность Анненского окружным инспектором (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 16874, л. 105–117 и 12–133) могут легко впасть в заблуждение: посчитать, что отец Иннокентия Федоровича действительный статский советник Федор Николаевич Анненский будто бы «происходил из потомственных дворян Смоленской губернии», а, следовательно, что и дед Иннокентия Федоровича якобы принадлежал к указанному сословию той же губернии. А это совершенно

не соответствует действительным фактам, которые установлены моим исследованием всего комплекса генеалогических документов рода Анненских. Понятно, что на проведение такого тщательного исследования приходится затрачивать несравненно больше труда и времени, нежели на выхватывание из обширного архивного материала одного документа и на публикацию его без подобающей историко-источниковедческой критики. Между прочим, такие попытки, предпринимавшиеся некоторыми неискушенными в историческом источниковедении исследователями из числа литературоведов, мне известны.

Как, когда и почему возникло дезориентирующее неопытных биографов указанное добавление в упомянутом служебном документе Анненского, мне представлялось необходимым выяснить. Удалось мне этого достигнуть вполне. <...>

Здесь же можно ограничиться, сделанным мною выводом, что такая формально обоснованная, но в сущности своей нелепая приписка появилась по инициативе Надежды Валентиновны Анненской, действовавшей в эредитарно-правовых интересах их сына Валентина Иннокентьевича, который по капризу судьбы оказался уроженцем сельца Сливицкого Бельского уезда Смоленской губернии.

Между прочим, нельзя не заметить, что именем Валентин их сын был наречен, без сомнения, в честь своего деда с материнской стороны, который не оставил мужского потомства. Если бы родители следовали русской традиции, его бы нарекли Федором в честь деда с отцовской стороны.

Платон Петрович *Барцевский* (в метрике его фамилия написана через букву «а») родился 1 ноября 1863 года, крещён 3-го числа того же месяца в церкви села Головеньки Бельского уезда Смоленской губернии. Восприемниками его были: генерал-лейтенант Николай Александрович Вейдемейер и помещика Софья Вениаминовна Броневская, сестра Крестовоздвиженской общины сестер милосердия (РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 5682, л. 15).

Эммануил (в метрике имя его записано в точном соответствии с русскими православными святыми: *Мануил*) Петрович *Барцевский* (в метрике фамилия его написана через букву «о») родился 2 января 1865 года, крещен 4-го числа того же месяца в этой же приходской сельской церкви. Его восприемниками были: помещик, генерал-майор

I-й кавалерийской дивизии Георгий Георгиевич Эммануэль и девица из дворян Варвара Георгиевна Эммануэль (Там же, л. 16). Надо тут пояснить, что в тех же святцах вслед за русифицированным начертанием данного имени «Мануил» стоит в скобках первоначальное библейское «Еммануил». Оно писалось по церковно-славянской орфографии через «Е». В гражданской же печати это библейское имя писалось так, как произносилось, – через «Э». Заметим, что оно часто встречается в антропонимике итальянцев, французов и других народов романской группы как имя преимущественно католическое, но в русской антропонимике оно является крайне редким.

Нетрудно догадаться, что в организации крестин Платона и Эммануила (Мануила) Борщевских руководящее участие принимала мать Надежды Валентиновны – Александра Вениаминовна Сливицкая, урожденная Броневская. Став «генеральшей», она и к внукам своим пригласила в «крестные отцы» двух генералов. Один из них – генерал-лейтенант Н. А. Вейдемейер состоял в свойстве с Броневскими через своего родного брата – тоже генерал-лейтенанта Александра Александровича Вейдемейера (1809–1963), женатого на родственнице Александры Вениаминовны – Александре Михайловне Броневской (1790–1876), что отображено в эпитафических источниках.⁵² В паре с Н. А. Вейдемейером участвовала в обряде родная сестра Александры Вениаминовны Софья, приехавшая на крестины своего внучатого племянника из Петербурга, чтобы стать его «крестной матерью».

Каноническое имя *Платон* <...> уже встречалось в родословной Борщевских: родным братом отца Петра Петровича Борщевского – отставного майора Петра Семеновича Борщевского был Платон Семенович Барщевский (в метрике фамилия его написана через «а») – тоже отставной майор, который был совладельцем Петра Семеновича по родовому их маленькому имению-сельцу Починову Духовщинского уезда Смоленской губернии. В 1834 году Платона Семеновича уже не было в живых (РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 5678, л. 1–12 об.). Очевидно, в честь этого своего родного дяди и пожелал Петр Петрович Борщевский наречь Платоном своего первенца.

По-иному выглядит выбор младшему сыну П. П. и Н. В. Борщевских имени Мануил (Еммануил или, что то же самое – Эммануил). Тут инициатива явно исходила от тещи Петра Петровича – Александры Вениаминовны Сливицкой, пригласившей на крестины

в качестве восприемников для второго своего внука генерал-майора Г. Г. Эммануэля и его сестру Варвару Георгиевну – друзей своей молодости, на танцевальных вечерах у которых в Елизаветграде она отплясывала с корнетом А. А. Фетом танец «редова». Думается, по их иностранного (вероятно, французского?) происхождения фамилии она, в их честь, и предложила назвать младшего сына Борщевских Эммануилом. Кстати, по православному церковному календарю именины обоих сыновей П. П. и Н. В. Борщевских приходятся на дни, близкие к датам рождения и крещения: Платон – именины бывают *18 ноября*, а не только 5 апреля; Мануил (Еммануил) – *22 января*, а также 27 марта и 17 июня.

Между прочим, царскосельским знакомым семьи Анненского известно, что Дина Валентиновна («тетя Дина», как называла ее Ольга Дмитриевна Форш, или «баба-Дина», как называла ее Наталия Владимировна Анненская, ставшая во втором браке Хмара-Барщевской) – называла в семейном кругу обоих сыновей женскими ласкательными именами: Платона – «Тоня», а Эммануила – «Маня» (сообщено мне Тамарой Борисовной Форш-Меншуткиной).

В той же Благовещенской церкви села Головеньки Бельского уезда Смоленской губернии был окрещен 22 июня 1880 года Валентин Иннокентьевич Анненский, родившийся 20 июня того же года в имении своей бабушки Александры Вениаминовны Сливицкой – сельце Сливицком. Восприемником его записан его дядя Николай Федорович Анненский, который на крестинах отсутствовал (он был в это время репрессирован в административном порядке III отделением по политической неблагонадежности – РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 113, л. 60–68 об.). По его поручению, его при исполнении обряда замещал старший единоутробный брат новорожденного 16-летний гимназист Платон Петрович Хмара-Барщевский в паре с женой полковника Верой Александровной Римской-Корсаковой (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 36342, л. 5–5 об.; ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 60).

Одна из именинных дат для имени Валентин тоже близка к датам рождения и крещения этого самого младшего сына Дины Валентиновны: 6 июля.

Напротив, Петр Петрович Борщевский, родившийся 23 декабря 1833 года, и его старший брат Иван Петрович, родившийся 4 сентября 1826 года, как и их сестры Надежда, Анна и Любовь Петровны,

а также их двоюродный брат Михаил Платонович Борщевский, родившийся 11 января 1827 года, крестились в церкви села Лосева Духовщинского уезда Смоленской губернии. В приход этой сельской церкви входило место жительства их родителей: сельцо Почипово (это маленькое родовое имение перешло в 1858 году по общему согласию наследников Петра Семеновича Борщевского в собственность его вдовы Марии Федоровны). Восприемниками их были отнюдь не генералы, а лица менее высоких служебных рангов из числа соседних средне- и мелкопоместных дворян: отставной коллежский асессор Михаил Андреевич Щуцкий, подпоручик Алексей Васильевич Гедеонов, прапорщик Григорий Барщевский, дочери титулярного советника Скрыдлина Наталия и Татьяна Ивановны (РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 5682, л. 8; там же, д. 5678, л. 11, 14, 16).

Своей женитьбой на генеральской дочери Надежде Валентиновне Сливицкой отпрыск захудалого рода обрусевших смоленских шляхтичей Петр Петрович Борщевский приобщился к более высокому кругу чиновного дворянства. Знакомство его с генеральшей Сливицкой (урожденной Броневской), ее мужем отставным генерал-майором Валентием Валентиевичем Сливицким и их дочерью Надеждой Валентиновной состоялось, по-видимому, где-то в начале 1860-х годов, когда губернский секретарь П. П. Борщевский, состоя чиновником канцелярии начальника Смоленской губернии, был откомандирован для занятий в Бельский уездный мировой съезд на должность секретаря и утвержден кандидатом к мировому посреднику 3-го участка Бельского уезда с 31 августа 1862 года (РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 5682, л. 9–14). При составлении документов к Уставной грамоте на крестьянские наделы по селению Полоухино Бельского уезда – имению Софьи Вениаминовны Броневской, которым по доверенности управляла ее сестра Александра Вениаминовна Сливицкая, мировой посредник Н. Глинка приложил копию геодезического журнала от 10 ноября 1862 года, на коем стоит подпись: «Межевал П. Борщевский» (РГИА, ф. 577, оп. 37, д. 437, л. 15–16). Точная же дата женитьбы Петра Петровича Борщевского на Надежде Валентиновне Сливицкой нами не установлена, так как документа об этом браке в делах о<б> их дворянстве не оказалось <...>. Судя по дате рождения их сына-первенца Платона, брак супругов Петра Петровича и Надежды Валентиновны Борщевских был заключен не позднее начала 1863 года.

Видимо, эта женитьба малозаметного тридцатилетнего чиновника П. П. Борщевского способствовала дальнейшей его карьере в административно-полицейском аппарате Северо-Западного края, поскольку его тестем стал один из бывших приближенных А. Х. Бенкендорфа, лично известный царю Александру II. Так, в мае 1863 года П. П. Борщевского назначили помощником Бельского уездного исправника и он, «в числе прочих чинов полиции», удостоился «монаршего благоволения за успешный призыв на службу бессрочно и временно отпущенных нижних чинов», мобилизованных на подавление вспыхнувшего в том же году польского восстания. Затем, в августе 1864 года, его назначили мировым посредником в Дриссенский уезд, а с ноября 1866 года переместили в Гродненскую губернию на должность председателя Пружанского уездного мирового съезда с годовым окладом содержания 2000 руб. Он был награжден медалью «в память усмирения польского мятежа 1863–64 годов» и в сентябре 1867 года пожалован за службу по крестьянскому делу кавалером ордена св. Анны 3-й степени и умер, состоя на службе, 1 декабря 1867 года (Там же, л. 9–14).

Примечательно, что и старший брат его, Иван Петрович Борщевский (деверь Надежды Валентиновны), родившийся 4 сентября 1826 года, тоже преуспевал по административно-полицейской службе, хотя далеко уступал младшему брату в образовательном отношении: мать не смогла определить его в какое-либо учебное заведение, так как первоначально не сумела добиться признания рода Борщевских в дворянстве и получить на своего первенца необходимое удостоверение. Она дала ему только так называемое «домашнее образование», с которым его приняли в 1847 году на службу по Министерству финансов канцелярским служителем 1-го разряда в Кронштадтскую таможенную. Там он получил в 1849 году первый чин коллежского регистратора и в 1853 году – второй чин – губернского секретаря. Но в 1855 году И. П. Борщевский предпочел перевестись по прошению в департамент «полиции исполнительной» Министерства внутренних дел. В декабре 1861 года его назначили советником Смоленского губернского правления. В том же году он, по приглашению главного начальника Северо-Западного края, был командирован в распоряжение Минского губернатора для образования полицейских управлений и судебных присутственных мест в уездах Минской губернии. Постепенно повышаясь в чинах, он к 1867 году дослужился до чина надворного

советника, состоя в должности советника Минского губернского правления и имел орден св. Станислава 3-й степени и медали. Он был женат на дочери надворного советника Александре Понаморовой, но бездетен (РГИА, ф. 1284, оп. 43, д. 29, 869, л. 106–116). Он фигурирует в составленной 24 августа 1868 года Раздельной записи наследников имений майора Петра Семеновича Борщевского в Духовщинском и Бельском уездах Смоленской губернии, числившихся ранее в нераздельном владении с матерью – вдовой майора Марией Федоровной Борщевской, братом и сестрами (РГИА, ф. 577, оп. 37, д. 42, л. 11–14).

Отошедшее в долю Ивана Петровича Борщевского имение Шепарево Будинской волости Шепаревского общества Бельского уезда, которое состояло из одноименной деревни (два двора, 11 душ населенных крестьян) и лесной дачи при ней, находилось близко от города Белый и соседствовало с имениями помещиков Ловейко, Потемкиных, Баратынских и Ельчаниновых. Выкупная ссуда И. П. Борщевского по указанному имению была определена Главным Выкупным учреждением при С-Петербургской сохранный казне в сумме 1173 р. 33 к. сроком с 1 мая 1871 года на 49 лет, в том числе деньгами 23 р. 33 к. и 5%-ными билетами 1150 р (РГИА, ф. 577, оп. 37, д. 41, л. 5–34).

В упомянутой Раздельной записи 1868 года свидетелем был и руку приложил генерал-майор В. В. Сливичкий, из чего явствует, что И. П. Борщевский был лично знаком с тестем своего младшего брата Петра. Это знакомство могло способствовать успешному продвижению И. П. Борщевского в русле административно-полицейской службы.

Для сопоставления уместно здесь же указать, что у отца Надежды Валентиновны Анненской – жандармско-полицейского служаки был однофамилец, а может быть, и очень отдаленный сородич, который вошел в историю революционного движения в русской армии как один из героев этого движения в Польше 1860-х годов.⁵³ <...>

О том, что сыновья Н. В. Борщевской учились, как сказано выше, в 6-й С-Петербургской гимназии, не было указано ни в одном из опубликованных источников. Это установлено впервые моим разысканием по выявленным мною в ЦГИА СПб текстам их аттестатов зрелости, которые в подлинниках и копиях отложились в их студенческих личных делах по С-Петербургскому университету. Но в самом отыскании этих личных дел встретились неожиданные затруднения: так, при тщательном просмотре в читальном зале ЦГИА СПб машинописной описи 3-й

фонда 14 за 1880-е и 1890-е годы мне их обнаружить не удалось. Лишь по картотеке служебного каталога того же фонда смогла заведующая читальным залом найти для меня студенческие личные дела Платона и Эммануила Петровичей Барцевских. Затем мне их долго не выдавали из отдела хранения под тем предлогом, что они будто бы находятся «на реставрации». Только к ноябрю 1979 года удалось добиться выдачи этих их дел по моим требованиям в читальный зал. В них открылись любопытные подробности: оказалось, что при поступлении 16 июля 1883 года на 1 курс С-Петербургского университета (Платон – на юридический факультет по юридическому отделению, а Эммануил – на физико-математический факультет по естественному разряду) оба абитуриента в своих прошениях именовали себя двойной фамилией «Хмара-Барцевский». Этой же двойной фамилией они обозначены в аттестатах зрелости за № 363 и 364, выданных 30 мая 1883 года из 6-й С-Петербургской гимназии. Напротив, в свидетельствах о<б> их дворянстве, выданных на них в 1870 году Смоленским Дворянским Депутатским Собранием, как и в метрических свидетельствах о их рождении, выданных 19 ноября 1869 года за №№ 9659 и 9660 Смоленской духовной консисторией, вследствие прошения их матери – вдовы губернского секретаря Надежды Валентиновны Борщевской, они значились под одинарной фамилией «Барцевский» (без «Хмара»). Такое расхождение не ускользнуло от внимания канцелярии «по студенческим делам» и инспектора студентов: в инициальном документе личного дела Платона слово «Хмара» крестообразно перечеркнуто (похерено) красным карандашом, а в таком же документе личного дела Эммануила на полях прошения против строки со словом «Хмара» поставлен карандашом большой вопросительный знак.

Видимо, от обоих студентов Барцевских университетская администрация потребовала, чтобы они впредь не называли себя двойной фамилией, а писали бы так, как фамилия их обозначена в метриках. Мы заметили, что все последующие их обращения в канцелярию университета и к инспектору с прошениями (о приеме от них платы за слушание лекций, о выдаче им удостоверений, отпускных билетов и пр.) писались ими в заголовках под одинарной фамилией, хотя изредка подписывались двойной фамилией. Кроме упомянутых выше документов, обоим абитуриентам при их поступлении в университет были представлены в подлинниках и копиях свидетельства от 29 мая 1882 года о прописке

их к призывному участку С-Петербургским Городским по Воинской повинности Присутствием, полученные ими в бытность их гимназистами, в коих каждый из них поименован «дворянин./имя-отчество) «Хмара-Барщевский». Вследствие такой редакции свидетельства о прописке, Платон Петрович Барщевский и в бытность свою студентом смог получить от инспектора студентов «для представления в подлежащее по воинской повинности Присутствие» свидетельство от 8 октября 1884 года за № 8137, в коем он обозначен как «Хмара-Барщевский». В аттестатах зрелости, изготовленных на типографской бланковой заготовке, не указана дата поступления в гимназию, но обозначена общая продолжительность обучения в ней.

Привожу ниже извлечения из текста этого документа:

Аттестат зрелости

От

Шестой С-Петербургской гимназии

Дан сей Хмара-Барщевскому Платону, из Дворян, Православного вероисповедания, родившемуся 1-го ноября 1863 года (то же и Эммануилу, родившемуся 2-го января 1865 года. – *А. О.*), обучавшемуся девять лет в Шестой гимназии и пробывшему один год в VIII классе, в том, во-первых, что на основании наблюдений за время обучения его в Шестой С-Петербургской Гимназии, поведение его вообще было отличное, справность в посещении и приготовлении уроков, а также исполнение письменных работ:

прилежание и любознательность

удовлетворительные

и во вторых, что он обнаружил нижеследующие познания:
(ниже показаны отметки, выставленные Платону. – *А. О.*)

Отметки

Выставленные в педагогическом совете на основании § 45 правил об испытаниях учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения

Выставленные на испытаниях, происходивших в 1883 году Мая 2, 3, 4, 5, 10, 12, 13, 18, 21 и 23

В Законе Божиим

Четыре

Четыре

Русском языке и словесности	Три	Три
Логике	Три	-
Латинском языке	Три	Три
Греческом языке	Три	Три
Математике	Три	Три
Физике и математической Географии	Четыре	-
Кратком естествоведении	-	-
Истории	Четыре	Четыре
Географии	Четыре	-
Немецком языке	-	-
Французском языке	Три	-

<...>

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, представляющий права, обозначенные §§ 129–131 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года устава гимназий и прогимназий.

Санкт-Петербург Мая 30 дня 1883 года

Директор М. Пустонский

Инспектор М. Зеленин

Законоучитель Протоиерей Леонид Петров

Преподаватели (тринадцать подписей – А. О.)

№ 363 Секретарь Совета И. Зеленин.

Гербовая печать С-П<етербур>гской Шестой Гимназии
(ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3 д. 22989, л. 2, 49)

Мы видим, что из общего числа предметов, которых насчитывалось десять, держать экзамены требовалось только по пяти предметам, причем ни один из новых языков не входил в перечень экзаменационных предметов: достаточным считалось иметь удовлетворительную оценку по одному из новых языков (в данном случае по французскому), выведенную педсоветом из предшествующих отметок за весь период обучения.

Краткое естествоведение входило уже в то время в программу классических гимназий, но отметок по этому предмету вовсе не представлено. (В дальнейшем в 1900-е годы, упоминание о кратком естествознании исчезло из аттестатов зрелости, хотя преподавание

такого предмета в гимназиях продолжалось, успеваемость по физике и математической географии стала учитываться отдельно, а два новых языка – немецкий и французский были включены в перечень предметов, по коим стало обязательным сдавать выпускные экзамены: это видно по аттестатам зрелости полученным выпускниками Царскосельской гимназии при директорстве Анненского). Формулировка «пробывшему один год в VIII классе» сохранялась и в 1900-х годах. Необходимость в ней проистекала из того факта, что по учебному плану ученики восьмого класса занимались целый учебный год повторением всего гимназического курса. Приведенные выше отметки, которые получил в аттестате зрелости Платон, нельзя, конечно, назвать блестящими, но он все же получил четыре четверки, тогда как младший его брат Эммануил получил оценки еще ниже: в графе отметок, выставленных в педсовете, у него стоят «круглые» тройки, в графе же выставленных на испытаниях стоит одна четверка по русскому языку и словесности, а по остальным четырем предметам – тройки (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 23020, л. 2–2 об., 16). Между тем нам было известно из нарративных источников, подтвержденных достоверно печатными источниками, что младший пасынок Анненского Эммануил окончил в 1889 году курс Военно-медицинской академии со званием лекаря и на протяжении всей своей дальнейшей жизни успешно трудился на врачебном поприще – сначала в Петербурге, а затем в Харбине.

Хорошо известно, что в ту пору прием абитуриентов в Российские университеты осуществлялся без вступительных экзаменов – по аттестатам зрелости, выданным из гимназий, и численно не лимитировался. Преобладание посредственных отметок в аттестате зрелости никак не препятствовало обладателю такового поступить в университет. Напротив, условия поступления в Военно-медицинскую академию, ввиду ограниченности в ней числа студенческих вакансий, были гораздо труднее: хотя туда принимали тоже без вступительных экзаменов, но для отбора применялся конкурс аттестатов. С таким «троечным» аттестатом зрелости, какой имел Эммануил Барщевский, поступить в Военно-медицинскую академию было бы совсем невозможно.

Туда принимали, как правило, обладателей аттестатов зрелости, удостоенных золотых и серебряных медалей. Чтобы преодолеть

такое препятствие, Эммануил Барщевский использовал в качестве «трамплина» прохождение I курса физико-математического факультета С-Петербургского университета по естественному разряду, где он прослушал курс лекций по предметам означенного разряда за первый учебный год (два семестра) и 27 апреля 1884 года подал прошение на имя ректора университета о своем увольнении из числа студентов университета, приложив полученные ранее в канцелярии университета: «свидетельство на жительство» и билет на право посещения лекций. В результате он получил на руки следующий документ, написанный на типографской бланковой заготовке Правления Императорского С-Петербургского университета от 1 мая 1884 года за № 2840:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего Эммануил Петров Барщевский, сын Губернского Секретаря из Дворян, родившийся 2 января 1865 года – православного вероисповедания, окончив курс в 6 С-Петербургской гимназии, поступил в число студентов Императорского С-Петербургского Университета 31 августа 1883 года и слушал лекции по Естественному разряду Физико-Математического Факультета на первом курсе в течение 1883–84 академического года при поведении весьма хорошем, а ныне, согласно прошению, уволен из Университета, из первого курса, почему правами, предоставленными студентам, окончившим полный курс Университетского учения, воспользоваться не может.

В удостоверение чего дано Барщевскому это Свидетельство из Правления С-Петербургского университета за надлежащею подписью и с приложением казенной печати.

Ректор Университета

Секретарь

(ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 23020, л. 12, 14).

Так, Э. П. Барщевский обзавелся для поступления в Военно-медицинскую академию документом несравненно более импозантным, нежели тот аттестат зрелости, по которому он поступал в университет.

Убывая из университета, он свой аттестат зрелости даже и брать не стал, хотя имел на это право. Подлинник и копия аттестата зрелости Э. П. Барщевского остались в его студенческом личном деле в канцелярии университета. Уместно здесь напомнить, что

у студентов-медиков того времени являлось довольно обычным начинать получение высшего образования на естественном разряде физико-математического факультета С-Петербургского университета и после прохождения там трех курсов, переходить в Военно-медицинскую академию на третий же курс. Это обеспечивало более солидную естественно-научную подготовку. Например, в таком порядке обучался в высшей школе Иван Петрович Павлов. Но тот вариант, который избрал для себя Э. П. Барщевский, т. е. переход в Военно-медицинскую академию с 1 курса университета, едва ли практиковался часто. Для нас представляло интерес содержание студенческого личного дела Э. П. Барщевского по Военно-медицинской академии, но оно в Ленинграде в архивном фонде музея Военно-медицинской ордена Ленина Краснознаменной академии им. С. М. Кирова дореволюционного периода отсутствует, так как вместе с другими аналогичными делами дореволюционного периода передано в фонды ЦГВИА СССР (Москва)¹. Продолжив свои разыскания в РГИА в Ленинграде, я установил, что Эммануил (он же Мануил) Петрович Барщевский по окончании полного курса наук в Военно-медицинской академии проходил дальнейшую службу, числясь по ведомству Главного врачебного инспектора М<инистерства> в<нутренних> д<ел>, и работал продолжительное время (около 17 лет) на КВЖД. Приобрел там значительную известность своей бескорыстной гуманной врачебной деятельностью и научными трудами по эпидемиологии чумы в Маньчжурии, имел заслуги в деле медицинского обеспечения железнодорожных воинских перевозок на протяжении русско-японской войны. Мною установлено также, что в течение его службы по указанному ведомству он во всех служебных документах именовался: Эммануил Петрович Хмара-Борщевский – с начертанием основной второй фамилии через «о». По тем же документальным материалам мною установлен примечательный факт: Э. П. Хмара-Борщевский подвергся в 1906 году по распоряжению царских военных властей административной репрессии: высылке из пределов Маньчжурии. Применение к нему такой репрессивной меры в имеющихся документах ничем не мотивировано. Видимо, оно основывалось на негласной информации о его политической неблагонадежности, представленной жандармерией.

---

¹ Далее по тексту РГВИА

У последней, несомненно, имелись сведения, что жена Э. П. Хмара-Барщевского Евгения Петровна, урожденная Резанцева, – родная сестра Марии Петровны Цюрупы и Людмилы Петровны Свидаерской, то есть, что Э. П. Хмара-Барщевский состоит в свойстве с двумя видными деятелями большевистской партии: Александром Дмитриевичем Цюрупой и Алексеем Ивановичем Свидаерским.

Из документальных материалов РГИА нам стало известно впервые, что Э. П. Хмара-Барщевский умер в г. Харбине 15 июня 1921 года, состоя в должности помощника главного врача КВЖД.¹ В учетных материалах об Э. П. Хмара-Барщевском по фонду управления Главного врачебного инспектора М<инистерства> в<нутренних> д<ел>, имеется ссылка на то, что ему был выдан от Военно-медицинской академии диплом на звание лекаря за № 379-4900 от 26 ноября 1889 года. Но копии его диплома в деле не оказалось, как и обозначения даты поступления Э. П. Хмара-Барщевского на 1 курс Военно-медицинской академии. Для выяснения и уточнения некоторых биографических фактов о нем редакция серии «Л<итературные> П<амятники>» Ленинградское отделение направила по моей просьбе соответствующий запрос в РГВИА в конце 1979 года. Мы получили без промедления следующий ответ из РГВИА от 4.02.1980 за № 114: «Сообщаем Вам, что в документах Военно-медицинской академии имеется личное дело выпускника академии Барщевского Эммануила Петровича (ф. 316, оп. 64, д. 1399), из которого видно, что он родился 2 января 1865 г. в селе Головеньки, Бельского у., Смоленской губ., происходил из дворян, сын губернского секретаря Петра Петровича Барщевского. Окончил курс 6-й С-Петербургской гимназии. В 1883 г. зачислен в число студентов физико-математического факультета С-Петербургского университета, а в мае 1884 г. оставил университет. 1 июля подал прошение в Военно-медицинскую академию о зачислении его в число студентов на младшее отделение «приготовительного» курса. В 1889 г. закончил академию (копии диплома в личном деле не имеется).

Одновременно сообщаем, что документа, позволяющего именоваться двойной фамилией Хмара-Барщевский, не обнаружено. Из копии свидетельства, выданного из Смоленского дворянского депутатского собрания, видно, что согласно определению Депутатского

---

¹ Китайско-Восточная железная дорога

собрания от 9 декабря 1869 г., сын губернского секретаря Петра Петровича Барщевского (здесь, а также и в других документах фамилия пишется через букву «а». – *А. О.*) Мануил Петрович Барщевский «признан в дворянстве со внесением во вторую часть дворянской родословной книги и утвержден в этом достоинстве указом Правительствующего сената от 3 февраля 1879 г. За № 922 (там же, л. 15).

В документах указанного личного дела он проходит как Барщевский и как Хмара-Барщевский. В свидетельстве об окончании Военно-медицинской академии значится слушатель Эммануил Барщевский (там же, л. 8).

Зав. Отелом информации и научного использования документов (подпись) М. С. Головникова».

Нормальная продолжительность обучения в университете, как и в Военно-медицинской академии, составляла в то время пять лет (десять семестров). Мы видим, что младший пасынок Анненского, пробыв в университете один учебный год, поступил в июле 1884 года на 1 курс этой академии и окончил в ней полный курс наук в 1889 году (его лекарский диплом датирован 26 ноября 1889 годом) со званием лекаря.

Он специализировался по акушерству и гинекологии и работал по данной специальности с 1889 года в Петербурге в качестве вольно практикующего врача, а с 1894 по 1898 служил сверхштатным ординатором в Петровском родовспомогательном заведении ведомства Императрицы Марии и акушером, заведующим Петровским родильным приютом г. Петербурга, а также акушером III отделения С-Петербургской столичной полиции по 1899 год. Он уволился по прошению с этой должности в сентябре 1899 года и до 5 июня 1903 года находился в отставке, занимаясь частной практикой по своей специальности и состоя членом общества врачей-гинекологов.

В Петербургский период врачебной деятельности Э. П. Хмара-Барщевского командировали в октябре 1898 года в Туркестанское генерал-губернаторство для участия в противочумных мероприятиях в кишлаке Акзюбе, где он пробыл до 1899 года. Постановлением комиссии, ведавшей мерами предупреждения и борьбы с «чумной заразой», он был награжден почетным серебряным знаком, а в мае 1899 года «в воздаяние отличных трудов в борьбе с чумною заразой в Туркестанском крае» его наградили орденом св. Станислава 3-й

степени. С 3 июня 1903 года Э. П. Хмара-Барщевского определили на должность сверхштатного младшего медицинского чиновника при медицинском департаменте М<инистерства> в<нутренних> д<ел>, а с 5 июня того же года откомандировали в распоряжение Правления КВЖД (РГИА, ф. 1298, оп. 3, д. 2633, л. 1–3). Плодотворная деятельность Э. П. Хмара-Барщевского по врачебно-санитарному отделу КВЖД в должности помощника Главного врача отображена в его личном деле по этому месту его долголетней службы, включающем и копию его послужного списка, составленного в 1910 году (РГИА, ф. 323, оп. 9, д. 5729). В частности, в таком отмечено участие его в 1911 году в противочумном съезде, состоявшемся в Иркутске, а также во Всероссийской гигиенической выставке, состоявшейся в 1913 году в Петербурге, как и использование им в 1906, 1911 и в 1910 годах отпусков продолжительностью по четыре месяца каждый. Приведены там данные и о составе семьи Э. П. Хмара-Барщевского по состоянию на 1910 год, а именно – кроме жены Евгении Петровны, урожденной Резанцевой, православного вероисповедания, показаны в графе VII дети: Сергей 6-ти лет, Татьяна 5-ти лет, Андрей 2-х лет, Наталия 1-ного года. Следовательно, поименованные дети родились в 1904, 1905, 1908 и 1909 годах. Возраст жены и дата вступления в брак не обозначена. В личном деле точно указана дата смерти Эммануила Петровича: он умер в Харбине 15 июня 1921 года, состоя на службе (РГИА, ф. 323, оп. 9, д. 5729, л. 1, 3 об., 58). Ко времени смерти этого замечательного врача жена его была жива, а дети достигли возрастов: Сергей – 17 лет, Татьяна – 16 лет, Андрей – 13 лет, Наталия – 12 лет. В связи с кончиной Эммануила Петровича, Правление акционерного об<ществ>а КВЖД постановило выдать его семье единовременное пособие 7366 р. 67 коп. Дата смерти его супруги пока не установлена, а в отношении судеб его детей я располагаю нарративными сведениями, полученными от их московской родственницы Наталии Валентиновны Томбаевой (в девичестве – Хмара-Барщевской) – внучки их дяди Платона Петровича, что дети Эммануила Петровича возвратились в 1930-х годах в Советский Союз, причем к настоящему времени еще живы две его младших дочери Татьяна и Наталия Эммануиловны, поселившиеся в г. Чебоксарах Чувашской АССР.

Числясь по ведомству Главного Врачебного инспектора М<ини-стерства> в<нутренних> д<ел> сверх штата, Э. П. Хмара-Барщевский не получал содержания от казны, но последовательно повышался за выслугу лет в чинах от титулярного до коллежского советника, награждался на общих основаниях, как и все чиновники, орденами, какие ему следовали, а в марте 1912 года «за труды по борьбе с чумной эпидемией в 1910 году» награжден был чином статского советника (Там же, л. 33).

Как и все служащие КВЖД, он получал денежное содержание в размере, устанавливаемом Правлением об<ществ>ва, владевшего этой дорогой (Правление находилось в Петербурге, а управление дороги – в Харбине). Находясь в течение 17 лет на службе по найму в должности Пом<ощника> Главного врача КВЖД, Э. П. Хмара-Барщевский был обеспечен в материальном отношении вполне удовлетворительно: он имел годовой оклад в 4000 р. и еще 600 р. в год «лично ему присвоенных», отпуска ему предоставлялись с сохранением содержания, как и все служащие КВЖД, он имел право бесплатного проезда и провоза багажа по всем железным дорогам империи. С 1914 года лично ему присвоенный оклад был увеличен вдвое – с 600 до 1200 р. в год. Словом, он усердно трудился и достаточно хорошо зарабатывал. По-видимому, он фактически отказался от своей доли дохода с небольшого родового имения, находившегося под управлением старшего брата Платона. В формулярном и послужном списках Э. П. Хмара-Барщевского никаких имений ни за ним, ни за женой его не значится вовсе, хотя указано, что он «потомственный дворянин Смоленской губернии». Об имении его матери там совсем не упомянуто.

По-иному выглядит пребывание на юридическом факультете и последующая служба старшего пасынка Анненского – Платона Петровича.

Поступив на юридический факультет Петербургского университета в августе 1883 года, он в 1888 году закончил слушание в нем лекций и сдачу полукурсовых испытаний, а в 1889 году сдавал выпускные экзамены по всем двадцати предметам полного курса этого факультета, получив по девяти из них отличные оценки, по шести – хорошие и по пяти удовлетворительные. По таким оценкам факультет признал его достойным звания «действительного студента», а совет университета утвердил его в этом звании 4 февраля 1891 года.

Аттестат же на такое звание, изготовленный типографским способом, за № 533, датированный 23 февраля 1893 года, ему вручили под расписку 25 февраля 1893 года. Этот окончательный документ подписан ректором П. Никитиным и деканом факультета В. Сергеевичем со скрепой: «За Секретаря по студенческим делам П. Безсонов».

Покуда шла формальная и техническая процедура оформления аттестата в его «парадном варианте», выпускник имел возможность немедленно воспользоваться всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи со званием действительного студента соединяемыми. Для такой цели выпускник вносил по квитанции казначею университета 4 рубля 50 коп. на изготовление аттестата и мог сразу же получить надлежащее временное свидетельство, обладавшее полной юридической силой. При получении аттестата оно подлежало возврату в канцелярию университета, и на нем учинялась расписка в получении аттестата. Однако Платон Хмара-Барщевский не стал немедленно получать это временное свидетельство. Он предпочел поступить прежде к исполнению воинской повинности, имея на руках выданное ему еще в бытность его студентом 2-го курса свидетельства для представления «в подлежащее по воинской повинности Присутствие». С 1 декабря 1889 года Платон Хмара-Барщевский вступил в службу рядовым на правах вольноопределяющегося 1 разряда в л-гвардии Егерский полк, зачислен был в списки полка в Шефскую роту 2 января 1890 года, в том же году 2 мая произведен в ефрейторы, 6 июля – в младшие унтер-офицеры, выдержал там же экзамен на чин прапорщика запаса армейской пехоты 1 августа и уволен в запас армии 24 октября с последующим зачислением в ратники ополчения. А с 1 ноября 1890 года он был уже определен по прошению в гражданскую службу на должность младшего помощника правителя канцелярии С-Петербургского губернатора.

Вот тут ему впервые понадобилось получить документ о том, что он имеет звание действительного студента, так как это звание давало право на производство в чин губернского секретаря. И он такой временный документ получил 13 декабря 1890 года за № 7188. В студенческом личном деле П. П. Хмара-Барщевского сохранился канцелярский отпуск такового, написанный на гектографированной бланковой заготовке с угловым типографским штампом исправляемого должность ректора университета:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие окончившему курс Императорского С-Петербургского Университета по юридическому факультету с званием Действительного Студента *Платону Хмара-Барщевскому* в том, что аттестат на это звание ему будет выдан по изготовлении.

И. Д. Ректора Университета.

Секретарь

(РГИА, ф. 14, оп. 3, д. 22989, л. 38-а).

На полях написано наискось: Свидетельство получил. Пл. Хмара-Барщевский (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 22989, л. 38-а).

Во избежание недоразумений заметим, что датировка этого документа отображает время его выдачи, но отнюдь не время сдачи государственных экзаменов. Последние были сданы годом раньше.

В январе 1892 года П. П. Хмара-Барщевский получил повышение по службе: назначение на должность старшего помощника правителя той же канцелярии, а 28 апреля 1893 года последовал Указ Правительствующего сената за № 64, коим утвердили в чине губернского секретаря по званию действительного студента со старшинством с 4 февраля 1891 года.

В июле 1893 года он уже выбыл из Петербурга к месту новой службы, будучи назначен земским начальником 3-го участка Бельского уезда Смоленской губернии. Территория означенного участка охватывала восемь волостей: Каменецкую, Покровскую, Холмовскую, Казулинскую, Андреевскую, Ахтырскую, Никольскую и Большевскую. Административным центром 3-го участка являлось село Каменец (адрес для писем и телеграмм: почтово-телеграфная станция Волочек Сычевского уезда).

Как известно, учреждение должностных земских начальников, в руках которых соединялись в отношении крестьянского населения функции судебные и полицейский надзор, являлось существенным реакционным мероприятием в предпринятой правительством Александра III контрреформе. Находясь в должности земского начальника, П. П. Хмара-Барщевский последовательно повышался в чинах за выслугу лет: в 1895 году его произвели в коллежские секретари, в 1899 году – в титулярные советники, в 1901 году – в коллежские асессоры, в 1904 году – в надворные советники, а в октябре 1907 года его, согласно прошению, уволили от должности земского начальника, и он находился в отставке

около одного года и десяти месяцев. Затем, в связи с созданием в составе М<инистерства> в<нутренних> д<ел> земского отдела, состоялось 31 июля 1909 года определение П. П. Хмара-Барщевского из отставки на службу «в сие Мин<истерст>во с причислением к оному», и он отбыл из Смоленской губернии в Петербург, где стал служить в упомянутом отделе. Аттестат на звание действительного студента от 23 февраля 1893 года за № 533, подписанный ректором П. Никитиным и деканом юридического факультета В. Сергеевичем, имел скрепу: «За Секретаря по студенческим делам П. Безсонов». Именно этому чиновнику – статскому советнику Петру Гавриловичу Безсонову обязан П. П. Хмара-Барщевский фамилией, невзирая на то, что на протяжении всего времени прохождения курса университета Инспектор студентов отвергал такое самочинное наименование и запрещал Платону Петровичу так себя называть. Мы не знаем, что побудило П. Г. Безсонова пойти навстречу притязаниям Платона Петровича и тем самым, в обход закона, «реализовать» генеалогическую фантазию Надежды Валентиновны. Видимо, П. Г. Безсонов прислал 25 февраля 1893 года П. П. Хмара-Барщевскому по месту его службы – в канцелярию С-Петербургского губернатора подлинник аттестата вместе с типографским дубликатом-отпуском такового и предложил ему возвратить в обмен подлинник временного свидетельства от 13 декабря 1890 года № 7188, подписанного и. д. ректора университета И. Помяловским и скрепленного тем же П. Безсоновым. На эту присылку П. П. Хмара-Барщевский немедленно прореагировал следующим официальным благодарственным письмом:

Милостивый государь,
Петр Гаврилович.

Поспешая исполнить поручение Ваше, имею честь возвратить при сем Свидетельство об окончании мною курса Юридического факультета за № 7188 от 13 декабря 1890 года, временно мне выданное.

Пользуюсь сим случаем, чтобы просить Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Всегда готовый к услугам Вашим,

Пл. Хмара-Барщевский

Его Высокородию

П. Г. Безсонову

25/II 93

<...>

На дубликate-отпуске аттестата, скреплённом подписью П. Г. Безсонова, написано внизу: «Аттестат получил 25-го февраля 1893 года Пл. Хмара-Барщевский» (автограф расписки) (РГИА, ф. 14, оп. 3, д. 22989, л. 50–51, 39 об.).

Поскольку в аттестате обозначено, что совет университета утвердил П. П. Хмара-Барщевского в звании действительного студента 4 февраля 1891 года, то в последующем чинопроизводстве при исчислении «старшинства» каждый раз фигурирует дата «4 февраля».

Итак, в биографической топографии семьи Анненских–Хмара-Барщевских появился в 1893 году еще один новый адрес: село Каменец Бельского уезда Смоленской губернии.

Заметим, что при изготовлении для Платона Петровича аттестата на звание действительного студента замещавший секретаря правления университета П. Г. Безсонов мог опираться только на имевшийся в его студенческом личном деле упомянутый выше его аттестат зрелости, выданный Шестой С-Петербургской гимназией, в коем он уже назван «Хмара-Барщевским». Надо сказать, что именование такой двойной фамилией распространилось вскоре же и на его младшего брата Эммануила Петровича в публиковавшемся медицинским департаментом М<инистерства> в<нутренних> д<ел> официальном «Российском медицинском списке», где он значится под двойной фамилией с 1891 года, а также в его формулярных и послужных списках, составленных в том же департаменте М<инистерства> в<нутренних> д<ел> (РГИА, ф. 1298, оп. 3, д. 2633, л. 1–1 об.) и в управлении КВЖД (РГИА, ф. 323, оп. 9, д. 5729, л. 1 – в последнем с начертанием основной фамилии через «о»).

Для внесения большей ясности нам потребовалось исследовать этот вопрос по архивному фонду Шестой С-Петербургской гимназии (РГИА, ф. 458, оп. 1, д. 438, 479-а, 531 и 521), поскольку оттуда исходили аттестаты зрелости, в коих оба пасынка Анненского значатся «Хмара-Барщевскими». Оказалось, что основной объем ретроспективной информации о гимназистах Платоне и Эммануиле Хмара-Барщевских содержится в деле № 521 по 1-й описи этого фонда: «1883 г. Об испытании желающих держать экзамен на получение аттестата зрелости». Кроме того, некоторые сведения об этих двух братьях-гимназистах (правда, очень скудные, хотя и не бесполезные для целей нашего исследования) выявлены мною в серии

канцелярских дел, оформлявшихся ежегодно под одинаковыми заголовками: «Общий список учеников 6-й С-Петербургской гимназии» с обозначением только порядкового номера, класса, фамилии и имени, краткой пометы о времени взноса платы за учение. Эти дела 6-й гимназии исследованы мною лишь выборочно, т. к. в РГИА выдача дел из отдела хранения в читальный зал по требованию исследователей выполняется вообще медленно, а фонд № 458 оказался почти не обработанным сотрудниками означенного отдела технически: не была проделана нумерация листов. Приходилось ждать еще дольше, покуда они ее проделают. Общие списки учеников 6-й гимназии мне удалось просмотреть и выявить в них обоих пасынков Анненского *на 1879 год* (д. 438, л. 5), где под порядковыми №№ 265 и 266 значатся ученики *4-го класса*: Хмара-Барщевский Эммануил и Хмара-Барщевский Платон. Против каждого из них отмечено, что плата за учение внесена 30 апреля. Напомню, что 28 сентября того же года Анненский обвенчался с их вдовствующей матерью Надеждой (Диной) Валентиновной, а с 25 августа в том же году начал свою педагогическую службу в Петербурге. Просмотрены мной также еще два дела общих списков учеников 6-й гимназии: на 1881 год (там же, д. 479-а, л. 5 об.), где под порядковыми №№ 276 и 277 значатся ученики 6-го класса: Хмара-Барщевский Платон и Хмара-Барщевский Эммануил. Здесь против каждого из них отмечено, что плата за учение внесена 29 января; на 1883 год, т. е. на год окончания пасынками Анненского курса гимназии (там же, д. 531, л. 6), где под порядковыми №№ 299 и 300 зарегистрированы ученики 8 класса: Хмара-Барщевский Платон и Хмара-Барщевский Эммануил, взнос платы за последний год их обучения датирован 16 марта 1883 года.

Рассмотрение сведений, содержащихся в указанных делах общих списков учеников 6-й гимназии, позволяет заключить: 1) что оба сына Надежды Валентиновны состояли приходящими учениками и обучались не на казенный счет, а за плату, которую она регулярно вносила; 2) что они были приняты в эту гимназию одновременно и на протяжении девяти лет переходили вместе из класса в класс, хотя Платон был на два года старше Эммануила. Казалось бы, что старшему сыну Платону надлежало поступить в гимназию не осенью 1874 года, когда ему уже минуло без малого 13 лет отроду, а в августе 1872 года, когда он еще не перешагнул возрастной предел, предусмотренный уставом

гимназий и прогимназий для первого и приготовительного классов. Ни в каких источниках, доступных нам, мы не нашли объяснения тому факту, что, в силу каких-то обстоятельств или соображений, Надежда Валентиновна Борщевская отсрочила определение своего старшего сына в гимназию на два года, предпочтя, чтобы он начал учиться одновременно со своим младшим братом Мануилом (Эммануилом). Последний к августу 1874 достиг возраста 9-ти лет и 8-ми месяцев, что соответствовало уставной норме для принимаемых в приготовительный и первый классы. Кстати сказать, Вал. Кривич в своих мемуарах подчеркнуто заявлял: «Считаю не лишним упомянуть, что отношения между отцом и пасынками с самого начала не оставляли желать ничего лучшего. И впоследствии всегда мы составляли одну семью, – даже и тогда, когда она разрослась, а жизнь ее разлилась по разным руслам, – родственно и сердечно близкую» <Кривич, 224>.

Но он совсем не отметил установленного теперь нами впервые факта, что оба его единоутробных брата – Платон и Эммануил являлись одноклассниками по 6-й С-Петербургской гимназии, несмотря на возрастную разницу между ними в два года. Поскольку же оба сына Надежды Валентиновны были летом 1877 года учениками Анненского, а в сентябре 1879 года стали его пасынками – членами сводной семьи, которую он возглавил в качестве отчима, – указываемый нами факт представляет такую деталь в истории этой семьи, которая заслуживает внимания.

Валентин Иннокентьевич Анненский <...> родился 20 июня 1880 года в родовом имении своей бабки Александры Вениаминовны Сливицкой (урожденной Броневской) сельце Сливицкое Бельского уезда Смоленской губернии, которое именовалось ранее «деревня Фомина (Анненское тож)», т. к. при генеральном межевании 1781 года составляло наследственную долю девицы Анны Михайловны Броневской (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 140, л. 17 об, № 26. Экономические примечания). Оно входило в церковный приход села Головеньки того же уезда, где и зарегистрировано рождение и крещение Валентина Анненского (РГИА, ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 60. Подлинник метрической выписи, выданной причтом означенной церкви, за № 6 от 22 июня 1880 г., и РГИА, ф. 14, оп. 3, д. 36342, л. 5. Копия метрического свидетельства, выданного 30 января 1891 года Смоленской духовной консисторией). <...>

В студенческих личных делах университетских Платона и Эммануила Барщевских вшиты возобновлявшиеся ежегодно «свидетельства на право проживания» и к ним вторые страницы со штампами полицейской прописки, в коих обозначено за период с 1883 по 1884 год у Эммануила, что при поступлении в университет и во время прохождения 1 курса физико-математического факультета по естественному разряду он проживал в доме № 9 по Надежденской улице, кв. 20 «при родителях» (РГИА, ф. 14, оп. 3, д. 23020, три листа без №, следующие за листом 14-м), а у Платона – этот же адрес значится с 1883 по 1886 год: по Надежденской ул., д. 9, кв. 20, «студент, у родителей», затем в 1887 году за апрель и октябрь он был прописан по Надежденской ул., д. 5/27, кв. 21, без указания о «родителях», а просто – «студент», «слушатель» (РГИА, ф. 14, оп. 3, д. 22989, л. 40–47). По этому адресу семья Анненского прожила в Петербурге по 1890 год, т. е. более одиннадцати лет, вплоть до состоявшегося 18 января 1891 года перемещения Анненского в Киевский учебный округ на должность директора Коллегии Павла Галагана, согласно Предложению министра народного просвещения, Статс-секретаря, графа И. Д. Делянова. <...>

В Петербургской квартире родителей на Надежденской улице зимою, и в ежегодных выездах на летнее время в сельцо Сливичское Бельского уезда Смоленской губернии прошло детство Валентина Анненского. К моменту переезда родительской семьи в Киев, Валентину Анненскому шел одиннадцатый год отроду, и ему предстояло поступить там в 1-й класс одной из киевских гимназий (какой именно, достоверно не установлено, за неимением в нашем распоряжении соответствующих архивных материалов Киевского учебного округа). К тому же моменту единоутробные братья Валентина успели окончить в 1889 году курс высших учебных заведений: Эммануил – Военно-медицинскую академию, а Платон – юридический факультет С.-Петербургского университета.

В каникулярный период 1890 года Анненский побывал с образовательной целью в заграничном отпуске впервые, а Надежда Валентиновна Анненская с сыном Валентином провела лето в Сливичком у своей матери.

В своем мемуарном очерке Валентин Кривич дал довольно подробный обзор писем, которые регулярно присылал отец своей семье

на Смоленщину из Италии.¹ Валентин Анненский был как видно, наблюдательным мальчиком, коль скоро впоследствии смог назвать многих друзей и знакомых отца и матери, собиравшихся в 1880-х годах в их петербургской квартире по понедельникам. Словом, вопрос о местопребывании семьи Анненского после женитьбы достаточно ясен. Напротив, мы не знаем совсем, где же проживала Надежда (Дина) Валентиновна со своими сыновьями в Петербурге до ее вступления во второй брак, т. е. с осени 1874 года до осени 1879 года. В архивном фонде 6-й С-Петербургской гимназии (РГИА, ф. 458) нам не удалось выявить какого-либо документа, в коем бы был обозначен петербургский адрес родительницы гимназистов Платона и Эммануила Хмара-Барщевских. При просмотре различных адресных книг нам тоже не удалось найти в них указание адреса, по которому проживала в Петербурге в 1870-х годах Надежда (Дина) Валентиновна Борщевская (она же Хмара-Барщевская), имевшая двоих несовершеннолетних сыновей. Оставалось предполагать, что она жила без прописки у кого-то из своих родственников, имевших в столице достаточно просторное жилье. Едва ли она имела возможность проживать по полгода в какой-нибудь из петербургских гостиниц или меблированных комнат. Единственной известной нам родственницей Надежды Валентиновны являлась уже упомянутая выше родная ее тетка София Вениаминовна Броневская – сестра милосердия Крестовоздвиженской общины, квартировавшая в Петербурге постоянно с 29 января 1860 года в доме этой православной общины (наб. реки Фонтанки, д. 154), где размещалась созданная названной Общиной сестер милосердия «Лечебница для бедных». Кстати сказать, это историческое здание сохранилось и по ныне. В нем теперь находится больница им. М. С. Урицкого Ленинского района г. Ленинграда.² Как раз напротив этого здания на противоположном берегу р. Фонтанки стоит украшенный мемориальной доской дом № 185 (бывший дом Клокачева), в котором по окончании Царскосельского лицея жил А. С. Пушкин. Здесь он готовил к печати первый сборник стихотворений и закончил поэму «Руслан и Людмила».

---

¹ Отдельная публикация см.: Письма И. Ф. Анненского из Италии / Публ. М. Г. Эдельмана // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 21–48.

² В настоящее время Городской педиатрический медико-социальный центр, многопрофильный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова.

Вероятно, Надежда Валентиновна Борщевская, приехав в 1874 году с двумя своими сыновьями в Петербург, нанесла визит своей тетке Софии Вениаминовне Броневской в доме Крестовоздвиженской общины и, может быть, посещала ее там даже не один раз. Ведь Платон Борщевский был крестником С. В. Броневской. Однако анализ записей, имеющих в сохранившемся фрагменте домово́й книги дома этой общины, не подтвердил первоначального моего предположения. Выяснено мною же, что сестра милосердия София Вениаминовна Броневская прибыла в этот дом 29 января 1860 года из города Белый Смоленской губернии вместе со своей матерью, вдовой поручика Анастасией Александровной Броневской, которую она записала тоже в сестры милосердия. Их прописали по «видам на жительство», выданным Бельской Дворянской Опекой за № 937 и 938 от 9 декабря 1859 года. Анастасия Александровна скончалась 31 марта 1860 года. После ее смерти София Вениаминовна продолжала находиться по месту своего служения и жительства более 15-ти лет в доме общины. Отмечено, что она выбыла «за границу 25 сентября 1875 года» (РГИА, ф. 1026, оп. 1, д. 526, л. 48 об.–49). Стало быть, к моменту приезда Н. В. Борщевской с сыновьями в 1874 году в Петербург ее тетка С. В. Броневская еще проживала. Они могли встречаться на этом хронологическом отрезке времени, хотя встречались ли реально, нам неизвестно, как неизвестна и последующая судьба С. В. Броневской. Конечно, не исключено, что у Н. В. Борщевской (Хмара-Барщевской) имелись в Петербурге и другие родственники, у которых ей с сыновьями можно бы было временно поселиться в 1870-х годах. Таким ее родственником мог быть, например, смоленский дворянин Константин Платонович Энгельгардт, которого Валентин Кривич упоминает как родственника своей матери и университетского сверстника Анненского. Однако данными, подтверждающими проживание Надежды Валентиновны и ее сыновей в петербургской квартире К. П. Энгельгардта, мы не располагаем.

Архивное дело С.-Петербургской Шестой гимназии «Об испытании желающих держать экзамен на получение аттестат зрелости» за 1883 год (РГИА, ф. 458, оп. 1, д. 521) содержит весь комплекс отчетных документов, предусмотренных Правилами об испытаниях зрелости в гимназиях М<инистерства> н<ародного>

п<росвещения>. В частности, в него вошли: циркулярное распоряжение попечителя С-Петербургского учебного округа Ф. Дмитриева от 4 марта 1883 года № 1418: «испытания письменные в гимназиях произвести со 2 по 12 мая, а затем начать устные, окончив таковые не позже 8 июня» (там же, л. 5); автографы прошений, поданных на имя «Его Превосходительства Господина Директора С-Петербургской VI гимназии» учениками VIII класса Эммануилом и Платоном Хмара-Барщевскими 4 апреля 1883 года: «Желая приступить к испытанию для получения аттестата зрелости, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о допущении меня к оному» (там же, л. 25 и 26); сообщение попечителя округа директору 6-й гимназии от 29 апреля 1883 года о том, что для участия в проведении испытаний в качестве «ассистентов» приглашены состоящие преподавателями СПб Университета: экстраординарный профессор Константин Александрович Поссе – по математике, доцент Егор Егорович Замысловский – по истории, доцент Петр Васильевич Никитин – по греческому языку и преподаватель Иосиф Петрович Шебор – по латинскому языку. Список лиц, желающих подвергнуться испытанию зрелости в СПб Шестой гимназии в 1888 году (там же, л. 13–23), где на л. 20 об.–22, под порядковым № 30 и 31 значатся: Хмара-Барщевский Платон – время рождения 1 ноября 1863 года, место рождения Село Головенька, православный, из дворян, обучавшийся 9 лет в 6-й гимназии, и Хмара-Барщевский Эммануил, время рождения 2 января 1865 год (остальные формулярные данные те же, что и у Платона – *А. О.*); в этом же списке отображена работа педагогического совета гимназии по предварительному учету успеваемости выпускников, внесенная затем в соответствующую графу аттестата зрелости, причем в отношении обоих Хмара-Барщевских отмечено, что они проявили интерес «одинаковый ко всем предметам» в подтверждение исправности посещения гимназистами занятий дана таблица пропущенных уроков в выпускном классе:

№№ по пор.	Фамилия Имя	По каким причинам пропустил и какое число уроков		
		По болез- ни	По уваж. причине	По неуважит. причине
30	Хмара-Барщевский Платон	17 (3,4 %)	7 (1,4 %)	1 (0,2%)

31 Хмара-Барщевский Эммануил 14 (2,8 %) 3 (0,6 %) 1 (0,2%)

Отсюда видно, что с посещаемостью у братьев Хмара-Барщевских дело обстояло благополучно (Там же, л. 2).

Средние баллы обязательных предметов, кроме чистописания, выведенные педагогическим советом: Платону – 3,4, а Эммануилу – 3,0.

Приложен список: в какие высшие учебные заведения желают поступить выпускники. В нем указано желание Платона поступить на юридический факультет СПб университета, а Эммануила – на физико-математический факультет (по естественному разряду) того же университета (Там же, л. 4 об.). Об обоих братьях Хмара-Барщевских педагогический совет вынес определения: «Допустить к испытанию зрелости» (Там же, л. 21–22). На л. 67 и следующих в этом деле вшиты протоколы выпускных испытаний, в которых оба Хмара-Барщевских значатся с теми отметками, какие внесены в их аттестаты зрелости.

В конце того же дела помещены типографские дубликаты-отпуски аттестатов зрелости с расписками получателей. Среди них отложились: дубликат этого документа, выданного Хмара-Барщевскому Платону, на коем собственноручная расписка: «Аттестат зрелости № 363, удостоверение о дворянстве и метрическое свидетельство получил 1883 года июня 1-го Платон Хмара-Барщевский» (Там же, л. 75). Дубликат такого же документа, выданного Хмара-Барщевскому Эммануилу, а на нем расписка: «Аттестат зрелости за № 364, удостоверение о дворянстве и метрическое свидетельство за брата моего Эммануила получил брат его Платон Хмара-Барщевский 1883 года 1 июня» (Там же, л. 78).

Мы видим, что на протяжении девяти лет пребывания сыновей Надежды Валентиновны Борщевской (Хмара-Барщевской, как она себя самочинно именовала) они в учетных документах, составленных на них в С-Петербургской 6-й гимназии, проходят под двойной фамилией «Хмара-Барщевские». И это, несмотря на то, что в неоспоримых генеалогических документах, представленных при их поступлении в гимназию – метрических свидетельствах о рождении и удостоверениях о дворянстве, возвращенных им на руки под расписку при получении аттестатов зрелости, они значатся под одинарной фамилией «Барщевские».

Как удалось Н. В. Борщевской провести, вопреки этим генеалогическим документам, своих сыновей в списки гимназистов по двойной фамилией, – остается неизвестным. Достоверно установлено нами, что она не имела сенатского указа по департаменту герольдии, коим было бы узаконено присоединение к родовому имени покойного ее мужа Петра Петровича Борщевского второго родового имени «Хмара». Да она даже и не пыталась получить такой указ, сопряженный с довольно сложной делопроизводственной процедурой. Положительное решение такого вопроса в Сенате могло бы состояться лишь при наличии двух обязательных условий: 1) если обладатель основного родового имени сам или какой-нибудь его прямой предок состоял в браке с представительницей дворянского рода, чье родовое имя подлежит присоединению; 2) если доказано, что ее род в мужской линии пресекался. По обоим этим пунктам Надежда Валентиновна Борщевская (Барщевская) представить нужных доказательств не смогла. Нами исследован объемистый документ: «Опись дел Правительствующего Сената по департаменту герольдии и третьему департаменту о передаче фамилий и сопряженных с ними титулов и гербов» (РГИА, ф. 1343, оп. 42, годы 1818–1917).

Среди указанных дел не значится дела о передаче фамилии «Хмара» роду смоленских дворян Борщевских. Очевидно, такие генеалогические данные отсутствовали и в архиве Смоленского губернского Дворянского депутатского собрания. Секретарем смоленского дворянства в 1869 году, когда Н. В. Борщевская хлопотала об «оформлении» дворянства для своих сыновей, был дальний ее родственник титулярный советник Александр Платонович Энгельгардт. <...> У А. П. Энгельгардта имела возможность консультироваться по конкретным правовым вопросам дворянской генеалогии Н. В. Борщевская. Вероятно, он ей объяснил юридическую необоснованность ее притязаний на присоединение родового имени «Хмара» к родовому имени ее первого мужа, вследствие чего она и не стала обращаться по этому вопросу в Сенат. Тем не менее, она продолжала самочинно отстаивать свою версию. Так, в отдельной записи, составленной наследниками майора Петра Семеновича Борщевского 24 августа 1868 года, она именуется двояко: в начале документа стоит – «опекунша малолетних детей умершего родного брата вышепоименованных наследников, губернского секретаря Петра Петровича Борщевского – жена его

Надежда Валентиновна, по мужу Борщевская», а в конце – «опекунша их Надежда Валентиновна, по мужу Хмара-Барщевская». Причем в середине текста отдельной записи эти малолетние наследники обозначены «проживающими с матерью *в ее имени*» (РГИА, ф. 577, оп. 37, д. 42, л. 11, 12 об. и 14) <курсив – *А. О.*>. В дальнейшем Надежда Валентиновна стала именовать себя и двух своих сыновей от первого брака «Хмара-Барщевскими» с начертанием основной второй части родового имени через «а».

Видимо, это различное начертание в русских переводах одного и того же польского шляхетского родового имени. В делах Герольдии о дворянстве (РГИА, ф. 1343) родов на букву «Б» (оп. 17) хранятся документы с тем и другим начертанием фамильного имени по заголовкам, причем нередко в тексте одного и того же вошедшего в дело документа фамилия бывает написана то через «о», то через «а». Написанию через «а» Надежда Валентиновна придавала в дальнейшем особое значение, видимо, узнав, что так писались в Польше и Литве некоторые наиболее вельможные представители старых польских ветвей этого рода: например, Гродненская, Подольская, Виленская и Витебская ветви, о родоначальниках которых сведения выявлены нами в делах того же фонда и описи за № 5674, 5677, 1887 и 1389.

В частности, в деле о дворянстве Барщевских Виленской губернии за 1842–1847 годы (РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 1387) воспроизведена в переводе с польского «привилея», дарованная 18 октября 1762 года в Варшаве с приложением большой печати Великого Княжества Литовского, Русского, Прусского, Мазовецкого, Самогитского, Киевского, Волынского, Подольского, Подлянского, Инфлянтского, Смоленского, Северского и Черниговского, вотчинного князя Саксонского и Електора (таков был полный титул Августа III – *А. О.*), на ставшее вакантным Стражниководство в Смоленском Воеводстве, т. е. на важную коронную административную должность «Стражника» в этом воеводстве. Эта ветвь польского рода Барщевских имела тот же герб «Тарнава», какой имел род Броневских. Реальное значение дарованного Игнатию Барщевскому административного поста весьма сомнительно, если учесть, что Смоленщина была уже царем Алексеем Михайловичем отвоевана у Польши, и во время северной войны, в коей Август III числился союзником Петра I против

шведского короля Карла XII, власть на Смоленщине принадлежала русскому государству.

Другие польские ветви рода Барщевских имели герб «Радзич».

В Польше издавна существовала дворянская литература по практической генеалогии и геральдике, которая могла быть вполне доступна отцу Надежды Валентиновны В. В. Сливицкому. В делах о дворянстве Витебской ветви польского рода Барщевских (РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 1389 за 1834–1891 годы) цитируется сочинение автора Каспера Несецкого «О гербах», из коего видно, что древний род БАРИЦ, впоследствии переименовавшийся в Барщевских, употреблял герб, названный «БАРИЦ». В этом гербе изображена белка как на щите, так и на шлеме, с поднятыми вверх передними лапками в том самом положении, в каком она изображена в гербе рода Боженских. В этом усматривалось общность происхождения Барщевских и Боженских. Тот же автор объяснял название и происхождение фамилии Барщей так: «когда Барщи приобрели от Боженских недвижимое имение, в то время они польским наречии именовались Барщами, из них славный генерал Бартш или Барщ, в иностранном коронном войске с младенчества воспитанный в воинском стане, был примером для всех людей разного состояния. Того ж названия и рода Каменецкого полка майор Франц Барщ был благодетелем для духовенства. В доказательство тому служит выписка из сочинения Несецкого. Впоследствии времени наследники, происходящие из рода Барщей, одни, как сказано в польской хронике, назывались Барщами, другие Барщевскими, в разных Воеводства и уездах Великого Княжества Литовского имели свои вотчинные, закладные и арендные имения и владели ими как дворяне. Из них Степан Барщевский, родоначальник ныне явившихся, владел в Ошмянском уезде значительными имениями, прижил пять сыновей: Леона, Иосифа и Клементия, находящихся в живых, Казимира и Андрея, докончивших свою жизнь в Ошмянском уезде <...> Леон, Иосиф и Клементий Барщевские, перешед в Полотское воеводство (что ныне Провинция) поселились в разных местах по арендованным контрактам и в той же Провинции поныне, пользуясь дворянскими преимуществами, жительствуют». Затем названы поименно восемь сыновей, прижитых Леоном Барщевским. Они представили через адвоката 25 февраля 1777 года в земский суд Полоцкой провинции просьбу утвердить их в дворянском достоинстве,

ссылаясь на польские «Статутовые законы о дворянских выводах и Сеймовые конституции». Просители «являющиеся ныне Барщевские, пришед в совершенную нищету по причине обеднения своих предков, и не хотя жить праздно, занялись службой у разных помещиков и, находясь в скудном положении и услышав о всеобщем универсале Всепресветлейшей Монархини Государыни всемилостивейшей (имеется в виду жалованная грамота Екатерины II российскому дворянству – *А. О.*), повеление которого желая исполнить с должным почтением и послушанием, а не имея нужных на доказательство дворянского своего достоинства документов, которые документы, по продаже имений посторонним лицам перешли в их же руки, в отыскании их имея разные препятствия, «представили в Земский Суд Полотской Провинции свидетельство, выданное им от Браславского уезда», просили пометить их поколенные росписи и принять документы в земские книги «выводовых дел Полотской Провинции». Прошение их было удовлетворено Полоцким земским судом, но поскольку у них уже не было недвижимых имений, их внесли не в дворянскую родословную книгу, а «в особенную на то, составленную книгу для вношения не имеющих оседлости лиц» (Там же, л. 127–127 об.). В других документах того же дела указано, что герб рода Барщевских, коим печатался пращур этой ветви рода Барщевских Степан Барщевский, назывался «Бартек» (Там же, л. 38).

В деле о дворянстве Борщевских Гродненской губернии (РГИА, ф. 1343, оп. 177, д. 5674 за 1835), начатом по отношению Гродненского губернского правления от 21 февраля 1835 года в связи с намерением дворянина Ивана Борщевского вступить в государственную службу в Кобринский уездный суд, фигурируют документы его предков об обмене именьями с другими лицами, в частности, представлен в переводе с латинского языка документ, в коем запротоколировано старинными формулировками польского гражданского судопроизводства следующее: «В Бранском королевском замке во 2-й день после 40-го воскресенья 1677 года перед актами Бранского Старостинского суда, являясь лично, г. Колненский Гродский Бургграф Антон Клементиев БАРТЕХ или БАРЩЕВСКИЙ» (это предок просителя – *А. О.*), далее изложено условие об обмене именьями (там же, л. 5). В том же деле содержатся аналогичные акты, заключенные в том же суде Андреем-Матвеем Антоновым сыном

Барщевским в 1775 году и в 1781 году Иваном – сыном двуименного Андрея-Матвея Барщевского (родился в 1731 году). Далее в этом же деле фигурируют Людвиг и Лаврентий Ивановы сыновья, внуки двуименного Андрея-Матвея Барщевского. Затем – Карл Лаврентиев сын Барщевский (определение 1806). Это поляки, католики.

Примечательно, что в тексте всех документов, кроме первого отношения, фамилия написана через «а». Еще более примечательно, что определением по этому делу проситель Иван Барщевский признан в потомственном дворянстве и внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Гродненской губернии. Разумеется, все эти Барщевские не были в прямом родстве с принявшими православие смоленскими шляхтичами Борщевскими, которым Герольдия отказывала в утверждении их в древнем российском дворянстве. Последние являлись *сородичами* польских Барщевских. Обрусевшие смоленские шляхтичи Борщевские не забывали, что существуют генеалогические связи между ними и польскими их сородичами, принадлежавшими в гербовой шляхте и занимавшими различные посты в польской коронной администрации, а также заметное положение в польско-литовских войсках. Из рассмотрения серии дел о дворянстве польских Барщевских разных губерний видно, что большинство из них первоначально владели имениями в Ошмянском уезде Виленской губернии. Цитированные нами здесь документы дают возможность понять, почему Надежда Валентиновна Сливицкая (по первому браку Борщевская, а по второму – Анненская) стала писать основную фамилию своих сыновей от первого брака через букву «а». На внесение такого «уточнения» она имела если не формальное, то моральное право.

Что же касается самочинного присоединения ею к родовому имени своего первого мужа и его сыновей (а с ними и к своей фамилии по первому браку) второго родового имени «Хмара», – то предпринятая нами проверка показала следующее. В фонде департамента герольдии хранится объемистое дело о дворянском роде ХМАРОВЫХ (так фамилия эта обозначена в заголовке – А. О.), внесенном в 6-ю часть дворянских родословных книг Минской и Могилевской губерний. В деле имеются многочисленные польские документы и переводы их на русский язык о пожаловании польским королем Каземиром и Великим князем литовским Александром, королями Сигизмундом и Августом III «привилегий»

по Минскому воеводству на должность подчашего, а в 1774 году – Минского Каштеляна и в 1784 году – Минского Воеводы – Адаму ХМАРА. В документах дела засвидетельствовано пожалование ему земли в Бельском повете Минского воеводства (впоследствии это одноименный уезд Смоленского наместничества, а затем Смоленской губернии – *А. О.*).

Все это дело герольдия посылала через министра юстиции статс-секретарю Царства Польского для сверки с актами польской «Коронной метрики» (РГИА, ф. 1343, оп. 31, д. 2477, за 1855).

Стало быть, родоначальник Адам ХМАРА занимал в польско-литовской коронной администрации последней четверти XVIII века довольно высокое положение. Потомок его Гилярий Иоахим ХМАРА, владевший имением в Могилевской губернии, получил решение Сената 20 июня 1855 года о перенесении его с сыновьями из 6-й части родословной книги Минской губернии в такую же часть книги по Могилевской губернии. Определением Сената он признан в дворянском достоинстве со внесением в 6-ю часть дворянской родословной книги Минской губернии, разрешено было внести их род и в 6-ю часть родословной книги Могилевской губернии. (Содержание всего это дела резюмировано документом, представленным на л. 105–114).

При тщательном просмотре, содержащихся в этом деле документов, мы не обнаружили в них никаких указаний о наличии матримониальных связей рода Хмара с родом Барщевских, т. е. упоминаний о том, что какая-нибудь из женщин рода Хмара вступила в замужество с кем-то из Борщевских (Барщевских). Совпадает лишь Бельский повет (уезд) – территория, на которой владели земельными пожалованиями как Борщевские, так и Хмары. На что опиралась Надежда Валентиновна, присоединяя к фамилии своего покойного первого мужа фамилию «Хмара», остается неизвестным, хотя можно понять, что для шляхетских амбиций это казалось ей импозантным. Двойные польские фамилии нередко встречались среди титулованных и нетитулованных смоленских дворян и «звучали» громче, нежели фамилии одинарные.

Быть может, какие-то известия о породнении Борщевских с Хмарами нашлись где-то в польских генеалогических хрониках? Даже если и так, то все равно нельзя присоединять фамилию «Хмара», род которых не пресекался в мужской линии. Вероятнее всего, что это

просто одна из тех генеалогических фальсификаций, какие нередко встречаются в дворянских родословных.

Упоминание в цитированной нами выше Раздельной записи, что малолетние наследники Петра Борщевского проживают с матерью «в ее имении», нельзя признать правильным и точным. Ведь село Сливицкое (Фомино или Комино и Аннинское тож) еще не стало тогда имением самой Надежды Валентиновны. Оно принадлежало ее матери Александре Вениаминовне Сливицкой (урожденной Броневской), будучи унаследовано ею от отца – поручика Вениамина Михайловича Броневского. Надежде Валентиновне, на равных правах с ее сестрой Верой Валентиновной (род. в 1848), предстояло еще унаследовать в будущем от своей матери это имение.

Кроме того, Александра Вениаминовна Сливицкая управляла по доверенности имением своей младшей сестры – Софьи Вениаминовны Броневской при селении Полоухине и сельце Парневе в той же Будинской волости Бельского уезда, т. е. расположенном по соседству. Напомним, что Софья Вениаминовна состояла сестрой милосердия знаменитой Крестовоздвиженской общины и жила в Петербурге в общежитии при этой полумонашеской общине.

....годы в Петербурге в квартире своего отчима Анненского при матери, которая продолжала управлять их наследственным имением, наезжая туда ежегодно в каникулярное время. Затем Эммануил Петрович, окончив в 1889 году полный курс Военно-мед<ицинской> академии со званием лекаря и избрав себе специальностью акушерство и гинекологию, поселился отдельно и стал зарабатывать частной практикой в Петербурге, числясь одновременно сверхштатным врачом-акушером по ведомству М<инистерства> в<нутренних> д<ел>, а с 1 июля 1903 года выбыл в Харбин на должность помощника главного врача КВЖД. Старший же его брат Платон Петрович, окончив в декабре 1889 года курс Петербургского университета по юридическому факультету со званием действительного студента, отбыл в 1890 году воинскую повинность вольноопределяющимся в л-гвардии Егерском полку, сдал экзамен на прапорщика запаса армейской пехоты и в том же году начал свою чиновничью службу сначала в Петербурге в канцелярии губернатора, а в 1893 году добился

себе назначения на должность земского начальника в Бельский уезд Смоленской губернии и поселился в селе Каменец, где находился центр его участка. Он пробыл в этой судебно-полицейской должности до 6 октября 1907 года и уволился с нее в отставку по прошению. Находясь в отставке, Платон Петрович Хмара-Барщевский продолжал жить в том же Каменце по июль 1909 года, когда его приказом по М<инистерству> в<нутренних> д<ел> определили из отставки на службу в это Министерство и с 26 августа назначили младшим помощником делопроизводителя земского отдела М<инистерства> в<нутренних> д<ел>. Вернувшись в столицу, он поселился в Царском Селе на частной квартире неподалёку от своей матери. К тому времени он имел чин надворного советника, полученный им еще до выхода в отставку, а также пожалованный ему в бытность его земским начальником, орден св. Анны 3-й степени. Аппарат земского отдела М<инистерства> в<нутренних> д<ел> был сформирован П. А. Столыпиным для осуществления предпринятой им известной аграрной реформы <...>. Судя по материалам служебного личного дела П. П. Хмара-Барщевского, он ревностно служил делу столыпинской реакции и в некоторой мере преуспел в своей чиновничьей карьере: 7 марта 1911 года (за полгода до смерти П. А. Столыпина) его произвели в чин коллежского советника, а позднее назначили старшим VIII класса помощником делопроизводителя земского отдела М<инистерства> в<нутренних> д<ел>. По этой должности он имел от казны содержание: жалованья 600 р., столовых 600 р., квартирных 300 р., а всего 1500 р. в год.

На таком уровне и застопорилась его служебная карьера, видимо, по причине ограниченности его умственных способностей.

В упомянутом личном деле Платона Петровича Хмара-Барщевского (РГИА, ф. 1291, оп. 122, д. 48, годы 1909–1915) имеется заверенная машинописная копия отчета о ревизии делопроизводства бывшего земского начальника 3-го участка Бельского уезда П. П. Хмара-Барщевского, произведенной 10, 11 и 12 января 1908 года, согласно определению Смоленского губернского присутствия от 29 декабря 1907 года неперменным членом присутствия Б. П. Колечицким, при сдаче дел по этому участку кандидату на должность земского начальника г. Белкину (Там же, л. 2–6 об.).

В тексте ревизорского отчета детально отмечено много не порядков в ведении дел, регистрации бумаг, исполнении судебных дел и состоянии денежной отчетности. На л. 6 упоминается дело о растрате окладных платежей крестьян Покровской волости волостным старшиной Новиковым. По справке Смоленской казенной палаты установлено, что на пополнение растраты зачислены в депозит палаты 253 р. 17 к., следуемые Новикову за аренду его дома для казенной винной лавки и 1134 р. 55 к., внесенные самим земским начальником Хмара-Барщевским, но т. к. для пополнения всей растраты, произведенной Новиковым, необходимо было 1141 р. 85 к., то излишек суммы 245 р. 87 к. из денег, внесенных г. Хмара-Барщевским в Бельское казначейство под квитанцию от 20.VII.1901 года № 8022, был перечислен палатою в депозит земского начальника по оборотной ассигновке от 2/XI 1902 года № 25304. (Как видно, большую часть растратченных Новиковым денег пришлось Хмара-Барщевскому пополнять из собственного кармана. – А. О.).

На л. 4 об. по разделу о делах уголовных ревизором отмечено между другими делами дело № 11 о краже, поступившее в ноябре 1904 года, которое назначалось к слушанию на 13 мая 1905 года, но за неявкой обвиняемого было отложено до 26/XI 1905 года, причем 25/XI 1905 года постановлен: «Выехать на место волнений и дело отложить».

Из этого можно заключить, что на подведомственной П. П. Хмара-Барщевскому территории 3-ого участка Бельского уезда имели место в 1905 году крестьянские «волнения». По-видимому, не порядки в делопроизводстве, отмеченные ревизором Б. П. Колечицким у П. П. Хмара-Барщевского, никак не сказались на последующей карьере последнего в центральном аппарате М<инистерства> в<нутренних> д<ел>.

В том же личном деле Платона Петровича Хмара-Барщевского имеются три формулярных списка о его службе (машинописные копии на бланковых заготовках: от 26/VIII 1909, от 29 /XII 1910 и от 17 /VII 1914). В графе II формулярного списка вписано чернилами: «Из потомственных дворян». В графе III (об имениях) отмечено наличие *родовых* имений: у матери в Бельском уезде 225 десятины земли и у него самого в совместном владении с братом 444 десятины земли.

Благоприобретенных имений ни у него самого, ни у родителей нет.

А у жены его нет ни родовых, ни благоприобретенных имений.

В графе XIV (о семейном положении) обозначено:

Женат на дочери капитан-лейтенанта Ольге Петровне Лесли.
(Возраст жены и дата бракосочетания не указаны. – *А. О.*)

Имеет детей: усыновленную дочь Ольгу, род. 1 октября 1893 года, сына Валентина, род. 15 апреля 1895 года, и сына Петра, род. 4 июля 1899 года. Жена и дети вероисповедания православного и находятся при нем.

(Здесь не указано, что жена его Ольга Петровна была второбрачной. Первоначально она состояла в замужестве за Мельниковым. – *А. О.*)

Сведения в этом формулярном списке даны по состоянию на 26 августа 1909 года, то есть 41 год спустя после состоявшегося 24 августа 1868 года раздела наследства П. С. Борщевского, согласно которому, как мы показали выше, малолетние внуки наследодателя Платон и Эммануил вместе с их матерью и опекушкой Надеждой Валентиновной Борщевской получили из Бельских имений ее покойного свекра, а их деда, всего 192 десятины земли. Упомянутое здесь в графе III формулярного списка Платона Петровича имение его матери площадью в 225 десятин – это, без сомнения, сельцо Сливичское, которое она унаследовала от своей матери «генеральши Александры Вениаминовны Сливичкой (урожд. Броневской) – родовое имение Броневских, тогда как указанные здесь же 444 десятины земли, находящиеся у Платона Петровича в совместном владении с братом, представляли собою то, что они получили в наследство из Бельских родовых имений своего деда. Мы видим, что это их родовое имение не только не уменьшилось за истекшие сорок лет, но возросло почти в два с половиной раза. Зафиксировано тут же, что никаких «благоприобретений» (покупок земли) они не делали. Нам остается заключить, что за истекшие со времени раздела сорок лет умерли их старшие сонаследники: дядя Иван Петрович Борщевский, который был бездетен, и три их тетки – Надежда и Анна Петровны Борщевские и Любовь Петровна Потемкина. Вероятно, от них Платон Петрович совместно с братом Эммануилом получил в наследство 252 десятины земли. Документы о таком унаследовании до нас не дошли, но иначе нельзя объяснить, за счет чего так возрос размер родового имения братьев «Хмара-Барщевских».

Что же касается села Каменца, в коем Платон Петрович поселился со своей женой Ольгой Петровной и детьми, приезжавшими туда на каникулы, то оно никогда не принадлежало роду Борщевских.

Согласно Экономическим примечаниям к планам генерального межевания 1781 года (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 140) этим селом и принадлежащими к нему деревнями в конце XVIII века владело дворянское семейство Бровциных. Оно содержало в этом имении сукновальную фабрику и винокуренный завод, продукцию которых, вырабатываемую крепостными, поставляло в город Белый по контракту с казной на находившиеся там склады военного ведомства. В дальнейшем эти Бровцины выбыли из списков Смоленского дворянства, и в чьи руки перешло это их имение, нам по материалам РГИА установить не удалось. Кому принадлежало село Каменец к 1893 году, когда туда приехал Платон Петрович Хмара-Барщевский, расположивший в нем свою «штаб-квартиру» земского начальника 3-го участка Бельского уезда, мы тоже по материалам РГИА выяснить не смогли.

По официальному справочному изданию, основанному на сведениях 1903 года, «Список населенных мест Смоленской губернии» (изд. Статистического комитета Мин<истерст>ва Внутр<енних> Дел (СПб., 1904). В *Каменецкой* волости Бельского уезда значатся:

№ 1034 *Каменец* село дворов 28, жителей: м. 59, ж. 81.

№ 1035 *Каменец* вл. ус. дворов 6 жителей: м. 14, ж. 9.

Каменец вл. ус. дворов 2, жителей: м. 2, ж. 1.

В том же списке среди населенных мест Будинской волости Бельского уезда указано (с орфографическими ошибками в топонимах на с. 26 – *А. О.*):

№ 74 *Сливитское* (Анюнское) вл. ус. дворов 8, жителей: м. 25, ж. 19.

В том же издании дан список земских начальников Смоленской губернии в виде приложения. В нем по Бельскому уезду обозначен:

3-го участка – коллежский асессор Платон Петрович Хмара-Барщевский (село Каменец).

Уместно здесь напомнить некоторые строки из письма Анненского к А. В. Бородиной от августа 1900 года: «Вы спрашиваете о Дине. Я в Царском один и, вероятно, до октября. Она в настоящую минуту, вероятно, у себя в Сливичком с нашим любимым внуком, который заболел бронхитом. Из Сливичкого она поедет в Каменец

(Смоленская губерния). Почтово-телеграфная станция Волочек, Платону Петровичу Хмара-Барщевскому, для передачи... Потом, вероятно, опять вернется в Сквицкое, где строит дом (Смоленской губернии, город Белый, такой-то в Сквицком). Чисел и сроков переездов она, конечно, и сама определить не может особенно теперь с больным ребенком на руках. Валентин мой в Каменце, очень веселится – он всегда умеет создать атмосферу веселости. Вы спрашивали обо мне. Я совершил поездку по Волге до Астрахани; было страшно жарко: температура доходила до 30 в тени. Два дня я пролежал на пароходе в какой-то сквернейшей астраханской лихорадке. Тем не менее, я, что называется, освежился, ничего не делал. Одну ночь вспоминаю с удовольствием, это, когда мы плыли из Царицына в Астрахань. Это было волшебное небо, полная луна, золотая, а другая в воде серебряная; даль серебряная, вода, небо, блеск, тишина... Звезды, как у нас бывают только зимой, большие, яркие. После Волги был неделю в Смоленской губ., потом две недели в Финляндии, любовался Иматрой, Сайменским озером. Теперь люблюсь гимназией и собой в качестве ее директора.

Напишите мне, пожалуйста, и поцелуйте за меня Ваших детей» <КО, 448–449; *Письма*, I, 247–256>.

Мы видим, что Анненский свое пребывание на Смоленщине летом 1900 года ограничил двумя неделями. В течение этого короткого срока он, без сомнения, побывал в Сквицком, но нашел ли он время, чтобы посетить и Каменец, он умалчивает. Скорее всего, он туда не ездил, а о времяпрепровождении в Каменце своего сына Валентина, гостившего там у старшего единоутробного брата Платона, знал от Дины Валентиновны, которая там побывала. Строчка письма о «веселости» Валентина проникнута явной иронией. Пребывание же Валентина Иннокентьевича – в то время уже перешедшего на 2-й курс юридического факультета С-Петербургского университета – затянулось по сентябрь.

Это точно задокументировано в его студенческом личном деле: студент Валентин Анненский получил увольнение в 1900 году в отпуск сроком по 20 августа в Смоленскую губернию и др. города империи, и ему был выдан отпускной билет. А 19 августа 1900 года студент Валентин Анненский послал письмо в канцелярию университета из села Каменец Бельского уезда Смоленской губернии, коим

уведомил, что к сроку вернуться из отпуска не может, вследствие болезни. В подтверждение уважительности причины своего опоздания Валентин Анненский получил у Бельского земского врача И. И. Масленникова в г. Белый Смоленской губернии 28 сентября 1900 года официальное свидетельство о болезни для представления в канцелярию университета в том, что он с 10 августа по 28 сентября 1900 года был болен ревматическим воспалением радужной оболочки левого глаза (*iritis seroso-rheumatica*) вследствие чего не мог явиться к сроку в университет (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 36342, л. 29–30, 33).

Вернувшись в Царское Село, где-то в начале октября 1900 года, он представил это врачебное свидетельство в канцелярию университета.

Находясь в Каменце, он не только «веселился» там у своего единственного брата Платона, но и предпринял (видимо, следуя желанию матери) хлопоты о внесении его самого в дворянскую родословную книгу Смоленской губернии. Об этом свидетельствует переписка, отложившаяся в его студенческом личном деле. Так, уже 6 ноября того же года в правление Императорского С-Петербургского университета поступило из Смоленского Дворянского Депутатского Собрания отношение от 2-го ноября 1900 года № 903 с просьбой прислать подлинное метрическое свидетельство о рождении и крещении Валентина Иннокентьевича Анненского, т. к. документ этот необходим для внесения означенного лица в дворянскую родословную книгу Смоленской губернии, по миновании надобности будет возвращен. А год спустя Валентин Анненский подал прошение инспектору студентов о выдаче ему свидетельства о благонадежности для представления в Смоленское Дворянское Депутатское Собрание для занесения его в дворянскую родословную книгу Смоленской губернии. Затем канцелярия университета получила обратно метрическое Свидетельство о рождении и крещении Валентина Анненского за № 926 при сопроводительном отношении Смоленского Дворянского Депутатского Собрания от 30 января 1902 года № 75 (Там же, л. 21, 25, 35).

Но для внесения Валентина в означенную родословную книгу (в III ее часть) потребовалось утвердить в дворянстве по Смоленской губернии и его отца Иннокентия Федоровича. Определением

Смоленского Двор<янского> Деп<утатского> Собр<ания> от 2 марта 1901 года за № 36 и последовавшим за ним Указом Правительствующего Сената по Деп<артаменту> Герольдии от 19 декабря 1901 года за № 4851 были вновь утверждены в дворянстве:

III часть

2. Анненские Иннокентий Федоров и сын его Валентин (РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 661, л. 491).

При этом Дина Валентиновна Анненская в настойчивом своем стремлении превратить Анненского в «дворянина Смоленской губернии» вместе с их сыном Валентином, предприняла заранее такие шаги: по состоявшемуся перемещении Анненского из Киева в Петербург, еще в чине статского советника, на должность директора 8-й С-Петербургской гимназии, она побудила его обратиться 9 августа 1894 года к вице-директору департамента общих дел М<инистерства> в<нутренних> д<ел> Виктору Ивановичу Финне с официальным письмом нижеследующего содержания:

Имея необходимость в копии с указа об отставке отца моего, ныне покойного Действительного Статского Советника Федора Николаевича Анненского, для предоставления таковой при внесении сына моего, Валентина, в дворянские книги, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение об изготовлении таковой. Отец мой служил Чиновником Особых Поручений при г. Министре Внутренних Дел.

Гербовые марки на прошение и копию при сем прилагаются, всего 5 шт.

Статский советник, Иннок<ентий> Анненский.

9 августа 1894 г.

(РГИА, ф. 1284, оп. 76, д. 67, л. 158)

Пока просимая копия изготовлялась последовал Высоч<айший> Приказ по гражд<анскому> ведомству о производстве Анненского «за отличие» в чин действительного статского советника, а потому В. И. Финне направил ему на бланке Деп<артаменту> Общ<их> Дел М<инистерства> в<нутренних> д<ел> 22 августа 1894 года следующее письмо за 12110:

Милостивый Государь
Иннокентий Федорович,

Имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству засвидетельствованную копию аттестата о службе бывшего Чиновника Особых поручений при Министре Внутренних Дел Действительного Статского Советника Федора Николаевича Анненского.

Покорнейше прошу принять уверение в совершеннейшем моем почтении и преданности,

/подп./ В. Финне

Его Превосходительству

И. Ф. Анненскому

(Там же, л. 159, отпуск на бланке).

Анненский послал В. И. Финне 25 августа 1894 года на бланке Директора С-Петербургской Восьмой Гимназии без № следующее вежливое послание:

Милостивый Государь
Виктор Иванович!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за пересылку мне копии с указа об отставке покойного отца моего, изготовленной по распоряжению Вашего Превосходительства.

Прилагая при сем одну недостающую гербовую марку и официальную расписку в получении копии, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности моей

И. Анненский

Его Превосходительству

В. И. Финне

<Письма, I, 144–152>.

Следует обратить внимание, что в этой переписке называется по-разному потребовавшийся Анненскому документ: сам Иннокентий Федорович как в прошении от 9 августа 1894 года, так и в благодарственном письме к В. И. Финне от 25 августа, называет таковой «указом об отставке» своего отца, тогда как этот его адресат обозначил выдаваемый документ термином «аттестат о службе». На наш взгляд, такое расхождение свидетельствует косвенно о том, что инициатива истребования документа исходила не от Анненского,

а от его жены, Надежды (Дины) Валентиновны. Ведь она знала, что документ, послуживший основанием для утверждения ее отца В. В. Сливицкого в потомственном дворянстве по Смоленской губернии, назывался «указом об отставке», а потому полагала, что тождественное наименование должен носить подобный документ Федора Николаевича Анненского, тогда как Иннокентий Федорович явно не был осведомлен в этом процедурном вопросе. Отлично знал все обстоятельства увольнения от службы Федора Николаевича лишь Николай Федорович Анненский, который в январе 1874 года получал «аттестат о службе» их отца.

Но в 1894 году Н. Ф. Анненский в тот момент находился еще в Нижнем Новгороде, он вернулся в Петербург лишь в 1895 году, вследствие чего посоветоваться со своим компетентным в правовых вопросах старшим братом Анненский в тот момент не имел возможности.

Затеянное Диной Валентиновной добывание из М<инистерства> в<нутренних> д<ел> копии документа об отставке покойного ее свекра Ф. Н. Анненского для утверждения в дворянстве Валентина Анненского не являлось необходимым, как и последующее «оформление» дела о дворянстве «Иннокентия Федорова и сына его Валентина» через смоленское дворянское депутатское собрание. В департаменте герольдии Сената хранилось «Дело о дворянстве рода Анненских (по чину)» – РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 2132, из коего видно, что их «родоначальник» (дед Анненского) Николай Ильич Анненский своевременно заботился о том, чтобы все его сыновья и некоторые из дочерей получили свидетельства о дворянстве, необходимые им для поступления в закрытые привилегированные учебные заведения. Поскольку в герольдии было известно, что сам этот «родоначальник» был еще в 1804 году возведен в потомственное дворянское достоинство, приобретенное им заслугами по службе гражданской с вручением ему диплома «за Высочайшим подписанием» и внесением пожалованного ему герба в Общий гербовник, – то для причисления любого из потомков к названному роду требовалось лишь представить туда метрическое свидетельство о рождении и крещении в доказательство законного происхождения каждого из них. Для служилых, беспоместных потомственных дворян, к категории которых принадлежали Анненские, вовсе не было обязательным

записываться в родословные книги какой-либо губернии (хотя формально право на то за ними признавалось в случае, если они сами этого пожелают). Но такого желания никто из Анненских до 1901 года не проявлял и к этой процедуре не прибегал. Они предпочитали для утверждения в потомственном дворянстве своих детей, а позднее и внуков своего родоначальника получать свидетельства о дворянстве непосредственно из департамента герольдии.

Так поступал Николай Ильич Анненский, а по его примеру и старший его сын Николай Николаевич. Это получалось быстрее и обходилось дешевле, чем при оформлении через Дворянское депутатское собрание какой-либо губернии: быстрее – потому что все равно ведь этот губернский сословный орган обязан был представлять свое «определение» на утверждение департамента герольдии, а дешевле – потому что проситель избавлялся от взноса в кассу дворянства соответствующей губернии платы за запись в родословной книге и за изготовление самого документа (в виде «грамоты»).

При обращении же непосредственно в департамент герольдии нужный результат достигался без излишней проволочки и при минимальной затрате на гербовую бумагу. Так, Николай Ильич Анненский обратился 22 ноября 1822 года в герольдию с прошением «на Высочайшее имя» о выдаче ему для определения его дочерей Надежды и Веры и сына Федора на воспитание в казенное училище «надлежащего свидетельства о дворянстве их, на каждое лицо порознь». Он приложил суммарное свидетельство на всех троих поименованных его детей, выданное ему того же числа настоятелем церкви Владимирской Божией матери, что в придворных Слободах протоиереем Павлом Свизевым (в подлиннике), коим удостоверялось, что «дочери Действительного Статского Советника и Кавалера Николая Анненского девицы: Надежда и Вера и сын Федор рождены в законном браке от супруги его Александры Павловой дочери Анненской, (...) молитвослованы и крещены: первая 18-го апреля 1813 года, вторая – 7-го июня 1814 года и последний – 7-го Августа 1815 года (Там же, л. 7–8). На л. 7 сделана канцелярская помета: «решено 24 ноября 1822». Как видно из отложившихся на л. 9 того же дела

копий, герольдия выдала 25 ноября 1822 года, на основании статьи 79-й Дворянской Грамоты, Свидетельство за № 7155 «сыну Действительного Статского Советника и Кавалера Николая Ильина Анненского Федору, родившемуся 7 августа 1815 года (со ссылкой на документы), в том, что он «по службе и чину отца его состоит из дворян». Тожественные по форме свидетельства получили одновременно дочери Н. И. Анненского: Надежда – за № 7156 и Вера – за № 7157.

На л. 10–10 об. того же дела отложился черновик определения герольдии об утверждении в дворянстве Надежды, Веры и Федора Анненских с подробным изложением документальных оснований.

В том числе дана подробная ссылка на решение герольдии от 10 ноября 1814 года о выдаче свидетельства о дворянстве старшим сыновьям Н. И. Анненского: Николаю и Павлу (Там же, л. 1–4).

Аналогичным образом Н. И. Анненский «оформил» непосредственно в герольдии свидетельства о дворянстве 24 февраля 1826 года на своих дочерей Катерину (род 13 окт<ября> 1817) и Анну (род. 12 дек<абря> 1820) «для определения их на воспитание в казенные училища» (Там же, л. 12–14).

Напротив, Федор Николаевич Анненский не считал почему-то нужным оформлять таким же способом в департаменте герольдии свидетельства о дворянстве на своих сыновей Николая и Иннокентия и дочерей: Наталью, Александру, Марию и Любовь. Видимо, он предпочитал, чтобы они числились по чину его самого – детьми действительного статского советника, а не по сословию, приобретенному заслугами их деда Николая Ильича Анненского. Впрочем, несмотря на отсутствие свидетельств о дворянстве у сыновей Ф. Н. Анненского – Николая и Иннокентия Федоровичей, первому из них в графу II формулярного списка записано: «из дворян», а второму то же самое вынесено в кандидатский диплом (РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 113, л. 12 и РГИА, ф. 14, оп. 3, д. 18333, л. 2). Так же и в формулярном списке Ф. Н. Анненского, составленном по данным на 2 февраля 1860 года, в бытность его председателем Томского губернского правления, обозначено, что он «из дворян» без указания губернии (РГИА, ф. 1284, оп. 76, д. 67, л. 2 об.). Заметим, что в формулярных списках о службе чиновника Валентина Иннокентьевича Анненского, вошедших в состав его личного дела

по Министерству путей сообщений, графа II содержит определенное указание: «Из дворян Смоленской губернии» (РГИА, ф. 229, оп. 18, д. 234, л. 1–2, 8–13).

Между тем в аттестате зрелости за № 431, выданном Валентину Анненскому 3 июня 1899 года Императорской Николаевской гимназией в Царском Селе, его «социальное положение» указано по чину отца: «Сын Действительного Статского Советника» (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 36342, л. 3–3 об.). О принадлежности его к дворянскому сословию в аттестате зрелости совсем не упоминалось. Однако же в канцелярском отпуске выпускного свидетельства, выданного ему от юридического факультета С-Петербургского университета 11 марта 1903 года за № 447, проделано в формулировке «сын Действительного Статского Советника» вычеркиванием чина его отца и замена такового словом «дворянина» (Там же, л. 40). Еще более категоричное определение принадлежности Валентина Иннокентьевича Анненского к дворянскому сословию внесено в текст выданного ему 1 декабря 1906 года университетского диплома первой степени № 19995 за подписями попечителя юридической испытательной комиссии профессора Л. Петражицкого со скрепой правителя канцелярии Протасова: «потомственный дворянин» (РГИА, ф. 229, оп. 18, д. 234, л. 16, подлинник). Тут как бы подчеркнуто и выпячено на первый план, что обладатель диплома не просто принадлежит к категории лиц, происходивших «из дворян», но сам уже является «потомственным дворянином». Едва ли можно сомневаться в том, что Валентину Анненскому, руководствовавшемуся архаическими взглядами своей матери, пришлось приложить какие-то ухищрения, чтобы добиться такой формулировки в своем университетском дипломе, которая обычно в дипломах не употреблялась. Напомним, что в аттестате на звание «действительного студента», полученным старшим единоутробным братом Валентина Анненского Платоном Хмара-Барщевским, совсем не упоминалось о социальном происхождении последнего ни по сословию, ни по чину его отца, хотя канцелярия университета располагала удостоверением о дворянстве этого лица.

**<Служебная и педагогическая деятельность И. Ф. Анненского,
а также анализ его общественно-политической позиции
на основе документов>**

Из опубликованных А. В. Федоровым в 1959 году фрагментов письма почетной попечительницы Коллегии Павла Галагана в Киеве Екатерины Галаган известно, что прогрессивное направление педагогической деятельности Анненского в этом учебном заведении привело к возникновению острого конфликта между ним и названной фактической его «хозяйкой». В официальном ее письме к Анненскому от 30 июня 1892 года она обвинила Анненского в том, что он «во все время управления Коллегией систематически нарушал основные положения, ясно выраженные в Высочайше утвержденном уставе ее». Она прямо заявила: «Действуя таким образом, Вы поставили меня в необходимость обратиться к высшему начальству с просьбой дать Вам другое назначение, более соответствующее воззрениям Вашим на учебно-воспитательное дело».⁵⁴

Из формулярного списка Анненского известно, что перемещение преподавателя гимназии Гуревича в Петербурге коллежского советника Анненского в Киев на должность директора означенной Коллегии состоялось на основании предложения министра народного просвещения от 18 января 1891 года. Существенно здесь отметить, предварительное ознакомление Анненского с условиями работы на месте и получение им согласия на его кандидатуру у Екатерины Галаган, с которой он провел переговоры в Киеве во время своей поездки туда в краткосрочный отпуск, длившийся с 23 декабря 1890 по 2 января 1891 года (РГИА СПб, ф. 171, оп. 1, д. 16, л. 49–55).

Более детальное выяснение существа возникшей в 1892 году конфликтной ситуации между Анненским и Екатериной Галаган потребует обращения к архивным фондам Коллегии Павла Галагана и управления попечителя Киевского учебного округа, которые сейчас для меня недоступны.¹ К тому же нам неизвестно, сохранились ли эти архивные фонды при оставлении города-героя Киева советскими войсками в сентябре 1941 года и во время продолжительного варварского «хозяйничанья» в нем немецко-фашистских захватчиков <...>.

---

¹ См.: *Гитин В.* Материалы к киевскому эпизоду биографии Иннокентия Анненского // *Минувшее: Исторический альманах.* Т. 7. М., 1992. С. 415–423.

Все же определенный свет на указанный конфликт проливает письмо, посланное 1 сентября 1893 года из Петербурга в Киев Анненскому директором департамента Министерства народного просвещения тайным советником Николаем Милюевичем Аничковым:

Многоуважаемый Иннокентий Федорович,

Простите меня за беспокойство, которое должно, без сомнения, причинить Вам это письмо, но я вынужден обратиться с ним к Вам, желая Вам, как и всякому честному и умному труженику, искренно добра. По всем обстоятельствам, в последнее время выясняющимся, Вам едва ли будет возможно оставаться на месте директора Коллегии Павла Галагана и, вероятно, Вам придется сознать, что есть обстоятельства, которые заставляют нас повторить иногда известное выражение «отыди от зла и сотвори благо». Все время и после моего приезда в Киев продолжались и продолжают наветы и выражения недовольства. Быть хотя бы временно яблоком раздора между партиями, которые по самой природе своей никогда не сойдутся, весьма не легко.

Мне кажется, Вы, как много думающий и прозорливый человек, сами сознаете свое положение: я слышал, что Вы искали место в Петербурге. Вот поэтому я решился, с согласия Графа Ивана Давидовича, предложить Вам: как Вы посмотрели бы, если бы Вас рекомендовали Н. А. Лавровскому на должность Окружного инспектора Рижского учебного округа, ставшую вакантной за назначением С. Ф. Спешкова помощником Попечителя Казанского учебного округа.

Содержание, правда, небольшое, – 2200 р. в год, но положение более выдающееся и могущее скорее повести к лучшему месту, чем директор среднего учебного заведения.

Если бы Вы решились, подумав, на это <согласиться>, то, мне кажется, Вам не пришлось бы жалеть. Прошу Вас решительно и откровенно сообщить мне Ваше мнение.

С глубоким почтением искренно преданный
Н. Аничков.⁵⁵

Упоминаемый здесь «Граф Иван Давидович» это – тогдашний министр народного просвещения, статс-секретарь И. Д. Делянов (1818–1897) – армянин по национальности, но православный по вероисповеданию, юрист по образованию. Он отличался беспринципной приспособляемостью к переменам политического курса самодержавия. Так, в 1861–1866 годах пост министра народного просвещения занимал А. В. Головин (сын знаменитого морского исследователя и друга декабристов В. М. Головина), принадлежавший к лагерю

«либеральной бюрократии», – человек широко образованный и прогрессивно мыслящий. Он предпринял ряд буржуазных преобразований в системе народного просвещения. С его именем связаны и разработка университетского устава 1863 года, восстановившего университетскую автономию, и устава гимназий и прогимназий, утвердившего принцип всеобщей средней школы. Наконец, в этот же период было разработано и Положение о начальной школе, носившее антиклерикальный и антикрепостнический характер.

В Министерстве Головина не было товарища (заместителя) министра.

При нем функции товарища министра фактически выполнял И. Д. Делянов, занимавший тогда пост попечителя столичного учебного округа. Он деятельно проводил в жизнь прогрессивные реформы Головина. С 1861 года Делянов занимал еще и должность директора Публичной библиотеки.

Покушение Д. В. Каракозова на жизнь Александра II 4 апреля 1866 года явилось предлогом для крутого поворота политического курса этого царя вправо. Либерально настроенные государственные деятели устраняются из правительственного аппарата. Головина сменяет крайний реакционер и мракобес граф Д. А. Толстой. Быстро приспособившийся к перемене И. Д. Делянов назначается товарищем министра при Дмитрие Толстом. А позднее, когда последний занял пост министра внутренних дел, Делянов в 1882 году становится министром народного просвещения. Он занимает эту руководящую должность по день своей смерти, последовавшей в 1897 году. Пребывание Делянова на министерском посту, длившееся 15 лет, ознаменовано целой серией реакционных мероприятий в сфере народного образования.

Под его управлением российское «просветительное ведомство» утрачивает какую-либо самостоятельность. Оно превращается в придаток полицейского ведомства, занимающийся «искоренением крамолы» в высшей и средней школе. Введенный Деляновым реакционный университетский устав 1884 года привел к изгнанию из высшей школы либеральных ученых и к бурным волнениям среди студенчества, сопровождавшимся отдачей непокорных студентов в солдаты. Против такой меры еще в 1882 году решительно возражали военный министр генерал П. С. Ванновский и морской министр И. А. Шестаков.

Они считали, что такая мера противоречит уставу о воинской повинности, – т. к. «составляет *карательную* меру и обращает службу в армии в наказание».

Притом они предостерегали, что появление студентов в солдатской среде поведет к распространению в ней революционных настроений. Стремясь преградить доступ к высшему образованию выходцам из малоимущих слоев населения, Делянов ввел повышение платы за слушание лекций. Он отменил публичность профессорских лекций, наложив запрет на их посещение лицам, не имеющим входных студенческих и вольнослушательских билетов. Он предпринял попытку удушить женское высшее образование, закрыв Высшие женские курсы («бестужевские») на два года: с 1890 до 1891 года выпуски в них не производились, все курсистки были уволены, многие вынуждены были уехать из Петербурга в провинциальные города, лишившись права проживания в столице, а некоторые подверглись административной высылке.

В области среднего образования мертвящий казенный «классицизм» Дм. Толстого сохранялся Деляновым в полной силе. Всеобщее негодование в широких кругах прогрессивной интеллигенции вызвал печально знаменитый деляновский циркуляр 1887 года о недопущении в гимназии «кухаркиных детей».

Реакционные мероприятия Делянова распространялись и на начальную школу: половина сельских школ была изъята из ведения либеральных земств и отдана в руки клерикалов указом о восстановлении церковно-приходских школ. Усилились притеснения сельских учителей и учительниц со стороны правительственных чиновников во всех учебных округах – инспекторов и директоров народных училищ губерний. В предпринятых К. П. Победоносцевым при воцарении Александра III контрреформах Делянов на подведомственной ему «ниве просвещения» российской империи участвовал со всеобъемлющей ретивостью. Усердие Делянова, проявленное на этом служебном поприще, доставило ему в 1888 году графский титул, который он получил от Александра III по случаю 50-летия своего пребывания на службе самодержавию.

При написании настоящего примечания мной использованы сведения о личности и деятельности И. Д. Делянова, представленные в трудах проф. П. А. Зайончковского, а также биографическая

словарная статья о Делянове, напечатанная в энциклопедическом словаре «Гранат» (7-е изд. Т. 18. С. 194).

Из приведенного письма Н. М. Аничкова видно, что Делянов серьезно встревожился конфликтом между Екатериной Галаган и Анненским. Не исключено, что в зарождении этого конфликта могло сыграть какую-то роль опубликованное Анненским в издаваемом Я. Г. Гуревичем журнале «Русская школа» (1891. № 2) речи, прочитанной им на годовичном акте в Коллегии Павла Галагана в Киеве 1 октября 1891 года на тему: «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе» <см.: КО, 242–257>.

Сам факт приезда в Киев столь значительного в М<инистерстве> н<ародного> п<росвещения> чиновника, каким был ближайший помощник Делянова Н. М. Аничков, экстраординарен. Строки его письма о «продолжающихся наветах и выражении недовольства» и о «раздоре между партиями, которые по самой природе своей никогда не сойдутся», – указывают на то, что украинская «ясновельможная пани» Галаган в предпринятой ею травле Анненского опиралась на какую-то группу послушных ей клеветов, услужливо старавшихся «подсидеть» Анненского. Как видно, им противоборствовала какая-то часть киевской интеллигенции, пытавшаяся заступиться за Анненского. Можно предполагать, что на стороне Анненского стояли в этом конфликте Попечитель Киевского учебного округа почетный академик, профессор В. Вельяминов-Зернов и его сотрудники по управлению округа, а также некоторые ученые-гуманитарии из состава профессуры Киевского университета св. Владимира. Но погасить этот конфликт не смогли ни Вельяминов-Зернов, ни Н. М. Аничков, ни сам министр Делянов, сидевший в своем кабинете в Петербурге. Разумеется, моральную поддержку и сочувствие Анненский в тревожном положении, постигшем его в Киеве, мог встречать в семье выдающегося русского инженера и ученого Александра Парфениевича Бородин и его супруги Анны Владимировны (урожденной Долженковой), с которыми он там подружился на многие годы. Однако Бородины не могли никак повлиять на исход указанного конфликта. Да, Анненский и не искал, конечно, у них помощи в этом деле.

Мы видим, что в понимании высокопоставленного чиновника учебного ведомства дореволюционной России Н. М. Аничкова должность окружного инспектора Рижского учебного <округа>

представляла «положение более выдающееся и могущее скорее повести к лучшему месту, чем директор среднего учебного заведения». А в том, что Анненский «искал себе место в Петербурге» Н. Аничков уже «слышал». Вот он и попытался соблазнить Анненского перспективами сугубо административной чиновничьей карьеры по ведомству М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>. Но такая карьера не только не прельщала Анненского, а повела бы к крушению его творческих планов: развертыванию работы над созданием «русского Еврипида», начатой в Киеве, как и всей его литературной деятельности поэта, переводчика, критика и драматурга, которой могла благоприятствовать относительно спокойная обстановка квартиры директора одной из столичных гимназий. В действительности Анненский уже нашел себе в Петербурге место директора 8-й гимназии. Он послал 21 сентября 1893 года из Киева прошение Попечителю С-Петербургского учебного округа тайному советнику <...> Капустину о предоставлении ему вакантного места директора указанной гимназии. За этим последовал запрос Капустина попечителю Киевского учебного округа от 27 сентября 1893 года с просьбой уведомить, не будет ли с его стороны препятствий к удовлетворению прошения Анненского, а также о присылке копии формулярного списка о его службе.

Уже 15 октября 1893 года в канцелярию попечителя С-Петербургского учебного округа поступил от попечителя Киевского учебного округа В. Вельяминова-Зернова ответ, датированный 11 октября о том, что с его стороны «к перемещению Директора Коллегии Павла Галагана в Киеве Статского Советника Анненского на должность Директора С-Петербургской 8-й гимназии препятствий не встречается». К ответу Вельяминова-Зернова приложена копия формулярного списка о службе Анненского. На полях ответа стоит помета Капустина: «Министру 16-Х-93». Представление, сделанное Капустиним министру народного просвещения об этом перемещении Анненского, датировано 19 октября 1893 года. На свое представление Капустин получил 29 октября 1893 года уведомление министра И. Д. Делянова, что он «утверждает с 27 октября 1893 г. Директора Коллегии Павла Галагана в Киеве Статского Советника Анненского Директором С-Петербургской 8-й гимназии, и что об этом будет объявлено в приказе по Министерству народного просвещения». Получив это уведомление министра Делянова, скрепленное подписью директора департамента

Н. Аничкова, попечитель С-Петербургского учебного округа отношением от 30 октября 1893 года за № 9902 сообщил о нем попечителю Киевского учебного округа и просил его предложить Анненскому немедленно отправиться в Петербург к месту нового назначения. Тожественный текст уведомления Делянова был послан Капустиным в 8-ю С-Петербургскую гимназию исправляющему временно обязанности директора окружному инспектору Я. Г. Морю. Последний ранее занимал должность директора 8-й гимназии, ставшую в 1893 году вакантной, ввиду назначения Мора окружным инспектором и председателем экзаменационного комитета с представлением ему служебного кабинета и казенной квартиры в здании 6-й гимназии.

Кроме того правитель канцелярии С-Петербургского учебного округа статский советник Борейша послал непосредственно Анненскому в Киев сообщение о состоявшемся утверждении его перемещения на должность директора С-Петербургской мужской гимназии. Между прочим, киевский адрес свой Анненский обозначил в конце своего прошения на имя попечителя С-Петербургского учебного округа от 21 сентября 1893 года так: «Постоянное жительство имею в Киеве, Коллегии Павла Галагана, по Фундуклеевской улице» (Дело о перемещении Анненского из Киева в СПб 8-ю гимназию, ИА, ф. 139, оп. 1, д. 8236, 1893 г., л. 1–8 об.).

К 24 декабря 1893 года Анненский, прибыв с женой и сыном в Петербург, вступил в должность директора 8-й гимназии и занял в ее здании казенную квартиру, уже освобожденную его предшественником Мором.

Между тем, на протяжении трех месяцев, истекших со дня начала хлопот Анненского о получении этой должности, во всех гимназиях шел первый семестр 1893–94 учебного года. В течение такого срока до приезда Анненского из Киева заведывание 8-й гимназией исполнял бывший ее директор действительный статский советник Я. Г. Мор, совмещая таковое с занимаемой им к тому времени штатной должностью окружного инспектора. Он все это время продолжал преподавать в 8-й гимназии положенное директору число уроков. Ввиду этого, попечитель округа своим предложением от 24 декабря 1893 года № 1195, адресованным директору С-Петербургской 8-й гимназии Анненскому, поручил ему выдать Морю 200 рублей за временное заведывание гимназией и войти с ходатайством о выдаче Морю платы за даваемые

уроки. Анненский выплатил указанные 200 р. Мору немедленно и сделал 31 декабря 1893 года представление за № 632 попечителю округа о разрешении выплатить в вознаграждение Мору за уроки на общую сумму 135 р. 24 к. за период с 21 августа по 22 ноября 1893 года. Разрешение попечителя округа на такую выплату за уроки Мору Анненский получил 7 января 1894 года с указанием, чтобы за период с 21 августа по 27 октября 1893 года 98 р. 49 к. выплатить из штатной суммы, а за время с 28 октября по 22 ноября 1893 года 36 р. 75 к. – из суммы сбора за учение. Это и было выполнено Анненским в точности (Там же, л. 9–12).

Так впервые скрестились служебные пути поэта и гуманнейшего педагога-новатора Анненского и его антипода – тупоголового педанта-чиновника от педагогики, бездарнейшего остзейского немца Якова Мора, которому суждено будет стать в январе 1906 года анекдотическим преемником Анненского в Царскосельской гимназии. По истечении восьми месяцев весьма плодотворной педагогической и литературной деятельности Анненского в стенах 8-й С-Петербургской гимназии последовал в августе 1894 года «высочайший» приказ по гражданскому ведомству о производстве его «за отличие» в чин действительного статского советника.

Такое чинопроизводство показывает, что хула, возведенная на педагогическую деятельность Анненского в Киеве Екатериной Галаган и ее присными, была в конечном итоге отвергнута министром Деляновым.

«Пожалованный» Анненскому гражданский чин IV класса соответствовал Табели о рангах военному чину генерал-майора. Этот чин нельзя было получить «за выслугу лет». Его давали только «за отличие», т. е. как награду за какие-либо значительные служебные достижения при условии пребывания награждаемого в должности V министерских гимназий и окружные инспекторы учебных округов. Обладатель чина IV класса имел право на общий титул «Превосходительства». Иннокентий Федорович относился к чинам, как к обветшалому пережитку давнего прошлого. В руководимой им гимназии титулование не применялось при обращении к нему ни учителями, ни учащимися. Все называли его просто по имени-отчеству. Напротив, супруге его, Дине Валентиновне, титулование импонировало чрезвычайно: дочь «генеральши» Сливичкой – она сама стала теперь

«генеральшей». Привезенному ею из Киева и оставшемуся в семье Анненских на долгие годы слуге Арефию Гламазда (Арефе) она велела титуловать ее и Иннокентия Федоровича: «Ваше превосходительство». Ею был установлен в домашнем обиходе старомодный ритуал «доклада» о посетителях, сохранявшийся и после смерти Анненского.

Это запомнилось мне из поры моего детства по тем неоднократным случаям, когда моя мать, взяв меня с собою, навещала вдову Анненского в наемной царскосельской квартире Анненских (район Софии, Захаржевская улица, дом генеральши Панпушко, а позднее – дом Башиловой). Ни электрического освещения, ни электрических звонков в этих домах не было. Поднявшись на крыльцо, моя мать дергала за ручку старинного звонка. Спустя минуту слышались поспешные шаги по скрипучей деревянной лестнице, входная дверь отворялась, и Арефа в белых нитяных перчатках и светло-серой ливрейной куртке с «ясными» пуговицами кланялся. Пригласив посетительницу войти в дом и обождать внизу, он взбегал проворно на второй этаж, откуда до нашего слуха доносился громкий «доклад»: «Ваше превосходительство! Госпожа Орлова с сыном. Прикажете принять-с? – Проси, проси, Арефа, голубчик...»

В 1897 году после смерти Делянова Николай II назначил министром народного просвещения профессора Н. П. Боголепова. Последний «прославился» не столько своим циркуляром о создании особой комиссии для подготовки реформы средней школы, сколько свирепыми репрессиями, которые он обрушил на прогрессивную профессию и на демократически настроенную массу студенчества. Это вызвало в 1899 году новую бурю студенческих демонстраций и забастовок. В феврале 1901 года Боголепова убил студент П. Е. Карпович. Расследование причин студенческих волнений в Петербурге и других университетских городах Николай II поручил генерал-адъютанту П. С. Ванновскому. Рассмотрев это дело, Ванновский пришел к заключению, что виновата в большой степени полиция, о чем написал прямо в своем докладе царю. Правительственное сообщение о создании комиссии под председательством Ванновского было опубликовано 20 февраля 1901 года, но результаты работы этой комиссии в правительственной печати не оглашались. Однако «Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г.» был уже в 1901 году бесцензурно опубликован в Германии и продавался

свободно в берлинском книжном магазине Штура по цене 1 р. 50 к. за экземпляр. В числе другой запрещенной в России литературы, распространяемой книгопродавцем Штуром, доклад этот поступил нелегально в Россию сразу же, и содержание его стало известно русскому студенчеству и широким кругам интеллигенции. Ванновский неожиданно приобрел популярность «либерала», несмотря на крайнюю консервативность его политических взглядов, проявленную им в бытность его военным министром. Учитывая приобретенную Ванновским популярность среди студентов, Николай II назначил Ванновского (в возрасте около 80 лет) министром народного просвещения, надеясь, что такое назначение будет способствовать умиротворению студенчества.

Кстати сказать, лишь после революции 1905 года вышел в свет в открытой печати в России «Доклад П. С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 г.» (СПб, 1906). Зная, что у Ванновского нет высшего образования, царь назначил к нему в товарищи министра профессора Григория Эдуардовича Зенгера – видного филолога-классика и археолога, состоявшего до 1900 года попечителем Варшавского учебного округа. Ванновский решил провести кардинальную реформу средней школы в антиделяновском духе, и вернуть университетам их права, возвратиться к порядкам 1860-х годов. Что получилось из реформаторской попытки мы скажем ниже <...>.

Когда старшеклассникам его гимназии¹ грозило исключение за участие в уличной демонстрации 1905 года, директор осмелился защищать их перед самим министром. Это было неслыханной дерзостью.

Он сказал тогда министру: «Молодежь прекрасна во всех благородных порывах и возвышенных движениях души». О том, что такая фраза была действительно произнесена Анненским имеется свидетельство в мемуарной литературе: в моей неизданной записи устных воспоминаний моего отца Владимира Ивановича Орлова («Педагогический круг Иннокентия Анненского и Ольга Форш» (1961)).² Но последующая проверка показала, что Анненский высказал такую мысль не министру, а на совместном совещании педагогического персонала и родителей учеников гимназий от 6 ноября 1905 года при обсуждении вопроса о произведенной в здании гимназии химической

---

¹ Речь идет о периоде работы Анненского в Царскосельской Императорской Николаевской гимназии, куда он был назначен в 1896 г.

² См. с. 10 наст. публ.

обструкции (РГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10241, л. 103). Копия машинописная с протокола указанного совещание представлена Анненским попечителю округа, как и все другие документы, относящиеся <к> событиям, происходившим в Царскосельской гимназии в 1905 году. В официальном тексте протокола совещания, подписано его президиумом (в составе директора Анненского, бывшего докладчиком по просматривавшемуся вопросу, и представителей родителей: Ю. Антоновского – известного либерального юриста, столичного мирового судьи, и Е. Максимова – либерального экономиста, литератора и общественного деятеля) упомянутая мысль Анненского зафиксирована в несколько иной формулировке:

Передавая все доложенное на обсуждение родительского собрания, г. Директор заявил, что «он считает всех учеников гимназии благородными, независимо от взглядов, заблуждений и даже проступков в гимназии, и полагает этот взгляд лично для себя обязательным».

На вопрос одного из родителей, считает ли г. Директор благородными и тех, которые произвели обструкцию, г. Директор ответил утвердительно. Означенные слова г. Директора занесены в протокол по настоянию присутствовавшего в собрании г. Меньшикова» (бывший морской офицер, реакционный нововременский фельетонист Меньшиков жил тогда в Царском Селе и присутствовал на собрании родителей, т.к. его сын в то время учился в младших классах Царскосельской гимназии – А. О.). Анненский огласил «переданное ему письмо учеников-забастовщиков, в котором они заявляли, что обструкция была направлена не против педагогического персонала, а только против их сотоварищей, отказавшихся подчиниться решению большинства, и выражали сожаление, что от обструкции пострадали частные квартиры.

Ввиду большого многолюдства этого родительского совещания с присутствием педагогического персонала гимназии, оно было устроено в соседнем с гимназией здании Царскосельской городской ратуши, где имеется большой зрительный зал. Хотя стенограммы совещание и не велось, но протокольная запись настолько подробна, что из нее видно, сколь бурно оно протекало. Надо заметить, что событиям, обсуждавшимся на этом совещании, предшествовало выступление Анненского в гимназии, отображенное в его рапорте попечителю С-Петербургского учебного округа от 29 октября 1905 года № 1216 (попечителем округа на протяжении 1904–1905 гг.

был состоявший в звании камергера действительный статский советник П. П. Извольский, а его помощником ДСС В. А. Латышев – А. О.). Воспроизвожу ниже содержание указанного рапорта:

Во вторник 25 сего октября после молитвы, происходящей в присутствии Педагогического Совета и учащихся, мною была произнесена ученикам речь о значении манифеста 17-го октября. Речь выслушана была с полным вниманием. Затем один из учеников *тоже сказал несколько слов, не испросив предварительно на то моего разрешения, каковое* (подчеркнуто карандашом адресатом – А. О.) обстоятельство при случае и было мною в присутствии VIII класса поставлено ему на вид, как некорректность. Самые занятия с 9-ти час. 10 мин. 25 октября (вторник) до настоящего времени (утро суббота 29 октября) идут правильно. Беспорядков не было.

Мною было разрешено дважды и Педагогическим Советом один раз сегодня в субботу между ½ 3-го и пансионским обедом (4 часа) ученикам старших классов собираться для обсуждения волнующих их вопросов местного гимназического характера. Обсуждения происходили *в присутствии* члена педагогического совета всякий раз *по их приглашению*. Наиболее волнует учащихся вопрос о том, не будут ли их бить на улицах. Вследствие этого мною зарегистрированы случаи, которые могли подать повод к возникновению такого опасения (случаев оказалось мало), и я официально снесся по этому поводу с полицмейстером и исправником.

Некоторые родители выразили неудовольствие по поводу того, что ученикам дозволено собираться после уроков в гимназии.

Поэтому, а также для выяснения местных условий возбужденности среди учеников завтра в воскресенье собирается в зале городской ратуши, с надлежащего разрешения, собрание родителей и членов педагогического совета, причем приглашенные будут впускаться по повесткам.

Независимо от этого вчера Педагогический Совет приступил к обсуждению того, какие меры было бы желательно принять в гимназии, *чтобы строй ее не стоял в остром противоречии с новыми условиями русской жизни*

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству
Директор И. Анненский.

(ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10236, 1905–1906 гг., л. 63–63 об.)¹

<...>

---

¹ Курсивы здесь заменяют карандашные подчеркивания, сделанные адресатом, им же против отчеркнутых и подчеркнутых мест на полях сделана дважды помета «нотабене» с восклицательным знаком. – А. О.

В начале текста этого машинописного подлинника стоит карандашная надпись адресата рапорта: «С. В. Певницкому».

С. В. Певницкий – один из окружных инспекторов СПб учебного округа, коему поручено было составлять сводки о волнениях среди учащихся средних учебных заведений для информации, представляемой в Министерство народного просвещения. Волнения эти, как видно из материалов, отложившихся в делах канцелярии попечителя округа, шли в 1905 году на обширной территории округа повсеместно, сопровождаясь погромами со стороны черносотенцев и даже полным разгромом учебных заведений, как это имело место в Новгороде. Волнениями был охвачен Петербург, где особую остроту они приобрели в Ларинской гимназии, а также Кронштадт, Псков, Вологда, Петрозаводск, Череповец. Учащимся средних учебных заведений стало небезопасно появляться в форменной одежде на улицах, т. к. на них нападали банды черносотенцев и подвергали их избиению (РГИА СПб, ф 139, оп. 1, д. 10236, л. 5, 11, 20, 27–36 об., 48–51 об., 61–62 об. и др.), а также весь комплекс документов, вошедших в д. 10235 за 1905 год в том же фонде и описи. В указанных делах, встречается немало документов за подписью Анненского, которые посылал он попечителю округа или его помощнику, разумеется, не по собственной инициативе, а в силу имевшегося циркулярного распоряжения попечителя округа от 12 февраля 1905 года № 1929, обязывавшего директоров средних учебных заведений ежедневно представлять рапорты о событиях истекшего дня (д. 10235, л. 31) и отданного на другой же день попечителем П. П. Извольским циркуляра от 13 февраля 1905 года № 2226, которым ежедневное представление рапортов отменялось и предложено было «сообщать *только об особых случаях*» (Там же, л. 52) Никакой переписки непосредственно с министром народного просвещения Анненский не вел, а в переписке своей с непосредственным своим окружным начальством взял себе за правило не называть поименно никого из упоминаемых учеников, их родителей, а также педагогов, ограничиваясь выражениями: «один из», «некоторые из». Исключениями из этого правила являлись только те случаи, в коих имена лиц были управлению округа известны из других источников, помимо Анненского, т. е. из негласных доносов, поступавших

к попечителю округа от «вернеоподданически» настроенной реакционной части родителей учеников Царскосельской гимназии, а также из полицейских донесений, присланных Царскосельским дворцовым управлением через министра императорского двора министру народного просвещения гофмейстеру графу И. И. Толстому, назначенному на этот пост вместо генерала В. Г. Глазова одновременно с изданием манифеста 17 октября. Попечителю С-Петербургского учебного округа П. П. Извольскому, на его представление от 6 ноября 1905 года № 17429, министр граф И. И. Толстой предложением своим от 12 ноября 1905 года № 24604 объявил: «Предоставляю педагогическим советам учебных заведений вверенного Вам округа под общим наблюдением и руководством Управления округа допускать частичные отступления от действующих ныне правил для учащихся, правил о взысканиях, инструкции классным наставникам и правил об испытаниях с последующими циркулярными разъяснениями и дополнениями, строго сообразуя свою деятельность с общими законами и соответствующими утвержденными в законном порядке уставами и положениями» (РГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10241, л. 117–117 об., машинописный подлинник на бланке Разряда средних учебных заведений департамента народного просвещения). При всех осторожных оговорках насчет «строгости сообразования с законами» цитируемое предложение министра гр. И. И. Толстого носило заметные черты либерализации учебно-воспитательного режима в средней школе, появившиеся в обстановке первой победы над самодержавием в октябре 1905 года.

При том же министре И. И. Толстом управление С-Петербургского учебного округа провело совещание представителей педагогических советов средних учебных заведений столицы для обсуждения вопроса об автономии средней школы. Оно проходило 5, 6, 11 ноября 1905 года под председательством помощника попечителя округа В. А. Латышева с числом участников 41 человек, т. е. носило узкий в численном отношении характер.

Итоги обсуждения были поставлены на голосование, причем совещание большинством 40 голосов против одного признало *автономию средней школы желательной*. Несмотря на столь единодушные результаты голосования, председательствовавший В. А.

Латышев, резюмируя результаты обсуждения, разъяснил собравшимся: «...вопрос об автономии средней школы есть вопрос законодательный, а действующий закон совсем ее не имеет в виду, и принятие даже временных мер в таком важном деле было бы неосторожным расшатыванием школы». Результаты голосования и резюме председательствующего были отпечатаны типографским способом и розданы участникам («на правах рукописи»), видимо, во избежание «превратных» толкований итогов этого обсуждения на местах (РГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10237, л. 10–13). Анненский в указанном совещании, по-видимому, не участвовал, т. к. оно совпало по времени с забастовкой старшеклассников в Царскосельской гимназии и устроенной ими химической обструкцией, но едва ли можно было сомневаться в том, что В. А. Латышев осведомил его о результатах рассмотрения в округе вопроса об автономии средней школы.

Наряду с приведенным довольно либеральным предложением министра И. И. Толстого, продолжал действовать циркуляр попечителя СПб округа П. П. Извольского от 18 марта 1905 года № 3700, в коем изложено циркулярное предложение министра народного просвещения генерал-лейтенанта В. Г. Глазова от 4 марта 1905 года № 114. Последний оценивал положение в средней школе следующими словами: «...несмотря на настойчивое стремление со стороны, в большинстве средних учебных заведений порядок не нарушался», отмечалось «уклонение некоторых лиц педагогического персонала от пути, ведущего к воспитанию юношества в духе веры в Бога, любви к отечеству и преданности исконным началам русской государственности» (читай: самодержавия – *А. О.*) рекомендовалось «привлечь родителей к делу помощи школьному воспитанию, собирать их по отдельным классам», давалась установка на «благожелательное и терпимое отношение к учащимся, мягкие педагогические приемы, не допускать несправедливости, бестактности» и т. п. (словом, – не раздражать, не озлоблять – *А. О.*) (РГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10235, л. 122–123).

А в документальных материалах управления округа, относящихся к октябрю–декабрю 1905 года, мы находим черновик очень либерального по своему содержанию циркуляра попечителя П. П. Извольского, предписывающего «оберегать детей от насилий уличной толпы,

приостанавливать занятия по таким мотивам, возобновлять их по желанию родителей» (РГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10241, л. 233–233 об.).

Если даже такой ретивый реакционер, как генерал Глазов, порывался под воздействием революционных событий пропагандировать «мягкие педагогические приемы» и искать опоры в родительских собраниях, то неудивительно, что в обстановке всеобщей политической стачки, охватившей страну в октябре–ноябре 1905 года, министр И. И. Толстой и тот же попечитель П. П. Извольский – люди несравненно более культурные и умные, нежели тупой солдафон Глазов, пошли по пути дальнейшей либерализации порядков в средней школе. Цитированные выше их циркуляры могли служить для Анненского легальной основой, оправдывающей его гуманную деятельность на посту директора Царскосельской гимназии.

Для Анненского было, безусловно, неприемлема декларированная Глазовым 4 марта 1905 года воспитательная задача средней школы, основанная на пресловутой формуле К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова: «Православие, самодержавие и народность». В своих обращениях к ученикам, их родителям и к педагогическому персоналу гимназии Анненский никогда не призывал к «вере в бога, преданности престолу», отождествляемому мракобесами с «любовью к отечеству». Свое понимание педагогического процесса он вдохновенно выразил в напутственной речи, произнесённой им 2 июля 1899 года при вручении аттестатов зрелости выпускникам Царскосельской гимназии, окончившим курс в год столетнего юбилея со дня рождения Пушкина, избрав для нее эпиграфом пушкинское стихотворение «Труд», призывая их продолжать работу «над самопроверкою и самосовершенствованием на почве высших духовных стремлений и особенно науки». До недавнего времени эта его речь оставалась незамеченной его биографами, как и пушкинистами, т. к. она была опубликована не в литературных приложениях, а среди статистических и других официальных сведений юбилейного отчета гимназии за 1898–1899 учебный год (СПб, 1900. С. 25–28) <КО, 496–499>. <...>

Валентин Кривич во фрагментах неизданной части своих воспоминаний об отце попытался на свой лад изобразить политическую атмосферу, в которой протекал царскосельский период жизни и деятельности Анненского, но проявил при этом плохую осведомленность

в реальных фактах, чиновничью ограниченность в трактовке событий революции 1905 года и допустил не мало путаницы, вследствие ошибок памяти, наряду с некоторыми нарочитыми умолчаниями. Привожу ниже из одного такого фрагмента по машинописному тексту, присланному мне Р. Д. Тименчиком, который перебелил на машинке черновой автограф Валентина Кривича, выявленный им в московском РГАЛИ (ф. 5, оп. 1, ед. хр. 50, л. 53–53 об.).¹ Сын-мемуарист пишет:

В Министерстве и Учебном округе отец был на лучшем счету. Службная жизнь отца шла гладко, гармонически сочеталась с его научными и лит<ературными> занятиями. Так длилось несколько лет. Стали уже поговаривать на назначении отца на какую-то высокую административно-педагогическую должность.

Но российская погода была не устойчива. Атмосфера начинает сгущаться во всех ведомствах, а уж в просветительском она становится понемногу удушливой. На смену Делянову приходит бравый генерал Глазов, потом престарелый Ванновский.⁵⁶

Циркуляры строго охранительного характера «держи и не пущай» мелькают как ласточки... При одном министре выходит циркуляр о «кухаркиных детях», которым-де не место в средней школе, при другом сейчас же начальникам средних школ вменяется в обязанность «сердечное попечение» в отношении вверенных детей... К делам школы пристально <...> присматривается глава надлежащих органов Министерства внутренних дел. А вокруг сначала погримыхивают, а потом и гремят громы первой революции. Волнуются, конечно, и школы. Министерские и Окружные заправили геройствовали в своих кабинетах, перекидывали всю ответственность на местные административно-педагогические органы.

<...> Ученики выбрасываются из средней школы пачками. В особенности в один период пострадали целые гимназии юго-западного края. (<...> – Польша и Литва). Хотя в большинстве случаев эти «уходы» и были «добровольными». Многие из этих юношей поступили в Царскосельскую гимназию, которую в свое время и закончили, как ни шипели по поводу таких приемов добровольные «националисты», как ни почесывало за ухом высшее учебное начальство – неофициально ничего поставить в вину Анненскому было нельзя. Ведь никаких ограничительных условий в отношении

---

¹ В настоящее время опубликовано: *Кривич В. (Анненский В. И.). Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 85–117.*

этих юношей поставлено не было ни в явной, ни в скрытой форме, ну а «читать в сердцах» или «догадываться» о существовании пожеланий начальства отец не считал себя обязанным и даже для себя допустимым. В 1906 году отец покинул гимназию будучи назначенным Окружным инспектором.⁵⁷

Надо напомнить, что в опубликованной части своих воспоминаний В. Кривич особо подчеркивал, что перемещение Анненского из 8-й Петербургской гимназии в Царскосельскую произошло по настоянию И. Д. Десянова. Сын-мемуарист писал об этом событии 29 лет спустя: «Назначение в б. Царское Село было обусловлено личной просьбой министра народного просвещения графа И. Д. Десянова» <Кривич, 254>. Он добавлял: «...Министр, кстати сказать, и хорошо понимавший и высоко ценивший служебные качества отца, – с полной откровенностью объяснил, что отказ от назначения сюда поставил бы его в крайне затруднительное положение. Что сейчас у него нет другого лица, которое он мог бы спокойно отправить в б. Царскосельскую гимназию» <Кривич, 255>. Мы не имеем каких-либо других источников подтверждения приведенному свидетельству мемуариста. Достоверно известно нам, что И. Д. Десянов занимал пост министра народного просвещения с 1882 года по день своей смерти, последовавший в 1897 году. А из формулярных списков о службе Анненского видно, что <по> предложению министра народного просвещения от 18 января 1891 года он был утвержден Директором коллегии П. Галагана в Киеве (с должности преподавателя древних языков С-Петербургской гимназии Я. Г. Гуревича), затем от 27 октября 1893 года – директором 8-й С-Петербургской гимназии, и 16 октября 1896 года – директором Императорской Николаевской Царскосельской гимназии. По тогдашней канцелярской идеологии предписания министров назывались «предложениями», перемещения директоров средних учебных заведений решались властью министра народного просвещения, а этот министерский пост в течение 16-ти лет занимал И. Д. Десянов.

Поэтому без подписи последнего все эти три перемещения вообще не могли бы состояться. Перемещению Анненского из Петербурга в Киев предшествовало событие, получившее известность

в педагогическом мире столицы: Анненский выступил в собрании преподавателей русского языка с двумя сообщениями на тему: «Первые шаги в изучении теории словесности». Сообщения эти состоялись в аудитории при педагогическом музее Военно-учебных заведений. Содержание их Анненский опубликовал в феврале 1888 года в виде отдельной книжки объемом 36 стр<аниц>, напечатанной в ближайшей от квартиры автора в типографии И. Н. Скороходова (Надежденская ул., 39). В этом своем оригинальном труде Анненский выдвинул и развил собственную методическую концепцию: «Наш предмет это русский язык и словесность. Вместе, с полным основанием мы можем назвать *«русская филология»*. Учебный курс русской филологии распадается в средне-учебном возрасте на два внешним образом мало связанные отдела: грамматику и литературу.

На грани между двумя этим разделами стоят первые шаги в теории словесности, таким образом, вопрос о них является вопросом о связи между отделами». ⁵⁸ Выход в свет этого научно-педагогического труда Анненского – явление экстраординарное в истории русской педагогической мысли. Молодой филолог-классик, окончивший историко-филологический факультет петербургского университета по словесному разряду в 1879 году со степенью кандидата и ставший рядовым по своему скромному служебному положению преподавателем в частной (с правами правительственных) классической гимназии, – выполнил и обнародовал новаторский по своему значению труд, насыщенный множеством передовых идей. Если употребить добролюбовское выражение, это был «луч света в темном царстве» деляновского казенного классицизма. Конечно, И. Д. Делянов не мог не заметить свежести мысли, которой проникнуто это литературно-педагогическое произведение Анненского. По существу взгляды, высказанные Анненским в этом ярком труде, не выходя за пределы «легальных возможностей», шли в разрез с рутинерством притеснительной деляновской системы, которая сковывала школу и порождала «человека в футляре». Так почему же реакционер Делянов не только не присек такое свободомыслие Анненского, но и решил «дать ход» его таланту педагога-мыслителя? Понять такой, на первый взгляд, неожиданный по либеральности поступок Делянова, нам поможет критическая

оценка, высказанная по аналогичным поводам виднейшим советским историком П. А. Зайончковским. Он справедливо отмечает: «К сожалению, многие современные историки весьма примитивно делят тех или иных исторических деятелей на “хороших” и “плохих”, игнорируя всю сложность и противоречивость, присущую человеческой натуре. Так, например, Э. И. Тотлебен, герой Севастополя и Плевны, был неумным и вместе с тем жестоким временным генерал-губернатором Одессы. А. А. Аракчеев, известный реакционный деятель, сделал много ценного для усовершенствования русской артиллерии накануне Отечественной войны 1812 года. И так далее».⁵⁹

Подобного рода «сложность и противоречивость, присущие человеческой натуре» – проявилась, как мы уже видели, и у генерала П. С. Ванновского – весьма консервативного и малообразованного военного деятеля, когда он во время своего пребывания на посту министра народного просвещения попытался предпринять чрезвычайно прогрессивную реформу классических гимназий.

Как видно, Делянов таких человеческих качеств, противоречивости и сложности, то же не утратил, коль скоро он рекомендовал Анненского Екатерине Галаган – попечительнице коллегии Павла Галагана в Киеве, а затем и назначил его Директором этого средне-учебного заведения. Вероятно, Делянов был осведомлен о том, что кандидатская диссертация Анненского написана на тему «Южно-русский язык по сборнику песен Головацкого» <...>, а также и о том, что 15 сентября 1890 года на годичном акте гимназии Гуревича Анненский выступил с речью «О формах фантастического у Гоголя», в которой рассмотрел проблему соотношения фантастического с реальным, проявив свою обширную литературную эрудицию. Эта речь опубликована в издававшемся Я. Г. Гуревичем педагогическом журнале «Русская школа» (1890. № 10. С. 93–104), а в наши дни воспроизведена с надлежащими комментариями в разделе «Дополнения» <КО, 496–499>.

Однако Николая II-го начали запугивать, что предпринимая реформа школы, есть не что иное, как «потрясение основ», а сам Ванновский изображался чуть ли не революционером. Министр внутренних дел Сипягин, варшавский генерал-губернатор Чертков вместе с придворной камарильей обрушились на «либерала»

Ванновского. 25 марта 1902 года Николай II прислал Ванновскому следующее письмо. «Должен Вам откровенно сказать, – писал царь, – не лежит у меня сердце к этой быстрой ломке нашей школы, не столько по отношению к самому проекту, сколько к своевременности его – именно теперь и без того смутное время. Скорый пересмотр действующего положения средней школы, торопливая выработка нового проекта и внесение его в Государственный Совет – все это носит характер какой-то вынужденности уступки давлению так называемого общественного мнения». Далее он указывает, что именно поэтому дальнейшее движение проекта представляется ему опасным. Тут же он приводит свою любимую стандартно-бесмысленную фразу: «На мне лежит страшная ответственность перед Богом и перед Россией, тяжесть, которую я несу сознательно один». Затем он говорит комплимент Ванновскому, который «с чувством долга и преданности принял на себя новую обузу», а в заключение пишет: «Я решаюсь поэтому откровенно Вам сказать, что мы должны теперь расстаться. Возвращаю Вам оставшийся доклад, с сутью которого я не согласился». ⁶⁰ <...>]

Что же касается самого Анненского, то революция 1905–1907 годов оказала сильное воздействие на его душевный мир. Это с полным основанием весьма убедительно показано А. В. Федоровым в упомянутой выше статье. Анненский в поэтических своих творениях, «языком трибуна с сердцем лани», осудил мрачную действительность самодержавной России, выражая антивоенные настроения, с горькой иронией отозвался о пассивной «сердобольности» либеральной прессы и высказывал сочувственное сострадание матерям борцов революции, павших жертвами царских карателей. Более того, в своем стихотворении «Петербург», созвучном с главами 3 части исторической поэмы Адама Мицкевича «Дзяды»,⁶¹ Анненский провидел неизбежность крушения русского деспотизма.

Однако революционером Анненский не был ни по своему мировоззрению, ни по практической своей деятельности.

Мы видим в общественной позиции Анненского на рубеже XIX–XX веков приемника и продолжателя неугасимых гуманистических традиций русского просветительства. Если В. Г. Короленко

по отношению к Н. Ф. Анненскому прибегаю в известном некрологе к исторической аналогии, назвав его «Станкевичем 90-х годов», то мы могли бы назвать Анненского «Грановским конца XIX–начала XX века». Справедливость такой аналогии доказуема.

С Т. Н. Грановским преемственно связывает Анненского приверженность гуманным началам классицизма. Пушкинским духом просветительства проникнуты две обращенные к молодёжи актовые речи Анненского: 1890 года «О формах фантастического у Гоголя», произнесенная в Петербургской гимназии Я. Г. Гуревича, и 1899 года – напутственная речь при вручении 2 июля аттестатов зрелости выпускникам Царскосельской гимназии. В первой из двух провозглашена Анненским высокая общественная миссия поэта, как учителя и проповедника добра, противоборствующего злу. Во второй Анненский, взяв эпиграфом Пушкинское стихотворение «Труд», выразил свое этическое и эстетическое кредо – отношение свое к образованию, к труду и, особенно, к науке, созвучное с нашей современностью.⁶² <...>

Напомню, что Анненский подчеркнуто признавал изначальное идейное влияние на себя Николая Федоровича и его жены Александры Никитичны – «людей поколения 60-х годов», сказав, что им он «обязан всем своим интеллигентным бытием». Александра Никитична, писательница и педагог, которую он называл «кузина Алина», его двоюродная сестра, урожденная Ткачева.

Ее мать – Мария Николаевна Ткачева, урожденная Анненская (род. в 1809), была пятой по счету дочерью в многодетной семье Александры Павловны и Николая Ильича Анненских, родной тетушкой Анненского. Известный революционер и литератор Петр Ткачев, стоявший на крайне левом «якобинском» фланге народнического лагеря, двоюродный брат Анненского. Другой Ткачев – старший брат Петра, Андрей принадлежал к крайне правому крылу реакционного правительственного лагеря. Ни с эмигрировавшим во Францию Петром Никитичем, ни с остававшимся в Петербурге его антиподом – Андреем Никитичем Ткачевыми идейной близости у Анненского не было, хотя родственные отношения формально поддерживались.

В целом результаты нашего генеалогического исследования дают представление о той социальной среде, в которой выросли и из которой вырвались, далеко отделяясь от нее, два выдающихся деятеля

русской культуры, получившие рано или поздно общеевропейскую известность, а затем и известность всемирную. Таковы были: Анненский, провозвестник поэзии и мысли, поражающий своих читателей глубиной и искренностью, поэт-лирик, драматург-философ, мастер критической прозы и творческих стихотворных переводов, языковед-полиглот и русский фольклорист, высокого класса филолог-античник и гуманный педагог-новатор, а рядом с ним – проложивший ему свою помощью путь в науку и литературу старший его брат Николай Федорович Анненский – крупный ученый экономист, признанный глава научной школы русских земских статистиков и литератор-публицист, преследовавшийся царским правительством, верный со товарищ В. Г. Короленко и почитаемый друг А. М. Горького.

<...>

Нет сомнения, что Анненский, живя последние свои годы в Царском Селе, хорошо знал о том, что живший и работавший в тот же период в Петербурге старший его брат, Николай Федорович подвергся в 1905 году заключению в Петропавловской крепости вместе с А. М. Горьким, известными профессорами историками Н. И. Каревы, В. И. Семевским и другими представителями петербургской либеральной интеллигенции, за мужественную, но тщетную попытку предотвратить кровавое воскресенье 9 января.

Можно с уверенностью сказать, что симпатии Анненского были на стороне жертв, павших под пулями войск, двинутых царем против обманутых Гапоном петербургских рабочих.

А. М. Горький запечатлел весь ужас злодеяния царских опричников, рубивших и расстреливающих безоружных мирных людей 9 января 1905 года. Он с потрясающей силой поведал: «Все было жутко в этот проклятый, но поучительный день. И одним из самых жутких впечатлений моих этого дня был Николай Федорович Анненский в слезах. Я увидел его в вестибюле Публичной библиотеки <...>. Анненского вели под руки <...>. Я вот сейчас вижу перед собой его хорошее лицо, невыразимо измученное в судорогах и мокрое от слез. Рыдал он, кажется, беззвучно, но показалось мне, что он оглушительно кричит <...>. Николай Федорович, поддерживаемый под руки, медленно, как очень древний человек спускался с лестницы, ноги его подгибались, и он плакал. Я много видел слез отчаяния и скорби, но мне думается, что слезы Н. Ф. Анненского

в день 9 января – самые страшные и сжигающую душу человеческие слезы».¹

Анненского в тот день и час не было рядом с братом. В опубликованных с 1925 году воспоминаниях Валентина Кривича обойдены полным молчанием события 1905 года, хотя писал он их 20 лет спустя, уже при Советской власти, и мог бы свидетельствовать как реагировал Анненский на вести о расстрелах 9 января и на отзвуки рыданий своего любимого старшего брата, которые не могли не дойти в Царское Село через тех, кто рядом с Горьким был в тот час в Публичной библиотеке. Мы можем лишь догадываться, сколь тягостным было в те дни настроение Анненского. Ведь в душе его скрыт был протест против кровавой расправы царских сатрапов, негодующее презрение к «палачу с палачихой», прозвучавшее в его «стихах кошмарной совести» («Старые эстонки»). Коронованные «палач с палачихой» обитали в белоколонном Александровском дворце совсем недалеко от здания Царскосельской гимназии, где жил, творил, учил и нес службу директора поэт-гуманист. Служебное положение директора гимназии в пригороде столицы, являвшемся императорской резиденцией, где вся городская администрация находилась в подчинении Министерства императорского двора было особенно для него мучительным. Любой директор любой гимназии по уставу обязан был обеспечивать нормальный ход учебных занятий, поддержание школьной дисциплины среди учащихся, порядок и спокойствие. Но особенно требовательно в вопросах соблюдения уставного режима было окружное учебное начальство по отношению к директору Царскосельской гимназии. Можно себе представить, что творилось в душе Анненского, когда к нему в феврале 1905 года явилась группа гимназистов старших классов с просьбой о разрешении отслужить на 40-й день панихиду в гимназической церкви по жертвам 9 января, и он вынужден был в силу официального своего положения отклонить эту просьбу. Недаром же Анненский весной 1905 года предпринимал какие-то шаги, чтобы уйти с должности директора Царскосельской гимназии и был почти уверен, что никогда к ней больше не вернется, но семейные обстоятельства помешали этим его надеждам осуществиться, и в августе того же года

---

¹ Цит по: *Горький М.* Литературные портреты / Предисл. К. Чуковского. Изд. 2-е. М., 1967. С. 327.

ему пришлось снова братья за свою директорскую ляжку в той же гимназии – начинать очередной, 1905–1906 учебный год (это видно из цитированного А. В. Федоровым <...> письма Анненского к А. В. Бородиной от 2 августа 1905 года.¹ Наступавший же 1905–1906 учебный год был чреват дальнейшим нарастанием революционных событий в стране, активное участие в которых приняли и царскосельские гимназисты. <...>

...здесь ограничусь указанием факта, о котором совершенно умолчал в своих мемуарах Валентин Кривич: окружное начальство сочло необходимым удалить Анненского с поста директора царскосельской гимназии путем перемещения его на должность окружного инспектора, а директором Царскосельской гимназии назначить Якова Георгиевича Мора,⁶³ директора С-Петербургской 6-ой гимназии. Последний, как заявил управляющий С-Петербургским учебным округом В. А. Латышев в своем представлении по этому поводу от 31 декабря 1905 года министру народного просвещения гр. И. И. Толстому, – «пользуется прочною репутациею опытного и энергичного педагога-администратора, и я не сомневаюсь, что в его лице царскосельская гимназия найдет умелого руководителя». В том же представлении отмечено, что на такое перемещение Министерство уже выразило предварительно В. А. Латышеву свое принципиальное согласие, а в заключение добавлено: «Имея в виду объясненное выше согласие Министерства и вероятную близость возобновления учебных занятий, я счел благовременное теперь же предложить обоим названным лицам приступить к исполнению их новых обязанностей». Сделана ссылка на изъявленное Я. Г. Мором согласие занять должность директора Царскосельской гимназии. Назначение же Анненского окружным инспектором В. А. Латышев в своем представлении министру облек в благовидную форму: «согласно поданному им мне прошению» (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 15946-а, л. 1–3). Никаких отрицательных оценок в отношении Анненского в этом официальном документе не сделано, включение отрицательной служебной характеристики сделало бы невозможным использование его в ревизорской должности окружного инспектора, на которую его перемещали. Это обстоятельство дало впоследствии Анненскому в упомянутом выше прошении его от 23 октября

¹ Ныне опубликовано полностью: КО, 462–463; *Письма*, I, 420–426.

1909 года заявить попечителю округа графу А. А. Мусину-Пушкину: «Я тридцать лет непрерывно нес учебную службу и никогда не получал от моего начальства официально выраженных порицаний» (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 15904, л. 1).

Однако из маргиналий и других помет на переписке по поводу волнений учащихся Царскосельской гимназии видно, что окружное учебное начальство было недовольно мягкостью директора Анненского. Зафиксированы в документах этой переписки и попытки реакционных элементов обвинять Анненского в попустительстве забастовщикам и «смутьянам». Доносительская роль реакционного нововременского фельетониста М. О. Меньшикова,⁶⁴ а также прямые полицейские «сигналы» об антиправительственной деятельности царскосельских гимназистов, поступившие к министру народного просвещения гр. И. И. Толстому из Министерства Императорского двора.

Слухи о предстоящем увольнении Анненского с поста директора гимназии распространялись в Царском Селе еще в сентябре 1905 года, вызвав подачу коллективных писем за многими подписями от имени большинства родителей министру народного просвещения и попечителю учебного округа в защиту Анненского. Однако эти ходатайства многочисленных жителей Царского Села «не лишать город такого истинного педагога как И. Ф. Анненский, снискавший себе всеобщее уважение», не возымели действия. Они лишь отсрочили на три месяца удаление Анненского и побудили избрать способом его устранения с директорского поста не увольнение от службы, применявшееся в аналогичных случаях к некоторым другим директорам средних учебных заведений, – а перемещение на равную по классу должность окружного инспектора, «согласно поданному им прошению». Внешне это выглядело благовидно.

Тем не менее, прав А. В. Федоров, в своих критических замечаниях по поводу воспоминаний В. Кривича отметивший, что тот «совершенно не коснулся некоторых сторон в жизни отца, в частности, его отношения к русской действительности того времени, к службе, ко всему строю окружающей жизни, *даже не упоминая о перемещении с должности директора гимназии на должность инспектора учебного округа, которая во всяком случае, имела характер*

*административной меры, направленной против слишком гуманного педагога».*⁶⁵ <Курсив – А. О.>. <...>

Назначенный на место Анненского мракобес-реакционер Я. Г. Мор поспешил без малейшего промедления прибыть в Царско-сельскую гимназию. Уже 4 января рапортом на бланке Императорской Николаевской гимназии в г. Царском Селе за № 4 он донес управляющему С-Петербуржским учебным округом В. А. Латышеву:

Вследствие предписания Вашего превосходительства от 29 декабря 1909 года за № 20287 я принял Императорскую Николаевскую Царкосельскую гимназию от директора оной действительного статского советника И. Ф. Анненского 2-го сего января и сего же числа вступил в управление означенною гимназиею. О чем имею честь почтительнейше донести Вашему превосходительству.

За директора Я. Мор»

(ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10284, л. 103).

Пришлось Анненскому спешно освободить для Мора директорскую квартиру и снять для себя и семьи частную квартиру на даче Эбермана. Такая перемена в укладе жизни семьи Анненского коснулась, конечно, и его сына, жившего совместно с отцом, а потому умолчание Валентина Кривича об этом событии представляется особенно странным.

<...>

Итак, Анненский сдал должность директора Царкосельской гимназии уже 2 января 1906 года Я. Г. Мору. Оформлено же было окончательное его перемещение высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 21 января того же года за № 4 с 5 января, о чем департамент общих дел М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> уведомил попечителя округа отношением от 28 января 1906 за № 1424. Таковое поступило к управляющему округа В. А. Латышеву 1 февраля 1906 года. Специально отмечаю эти прослеженные мною по документам ЦГИА СПб и РГИА точные датировки, чтобы показать полнейшую несостоятельность вымышленной версии о причинах и времени удаления Анненского с директорского поста, которое стало распространяться в печати некоторыми краеведами и журналистами г. Пушкина, начиная с 1975 года <...>. Так, пытаюсь осветить события, происходившие в Царкосельской гимназии в 1905 году,

и показать занятую Анненским в ходе этих событий политическую позицию, – Г. Г. Бунатян <...> заявляет: «...вскоре стало известно, что Анненский разрешил отслужить в гимназической церкви панихиду по казненному революционеру-лейтенанту П. П. Шмидте. Разумеется, после этого Анненский недолго оставался на посту директора гимназии: в 1906 году он был отстранен от занимаемой должности».¹

На самом деле такая панихида вообще нигде в Царском Селе никем из местных священников отслужена не была. Возможность такого акта в условиях особого режима охраны императорской резиденции совершенно исключалась. Что же касается «отстранения» Анненского от должности директора Царскосельской гимназии, а если выражаться точно, – перемещения его на должность окружного инспектора, то таковое состоялось более чем за два месяца до казни лейтенанта П. П. Шмидта.⁶⁶ <...>

...по вопросу о панихидах политического характера в Царскосельской гимназии достоверные свидетельства самого Анненского в двух собственноручно им написанных рапортах попечителю С-Петербургского учебного округа П. П. Извольскому от 17 и 18 февраля 1905 года (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 17912, л. 46-47 об.; д. 10235, л. 97–98). Из них видно следующее.

1) В гимназической церкви состоялось с разрешения Анненского и в соответствии с просьбой гимназистов панихида по павшим воинам русской армии и флота в связи с годовщиной начала русско-японской войны. Дата этой панихиды не обозначена Анненским, но общеизвестно, что война на Дальнем Востоке была начата Японией в конце января 1904 года вероломным нападением ее миноносцев на корабли русской тихоокеанской эскадры, стоявшие в гавани Порт-Артура, а с утра 27 января японский флот развернул военные действия.

За этим последовал манифест Николая II об официальном объявлении Россией войны Японии. Следовательно, разрешенная Анненским панихида по жертвам войны в связи с годовщиной ее начала могла быть отслужена в конце января и, самое позднее, в первых числах февраля 1905 года. Мотивируя в рапорте от 17 февраля 1905 года

---

¹ Цит по: *Бунатян Г. Г.* Город Муз. Литературные памятные места г. Пушкина. Л., 1975. С. 217.

свое разрешение этой панихиды, Анненский прямо сослался на прошлогодний «Манифест», как на «государственный акт» коим «она определялась». Он отметил также, что отслуженная с его разрешения в церкви гимназии «панихида по жертвам войны является одной из многих ей подобных». Действительно, из прессы того времени видно, что такие панихиды состоялись в годовщину войны повсеместно. В частности, в церкви морского кадетского корпуса на многолюдной панихиде моряков 27 января 1905 года присутствовал в сопровождении свиты генерал-адмирал флота – Вел. кн. Алексей Александрович, дядя царя Николая II.

Разумеется, настроения участников и организаторов панихид, посвященных этой дате, были весьма разнородны. Во многих случаях в заупокойных богослужениях русские люди выражали свою безутешную печаль о сыновьях, братьях и отцах, погибших в Порт-Артуре и на полях Маньчжурии, а эти тяжкие утраты связывались с осуждением царского самодержавия, его придворной камарильи, затеявшей хищническую авантюру в Корее, приведшую к войне, в которой проявилась военная несостоятельность царизма, техническая отсталость его вооруженных сил, бездарность большинства царских генералов и адмиралов, их неспособность эту войну выиграть, несмотря на героизм русских солдат и офицеров, мужество таких немногих талантливых военных деятелей, как адмирал С. О. Макаров и генерал Р. И. Кондратенко.

События русско-японской войны глубоко взволновали Анненского.

Еще 16 сентября 1904 года, находясь на лечение в Крыму, он писал из Ялты к Е. А. Мухиной: «Жадно слежу за войной. Никогда не читал так много газет и не думал о политике».¹

Впоследствии свое отношение к русско-японской войне Анненский обобщенно выразил в известном стихотворении «Гармонные вздохи», повествующем о горькой судьбе матроса и его милой, ввергнутых войною в нищету и гибель: «Пропала наша душенька // Да вышла нам медаль!» – напевает в ночи у костра, догорающего в фруктовом саду, одетый в лохмотья инвалид-матрос, перебирая лады старой гармоники и страницы своей растрепанной войною жизни.

---

¹ В настоящее время опубликовано. См.: *Письма*, I, 369.

В широких демократических слоях русского общества, особенно после капитуляции Порт-Артура, сданного японцам генералом Стеселем 20 декабря 1904 года, широкое распространение получили пораженческие настроения, охватившие и передовую часть учащейся молодежи. <...>

2)16 февраля 1905 года Анненский проводил в гимназии родительское собрание, и до него дошли там сведения о том, что в тот же день «в Царском Селе были получены из Петербурга новые прокламации к гимназистам, требовавшие от них поддержки для их пострадавших собратьев». На следующий день – 17 февраля исполнялось 40 дней со дня гибели от рук царских карателей множества питерских рабочих с детьми и женами, кровь которых залила улицы и площади столицы 9 января. По давнему религиозному обычаю «сороковины» принято было отмечать поминовением усопших – панихидами.

И вот, исходя из этого исконного на Руси православного обычая, явилось 17 февраля в конце большой перемены на квартиру к Анненскому несколько учеников старших классов с просьбой разрешить им отслужить панихиду в гимназической церкви по жертвам 9 января. Анненский в своем рапорте, написанном попечителю С-Петербургского учебного округа в тот же день, 17 февраля 1905 года в 3 часа дня отметил: «Уместность своей просьбы они обосновывали на том, что мною разрешена была по просьбе учеников же панихида по павшим войнам в годовщину войны».

Анненский в том же рапорте заявил П. П. Извольскому: «Я, разумеется, ответил категорическим отказом, объяснив ученикам, что нельзя проводить параллель между двумя панихидами». Он добавил, что «все просьбы учеников должны сообщаться ими своим родителям», но «на состоявшемся вчера родительском собрании вопрос о панихиде никем из родителей не поднимался, а следовательно, – заметил Анненский ученикам, – они не откровенны со своими родителями, а это весьма печально и плохо их рекомендует». Затем рапорт свой Анненский заключает следующей служебной информацией: «Ученики держали себя очень хорошо и, когда я кончил разговор и отпустил их, все вежливо поклонились. Однако в ближайшую перемену в коридоре, из которого я не уходил, было очень шумно и, видимо, что среди учеников были недовольные мною. Давать

дальнейший ход делу я считаю в настоящее, по крайней мере, время не желательным».

Из текста этого рапорта видно, что Анненский очень мягко реагировал на коллективную просьбу старшеклассников о панихиде по поводу 40 дня по жертвам 9 января, в которой он в силу своего служебного положения должен был им отказать. Он фиксировал внимание Петербургского учебного начальства на том, что «ученики держали себя очень хорошо», что они, уходя, «все вежливо поклонились».

Упомянув о «шуме», который он слышал после этого в коридоре гимназии, Анненский умалчивает, в чем же состоял этот «шум», показавший ему, что «среди учеников были недовольные» своим директором. Между тем нам известны нарративные свидетельства участников происшедшего 17 февраля 1905 года в тот час в коридоре гимназии: там звучали краткие речи старшеклассников, гневно осуждавших кровавую расправу и призывавших почтить память убитых, а затем раздалось пение «вечной памяти». Это директор Анненский предпочел скрыть от своего начальства, чтобы не повредить в глазах последнего ученикам гимназии. Фактически ведь гимназисты вместо панихиды, в которой им было отказано, провели краткий, но внушительный митинг в память жертв 9 января.

3) Выполняя циркулярное распоряжение попечителя учебного округа о представлении ежедневных донесений о событиях и настроениях учащихся во всех учебных заведениях округа, директор гимназии Анненский написал на другой день в своем рапорте № 170, посланном в 3 часа дня Извольскому, следующее: «Сегодня 18 февраля, учебное время прошло без всяких приключений, в течение 2 урока я побывал в каждом из трех старших классов гимназии и, в дополнение к разъясненному мною ученикам на их просьбу вчера, пояснил, что меня весьма огорчило, что они обратились ко мне с неуместным своим заявлением, как оказалось, без ведома родителей, — я просил их каждого чистосердечно переговорить по этому поводу со своими родителями.

Кроме того, я им сказал, что как бы ни была просьба не уместна, я серьезным проступком обращения ее ко мне, как руководителю и начальнику, не считаю, — но что я, безусловно, недоволен шумом,

происшедшим в ближайшую перемену и ставлю его на счет ученикам, которые ко мне приходили: если люди просят, так они должны готовиться к двум ответам: утвердительному и отрицательному, и оба принять сдержанно.

Сегодня настроение учеников смущенное, они как бы сознают свою вину, (а иные ошибку). 7 класс, где я – классным наставником, объявил мне, что все они поголовно возмущены происшедшим и что из них, оказывается, был у меня только один, да и тот, по-видимому, случайно: класс даже не знал о происходившем.

На 4 уроке гимназию посетил г. окружной инспектор А. Д. Мохначев, он был на уроке русского языка в I отделении 6 класса, у преподавателя А. А. Мухина.

В половине 5 урока была отслужена в присутствии наличных учеников и служебного персонала панихида по Императоре Николае I, согласно местному правилу, существующему на этот день основания гимназии». (Из исторических сведений, имеющих в отчетах Царскосельской гимназии, известно, что эта мужская классическая гимназия была учреждена по просьбе горожан Царского Села в 1870 году «повелением» царя Александра II, который присвоил ей наименование «николаевской», а ее ученикам «право носить на фуражках вензель “Н”» – в память о своем отце и о своем умершем от туберкулёза в 1865 году первом наследнике – старшем сыне Николае Александровиче.

Номинально гимназия числилась «под покровительством» царя. Столь же номинально «покровительство» это было поручено Александром II выполнять второму его наследнику будущему царю Александру III, который по своем «восшествии на престол», принимая депутацию «верноподданных горожан Царского Села», «даровал» гимназии этого города титул «императорской». Такой титул в царской России имели только университеты и привилегированные учебные заведения – Лицей и Училище правоведения, а также Академия наук, Академия художеств, Публичная библиотека, Эрмитаж, фарфоровый завод, крупнейшие театры обеих столиц и некоторые филантропические учреждения. Несмотря на пышный свой титул «Императорская Николаевская», никакими привилегиями царскосельская гимназия не пользовалась, а была обычной гимназией, как и все другие, и состав ее учащихся был

всесословным. Домовая церковь «Рождества Богородицы» учреждена была в здании этой гимназии с момента основания самого учебного заведения, но первоначально гимназическая церковь не имела собственного штата духовенства, числилась приписанной к местному Екатерининскому собору, духовенством которого она и обслуживалась в первые годы. Лишь в 1877 году всесильный «князь церкви» – первоприсутствующий в Синоде митрополит Петербургский, Новгородский и прочая Исидор (в миру Я. Никольский) установил для церкви Царскосельской гимназии штатские должности священника и псаломщика в сане диакона. Кандидатуру на должность настоятеля этой церкви и Законоучителя гимназии митрополит Исидор подобрал самолично. Он рукоположил в 1878 году в священники А. В. Рождественского, окончившего курс Петербургской духовной академии в 1877 году со степенью кандидата богословия, который женившись на землячке и дальней родственнице митрополита Исидора, Анне Александровне Казанской состоял до принятия священства преподавателем гомилетики и пастырской практики в Орловской духовной семинарии.

Начав службу в Царскосельской гимназии в должности законоучителя и настоятеля церкви 26 марта 1878 года, священник А. В. Рождественский был награжден 8 апреля 1898 года саном протоирея. Он пребывал на службе в гимназии в указанных должностях задолго до назначения директором Анненского, продолжая в ней служить в период директорства Анненского, а также и при его приемнике Я. Г. Море бессменно по 26 июля 1907 года – в общей сложности свыше 29 лет.

Одновременно А. В. Рождественский состоял законоучителем и в других учебных заведениях Царского Села: народном училище, городском училище и Мариинской женской гимназии.

В Царскосельской мужской гимназии день ее основания 8 сентября совпадал с храмовым праздником гимназической церкви, что отмечалось ежегодно торжественным молебном. Другое традиционное для церкви этой гимназии богослужение – совершавшееся ежегодно с 1870-го года панихида, которая упомянута выше в рапорте Анненского, 18 февраля: в день смерти императора Николая I.

Мы усматриваем и в рапорте Анненского от 18 февраля 1905 года стремление его смягчить впечатление у окружного начальства

от случившегося накануне, изображая взрослых юношей гимназистов детьми, сознавшими свою «вину» или «ошибку», что подкрепляло его вывод о нежелательности давать «дальнейший ход делу». Он стремился тем самым уберечь своих учеников от применения к ним репрессивных мер.

Упомянутая здесь Анненским панихида по Николае I, отслуженная протоиереем А. В. Рождественским 18 февраля не отличалась, по-видимому, многолюдством, поскольку указано, что на ней присутствовали лишь наличные из учеников и служебный персонал, а не весь состав учащихся и членов педагогического совета гимназии. Ссылкой на «местное правило» «существующее на этот день с основания гимназии», Анненский прямо указал на свою совершенную непричастность к организации этой «верноподданической» церемонии, отменить которую он, конечно, не был властен. Вероятно, он упоминул об этой панихиде потому, что сам факт состоявшейся в этот день панихиды мог породить слухи, что она посвящалась памяти жертв 9 января. Ради предотвращения таких кривотолков в самом их зародыше Анненский сказал о ней с полной ясностью.

Вот какие панихиды отслужил в действительности протоиерей А. В. Рождественский в гимназической церкви <...>.

К 1909 году – году трагической смерти Анненского его брат Николай Федорович отошел от нелегальной политической деятельности. Он жил в то время в Петербурге, занимаясь научной и общественно-литературной работой в Вольном экономическом обществе и Литературном фонде, продолжая и свое сотрудничество с В. Г. Короленко в редакции журнала «Русское богатство». Со своей семьей, состоявшей из жены, Александры Никитичны, и племянницы, Татьяны Александровны Богданович с четверыми ее малолетними детьми, – Н. Ф. Анненский занимал квартиру на Петербургской стороне по Широкой улице (ныне улица Ленина) в доме № 16. Летом же вся их семья выезжала на дачу, снятую близ станции Куоккала Финляндской железной дороги (ныне поселок Репино).

Анненский на протяжении последних четырех лет своей жизни, неся службу в управлении С-Петербургского учебного округа

по должности окружного инспектора, продолжал жить в Царском Селе: до осени 1908 года – на даче Эбермана за Московскими воротами во Фридентальской колонии, а с сентября того же года по день своей смерти – занимал со своей семьей квартиру в Софии – в доме вдовы генерала Марии Семеновны Панпушко по Захаржевской улице, д. 13.⁶⁷

В имеющихся источниках мы не находим указаний на то, что Николай Федорович когда-либо побывал у брата Иннокентия в Царском Селе. Видимо, братья воздерживались от встреч в этом пригороде столицы, являвшемся царской резиденцией, избегая афишировать перед «всевидящим оком» дворцовой охраны свою дружбу.

Напротив, как свидетельствовала Т. А. Богданович,⁶⁸ Анненский часто приезжал в семью брата: во время дачного сезона – в Куаккалу, а в учебное время – на петербургскую квартиру.

Самим поэтом достоверно и точно датировано только одно из его посещений семьи брата на даче – пометой стихотворения «Одуванчики»: 26 июля 1909 года, Куоккала. С другим посещением двоюродная племянница его Т. А. Богданович связывает поездку Анненского из Куоккалы на водопад Иматру, куда она, по ее рассказу, сопровождала его и провела там вместе с ним сутки.⁶⁹ Надо все же полагать, что ездить из Царского Села в Куоккалу часто Анненский едва ли имел возможность даже в каникулярное время. В ту пору ведь не существовало по Финляндской железной дороге того скоростного сообщения, каким пользуются ныне ленинградцы на всех ее пригородных линиях.

Несравненно чаще мог Анненский бывать в семье старшего брата на петербургской квартире в течение учебных месяцев тех же последних лет своей жизни. За исключением 1906 и 1907 годов, когда Анненскому приходилось по обязанностям окружного инспектора неоднократно выезжать для ревизии учебных заведений в города Вологодской и Псковской губерний, входивших в обширную территорию Петербургского учебного округа, – большая часть его педагогической и общественной деятельности протекала в этот период в самом Петербурге. На Анненского, как и на других окружных инспекторов, было возложено наблюдение за преподаванием в нескольких столичных средних учебных заведениях. По вопросам,

относящимся к его служебной компетенции как окружного инспектора, он еженедельно, по пятницам с 2 до 5 часов дня, принимал посетителей в отведенном ему для этой цели кабинете в здании 6-й гимназии (у Чернышева моста на Фонтанке, рядом со зданием М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>, т. е. у нынешней площади Ломоносова). Разумеется, приходилось ему почти каждодневно являться по делам службы и в канцелярию попечителя С-Петербургского учебного округа (Загородный проспект, 49, малое здание Технологического института).

Кроме того, Анненский с 19 декабря 1898 года и по день своей скоропостижной кончины – 30 ноября 1909 года состоял членом Ученого комитета М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>, выполняя там большую работу по официальному рецензированию учебников и других книг, а также составлению экспертных заключений по отдельным вопросам, поступавшим из М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> на рассмотрение этого комитета. Заседания Ученого комитета происходили регулярно каждый понедельник, с 1 часа 30 минут до 5 часов.⁷⁰ В них Анненский постоянно участвовал лично и часто делал доклады, а когда заболел, то присылал свои доклады в письменном виде.

Состоя членом двух научных обществ: Классической филологии и Неофилологического, находившихся при университете, а также – председателем кружка по вопросам театра, заседания которого созывались в доме Дризен<а>, – Анненский отдавал деятельному участию в этих научно-общественных организациях вечерние часы. В те числа месяца, когда ему нужно было участвовать в ученых собраниях этих организаций и в заседаниях редакции журнала «Аполлон», он возвращался домой в Царское Село поздно. В таких случаях он имел обыкновение заезжать после пяти часов пообедать либо к брату, либо же ко вдове одного из своих друзей-педагогов Ольге Александровне Васильевой, жившей неподалеку от Царскосельского вокзала.

Надо напомнить, что в 1906 году в здании бывших Женских педагогических курсов ведомства императрицы Марии,⁷¹ ликвидированных в связи с созданием Женского педагогического института, были основаны частные Высшие женские историко-литературные курсы Н. П. Раева.

На эти курсы для чтения лекций по истории античной литературы Анненский был приглашен с самого их основания, так как уже с 1907 года по суворинскому справочнику «Весь Петербург» Анненский обозначен званием *профессора*. К сожалению, в имеющемся в ЦГИА СПб архивном фонде курсов Н. П. Раева не сохранилось расписание лекционных часов, вследствие чего мы не можем установить точно, сколько лекций и по каким дням недели читал на них Анненский. Известно лишь из записок его сына, что 30 ноября 1909 года, в понедельник, Анненский с утра читал лекции на курсах Н. П. Раева,⁷² затем побывал в управлении учебного округа, после чего участвовал в очередном заседании Ученого комитета М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>, а вечером ему предстояло выступить с докладом в Обществе классической филологии <см.: *Кривич*, 211–212>. В промежутке он приезжал обедать к О. А. Васильевой, там он почувствовал себя плохо, но от предложения хозяйки вызвать врача отказался и, полежав немного, заявил, что чувствует себя «благополучно», и уехал делать свой доклад, которому не суждено было состояться: проезжая мимо Царскосельского вокзала, Анненский завернул извозчика к подъезду вокзала, пошел в вокзал, но на ступенях подъезда упал мертвым с зажатым в руке красным портфельчиком с текстом доклада. По сведениям, собранным в тот же вечер Валентином Иннокентьевичем, смерть от паралича сердца постигла его отца в половине восьмого часа вечера.

В тех же записках сына вполне обоснованно указывается, что последний день Анненского «сложился утомительно», но о некоторых обстоятельствах, особенно отяготивших этот день и приведших к стрессовой ситуации, умалчивается. <...>

В упомянутых выше <...> воспоминаниях Т. А. Богданович освещает события последнего дня жизни Анненского совсем не так, как они запротоколированы Валентином Кривичем. Она пишет:

В конце недели я была в Царском Селе, и Иннокентий Федорович подтвердил мне, что в понедельник будет непременно обедать у нас.

Наступил понедельник. Я с утра с нетерпением ждала знакомого звонка и появления в дверях передней высокой, немного чопорной фигуры в педагогической шинели на синей подкладке.

Но вот прошел и час обеда, когда он обыкновенно приезжал. Мы подождали. Но, наконец, тетя сказал, что, верно, его что-нибудь задержало, а дяде надо после обеда уезжать. Все будет для него оставлено, но и нам, и детям надо обедать.

Мы пообедали, хотя у меня аппетит совершенно пропал.

Я волновалась при каждом звонке. Однако, наступило 7 часов, 8, наконец, 9. Так поздно он никогда не приезжал. Ведь ему надо было сообразовываться с поездами в Царское Село.

Ко мне пришел Николай Дмитриевич Соколов.

Никогда еще я не была так равнодушна к его приходу и не слушала так невнимательно его рассказов.

Я не знала только, что у нас был испорчен телефон. Я совершенно не обратила внимания, что за весь вечер к нам никто не позвонил, хотя обычно телефон у нас редко отдыхал.

Наконец, в половине двенадцатого раздался звонок, и мне подали городскую телеграмму. В ней было написано:

«Сегодня в 6 часов Иннокентий Федорович скоропостижно скончался у Царскосельского вокзала. Лежит в покойницкой Обуховской больницы. Платон».

Платон – пасынок Иннокентия Федоровича.

У меня помутилось в глазах, и я выронила телеграмму.

Николай Дмитриевич поднял ее, вызвал тетю и показал ей.

Потом он дотронулся до моей руки и сказал:

– Вы, конечно, захотите туда поехать. Пойдемте, я вас провожу.

Плохо сознавая окружающее, я встала, оделась и пошла вслед за Николаем Дмитриевичем. Если бы не он, я бы не знала, куда ехать, к кому обратиться. Он разузнал все и сказал мне, что Иннокентия Федоровича перенесли на Царскосельский вокзал, куда из Царского собралась его семья.

Мы поехали туда. Я плохо соображала, что вокруг происходит, и смотрела на его семейных как на незнакомых, ни с кем не здороваясь.

Вскоре все куда-то исчезли. Николай Дмитриевич сказал мне:

– Сейчас отходит поезд в Царское Село. Вы не собираетесь ехать туда?

Я покачала головой. Тогда он взял меня под руку, вывел из вокзала и посадил на извозчика.

Как в смутном сне вспоминаются мне фигуры на вокзале, среди которых не было единственного нужного мне человека. Когда мы приехали домой, тетя вышла к нам в переднюю и сказала:

– Я побоялась сообщить дяде, что произошло. Он мог бы не вынести. Как же это случилось?

Николай Дмитриевич рассказал, что в шестом часу Иннокентий Федорович, проезжавший на извозчике мимо вокзала, вдруг сделал знак извозчику, чтобы он повернул к вокзалу. Сойдя с него, он сделал шаг и сразу же упал со всего роста на ступени лестницы. Проходивший на вокзал врач подошел к нему, выслушал и констатировал моментальную смерть от разрыва сердца.

Мне вспомнилось потом, как Иннокентий Федорович говорил шутя:

– Я бы не хотел умереть скоропостижно. Это все равно, что уйти из ресторана, не расплатившись.

Когда я на другое утро вошла в кабинет дяди, меня страшно поразило его лицо. Он точно постарел на десять лет. Вчера это был бодрый пожилой человек, сегодня он стал дряхлым стариком. Увидев меня, он сел в кресло и горько заплакал.

Я поняла тогда, какая горячая братская любовь соединяла двух братьев, несмотря на полное несходство во взглядах.

Если бы первым ушел Николай Федорович, Иннокентий Федорович наверно был бы так же потрясен.⁷³

Едва ли можно сомневаться в том, что Валентин Кривич точнее, нежели Т. А. Богданович, описал по часам ход событий последнего дня жизни Анненского, имея в руках памятные записи в настольном календаре отца на этот день и получив гораздо раньше известие по телефону из Петербурга через Царскосельскую гимназию о его кончине. Ведь он первым отправился из Царского Села в покойницкую Обуховской больницы и, преодолев некоторые формальные препятствия, быстро добился отправки тела умершего в специальном вагоне, прицепленном к пассажирскому поезду, в Царское Село. В. И. Анненский, бесспорно, проявил мужественное присутствие духа при столь тяжком горе, как внезапная смерть отца, он выполнил свой сыновний долг, организовав возвращение покойного к родным царскосельским пенатам.

Сын уже закончил эти свои горестные хлопоты, когда весть о скоропостижной кончине Анненского, ошеломившая Татьяну Александровну, дошла через Платона Петровича Хмара-Барщевского в квартиру Николая Федоровича.

В отличие от Валентина Иннокентьевича, писавшего свои записки по свежему следу событий, опираясь на осведомленность во всех подробностях последнего дня отца, – Татьяна Александровна работала над своими воспоминаниями по прошествии 33-х лет с того

трагического дня. К тому времени сама она уже достигла 68-летнего возраста. Основывалась же она всецело лишь на том, что сохранила об Анненском ее старческая память. Ряд страниц воспоминаний Т. А. Богданович – глубокой ценительницы поэзии Анненского и восторженной почитательницы личности поэта – полон метких психологических наблюдений, рисующих нам проникновенный образ этого замечательного человека в его взаимоотношениях со своей семьей и с семьей старшего брата. Это то, что про что сохранила ее «память сердца».

Но в «памяти рассудка» за давностью времени многие детали у нее стерлись, сместились, исказились, утратили достоверность. В некоторых же фактах Т. А. Богданович, видимо, просто не была достаточно осведомлена, хотя иные факты запомнились ей точно.

Так, например, в предшествующих приведенной нами цитате строках той же главы своих воспоминаний Т. А. Богданович указала: «Каждый понедельник Иннокентий Федорович должен был присутствовать на заседаниях Ученого комитета. Это очень тяготило его, как и вся административно-педагогическая деятельность. Как человек щепетильно добросовестный, он считал себя обязанным выполнять все лежавшие на нем функции. А это мешало ему, отвлекало его от литературной работы».

Регулярность заседаний Ученого комитета М<инистерства> н<а-родного> п<росвещения>, проходивших по понедельникам с 1 часа 30 мин. до 5 часов дня, и участие в них Анненского зафиксированы в журналах заседаний означенного комитета, которые исследованы мною за 1909 год по 30 ноября включительно (РГИА, ф. 734, оп. 3, д. 122).

Конечно, работа в Ученом комитете отнимала у Анненского немало времени, затрачиваемого не только на эти еженедельные заседания, но и на составление рецензентских его докладов, которые он подготовлял дома. Однако, как видно, Т. А. Богданович не имела ясного представления о существовании этой его работы, коль скоро отнесла ее к очень тяготившей Анненского «административно-педагогической деятельности». К последней в то время относилась исключительно основная его служба в должности окружного инспектора – среди «пустодушных чинушей» в мертвящей атмосфере бюрократического аппарата столичного учебного округа, возглавляемого

камергером «Высочайшего Двора» графом А. А. Мусиным-Пушкиным. Эта служба, действительно, была для педагога-гуманиста Анненского тягостной в моральном отношении и стала уже непосильной для него физически. Напомню свидетельство, которое оставил видный представитель петербургской либеральной исторической школы – профессор петроградского историко-филологического института по кафедре Всеобщей истории Павел Павлович Митрофанов (1873–1917) о педагогической деятельности Анненского, которого он называл «рыцарем без страха и упрёка учебного мира».⁷⁴ Под руководством Анненского начинал П. П. Митрофанов свое учительское служение в Царскосельской гимназии в качестве преподавателя русского и латинского языков (с 1898 по 1900 год) и стал там одним из ближайших молодых друзей своего руководителя. Личное общение и переписка между Анненским и П. П. Митрофановым продолжались и все последующие годы, а в 1908–1909 годах они совместно работали профессорами на Высших женских историко-литературных курсах Н. П. Раева.

Написанный П. П. Митрофановым в 1910 году биографический очерк об Анненском теперь мало кому известен, так как он с тех пор ни разу не переиздавался.¹ Нахожу поэтому уместным привести здесь полностью те его страницы, на которых П. П. Митрофанов после краткого пересказа служебного формуляра Анненского начинает комментировать этот документ по-своему, воссоздавая живой образ поэта-учителя во всей целостности. Он пишет:

Вот краткий и сухой послужной список чиновника, и притом чиновника не из самых видных, м<инистерства>ва н<ародного> пр<освещения>: мало ли, в самом деле, в этом ведомстве особ, орденами более изукрашенных и чинами более обремененных? Но тут воистину человек красил свое место. Я имел счастье – мне жаль, что это выражение стало конвенциональным, и я хотел бы вернуть ему его первоначальное значение и свежесть – я имел счастье целых три года служить не под начальством – это слово не подходит к покойному – а под руководством И. Ф. в бытность его директором Царскосельской

¹ О переиздании (Русская литература XX века, 1890-1910. В 3 т. / Под ред. С. А. Венгерова. München, 1972. (Slavische Propyläen ; Bd. 115)) А. В. Орлов был не осведомлен. В наше время переиздано: Русская литература XX века. 1890–1910. В 2 кн. / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 2000. (Два века русской филологии).

гимназии: до сих пор я вспоминаю об этих годах, как о лучшем времени в моей жизни. В критике на порядки, заведенные в гимназии, конечно, не было недостатка, как это всегда бывает при всяком явлении, выходящем из обычной нормы; и, правда, следить за ремонтом гимназической прачешной, разбираться в сортах говядины, подававшейся к пансионскому столу, сажать в карцер учеников за преждевременное курение ими папирос И. Ф. был не мастер, да и не охотник при всей своей добросовестности к службе. Но и ученики, и мы, преподаватели, любили, ценили и чтили его за другое – за то, что он сумел вдохнуть нам любовь к нашему делу и давал нам полный простор в проявлении наших сил и способностей. О каком бы то ни было полицейском режиме и регламентации не было и речи, да и сам И. Ф. не приказывал, а лишь просил и советовал. И таково было его обаяние – обаяние умного человека, опытного педагога, гуманного гуманиста, что слушали и слушались все не только со вниманием, но и с воодушевлением. Его любили, и он нравился – и своею своеобразно красивой наружностью, и своею всегда деликатной, несколько старомодной манерой обращения с людьми, и своею неизменной добротой ко всем нашим нуждам и запросам. Я ничего не преувеличу, если скажу, что мы шли на педагогические советы с удовольствием: кто знает, какая это обычно каторга, тот оценит это замечание. Не мудрено: вместо категорических приказаний мы слышали приглашение высказать свое мнение по обсуждавшемуся вопросу, и это мнение выслушивалось, оценивалось, бережно разбиралось – и дело решалось, разумеется, так, как заранее предвидел И. Ф.; но мы-то за это время научались разбираться в своих ошибках и обогащали свой педагогический опыт. *В конце концов, вокруг И. Ф. создалась целая школа молодых педагогов и ученых, и редкий из служивших под его руководством не выдвинулся на том или другом поприще.* Я искренне рад, что не стою одиноко со своим мнением, которое предвосхищено в некрологе, написанном тогдашним моим сослуживцем А. А. Мухиным (Гермес. 1909 г. XX, 608–612).

Уж на что неблагоприятна роль окружного инспектора – и тут И. Ф. сумел понять ее по-своему. Обычно приезд такого *missi dominici*¹ встречается школьным персоналом как неизбежная очередная неприятность: сколько ни признавай необходимости контроля

---

¹ Королевский посланник (фр.)

в принципе, а быть самому под контролем, да еще бесконтрольным, всегда не то, что тяжело, а стеснительно. И. Ф. поставил это дело иначе: *свою должность ревизора он понял, как обязанность быть советником и руководителем подведомственных ему педагогов. Сам он был превосходным учителем: педагогические статьи его, помещенные в «Русской Школе» (1890 г., № 2 – «Образовательное значение родного языка»; 1892 г. №№ 7–8, 11; 1895 г. № 2 – «Педагогические письма»)*, служат лучшим тому доказательством, и статьи эти, по правильной оценке проф. Варнеке, который тоже был одним из сослуживцев И. Ф. по Царскосельской гимназии, «так свежи и оригинальны по содержанию, так ценны по тонкости основанных на личном опыте наблюдений автора, что их издание отдельной брошюрой сослужило бы хорошую службу обогащению нашей педагогической литературы». (См. некролог, напечатанный пр. Варнеке, ЖМНП. 1910 г., № 3). *При посещении классов этот «странный» окружный инспектор острым взглядом тотчас подмечал недочеты в преподавании, выяснял их причины и потом в дружеской и ласковой беседе с учителем умел «дать подходящее наставление – все это в такой мягкой и доброжелательной форме, что – *incredibile auditu*¹? – директоры и директриссы просили сами И. Ф. почаще посещать их и радовались таким посещениям, как настоящему празднику.⁷⁵* <Курсив – А. О.>.

Понятно, что описанный П. П. Митрофановым стиль работы Анненского в роли окружного инспектора был проникнут тем же духом, что и его гуманная, истинно педагогическая деятельность на посту директора Царскосельской гимназии. По цензурным условиям не обо всем мог сказать в своем очерке П. П. Митрофанов с полной ясностью.

Ведь, если окружное начальство проявило свое недовольство мягкостью Анненского в 1905 году, заменив его на посту директора гимназии в Царском Селе ретроградом Мором, – то и в роли окружного инспектора Анненский своей мягкой доброжелательностью снискал себе среди школьного персонала учебных заведений округа добрую славу, которая пришлась явно «не по нутру» сатрапам учебного ведомства и их чиновным прислужникам. Действия «этого

¹ Невероятно (*лат.*).

странного окружного инспектора», основанные на его взглядах «гуманного гуманиста», приводили его в неизбежное столкновение с реакционными администраторами, задававшими тон в управлении учебного округа.

Непереносимо тягостное состояние вызывали в душе Анненского «нравы», царившие в канцелярии. Это отображено с болью, гневом и мукой в его стихотворении «Бессонные ночи»:

Какой кошмар! Всё та же повесть...
И кто, злодей, ее снизал?
Опять там не пускали совесть
На зеркала воцеленных зал...

Опять там улыбались язве
И гоготали, славя злость...
Христа не распинали разве,
И то затем, что не пришлось...

Опять там каверзный вопросик
Спускали с плеч, не вороша.
И всё там было – злобность мосек
И пустодушье чинуша.

Но лжи и лести отдал дань я.
Бьет пять часов – пора домой;
И наг, и тесен угол мой...
Но до свиданья, до свиданья!

Мотив самоосуждения за подневольную свою причастность к этой враждебной ему чиновничьей среде звучит здесь в первой строке четвертой строфы: «Но лжи и лести отдал дань я». Реминисценция из евангельского мифа о крестных страданиях Христа, вошедшая в строфу вторую, усиливается символикой голгофы в пятой строфе, возникающей в сознании поэта, когда он бессонной ночью не находит себе покоя от пережитого за истекший мучительный день, а неумолчные звуки идущих часов предсказывают ему повторение страданий:

Так хорошо побыть без слов;
Когда до капли оцет⁷⁶ допит...

Цикада жадная часов,⁷⁷
Зачем твой бег меня торопит?
Всё знаю – ты права опять,
Права, без усталости токуя...
Но прав и я, – и дай мне спать,
Пока во сне еще не лу я.

В поэтических образах этого стихотворения проза повседневной службы окружного инспектора предстает перед нами как *гольгофа* страданий его души. Именно эта служба тяготила поэта-ученого, а не работа в Ученом комитете М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>.

Вот, что свидетельствовал П. П. Митрофанов о деятельности Анненского в этом высоком органе научной экспертизы: «Как член Ученого комитета он рецензировал все учебные книги по русскому языку и словесности, и доверие к его критике было настолько непоколебимым, что ни одно его заключение не было изменено Министерством, и, что еще замечательнее, не вызывало претензий со стороны авторов. Мало того, я знаю случаи, когда последние сами потом приезжали к нему и просили совета, научения и руководства».

Совершенно неоспоримо, что своей работой в Ученом комитете Анненский приносил огромную пользу народному образованию. Как высоко ценились рецензентские труды Анненского, видно из того факта, что он включался в состав комиссий, рассматривавших книги, представленные на соискание Пушкинских премий в 1903 году и премий Петра Великого в 1909 году, причем оба раза выполненные Анненским критические разборы произведений соискателей были удостоены золотых медалей. Суждение Т. А. Богданович, что Анненский относился к своей работе в Ученом комитете со щепетильной добросовестностью, справедливо, но ее же утверждение, что он якобы очень тяготился этой работой, – представляется нам ошибочным. Напротив, Валентин Кривич, наблюдавший работу отца за письменным столом каждодневно дома, замечал: «Работал он вообще очень легко, а про доклады в Ученый комитет М<инистерст>ва Пр<освещения>, членом которого он много лет состоял, весьма выразительно сказал как-то, что их “можно писать даже накануне смертной

казни”». ^{1/78} (Далее Валентин Кривич почти дословно повторяет то, что сказано П. П. Митрофановыми. – *А. О.*)

Отсюда можно заключить, что составление рецензентских докладов для Ученого комитета не было обременительным для Анненского занятием. Спору нет в том, что при плохом состоянии здоровья Анненского еженедельное присутствие по понедельникам за заседаниями Ученого комитета, длившихся по три с половиной часа, стало в последние годы его утомлять. Однако сама атмосфера этих заседаний, какой она предстает на машинописных страницах протоколов («журналов» по тогдашней терминологии), могла доставлять Анненскому немалую долю морального удовлетворения. В этой научно-экспертной коллегии собраны были крупные специалисты из числа профессуры по различным отраслям знаний, а председателем являлся известный ученый-математик, академик Н. Я. Сонин, хорошо знавший и высоко ценивший Анненского как ученого-филолога и выдающегося педагога.

Хотя Анненский не был университетским профессором, он стоял в комитете «на равной ноге» с профессурой, что имело, само по себе, для него престижное значение. В отдельных случаях для разработки решений по сложным и спорным вопросам комитет образовывал комиссии из числа своих членов (например, при рассмотрении московского проекта реформы русской орфографии в 1902 году) под председательством Анненского. Нельзя не заметить, что работа всех членов Ученого комитета оплачивалась одинаковой ставкой «вознаграждения за труды» по одной тысяче рублей в год, сверх содержания, получаемого ими по их штатным должностям. Такой гарантированный дополнительный заработок имел для Анненского реальное значение как подспорье в бюджете его семьи, особенно после того, как он лишился казенной директорской квартиры в Царскосельской гимназии при перемещении его на должность окружного инспектора.

Деятельность Ученого комитета М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> и участие в ней Анненского, продолжавшееся непрерывно около двенадцати лет, – это пока что совсем неразработанная

---

¹ Ср.: «...легко работал он и свою официальную работу, причем, в частности, про доклады в Ученый комитет шуточно говорил, что их можно писать даже накануне смертной казни» (*Кривич В. (Анненский В. И.) Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына. С. 98.*)

тема, заслуживающая детального исследования, которое потребует дальнейших трудоемких усилий биографов.¹

К настоящему времени мне удалось ознакомиться с этой сферой деятельности Анненского только за 1901 и 1902 год и за одиннадцать месяцев 1909 года – его последнего года жизни по документам: «журналам» комитета за указанные годы и по той части рецензий, которые согласно решениям комитета, были опубликованы за те же годы в ведомственном печатном органе – «Журнале Министерства народного просвещения». Но и такое выборочное ознакомление существенно пополнило ту информацию, которая дана в очерке П. П. Митрофанова, цитированном мною выше. Так, из этих документальных материалов видно, что Анненский давал компетентные заключения не только об учебных книгах, но и о собраниях сочинений классиков русских и иностранных (в русских переводах), а также о научно-популярных филологических изданиях при решении вопросов о комплектовании ученических библиотек. Письменные отзывы Анненского, содержавшие его авторитетные указания по улучшению качества таких изданий, Ученый комитет посылал издательским фирмам, требуя от них выполнения его указаний. Тем самым Анненский приобрел всероссийскую известность в книгоиздательских кругах. Участие Анненского в работе Ученого комитета способствовало публикации его переводов трагедий Еврипида, сопровождаемых его же статьями, на страницах ЖМНП. В апреле 1909 года Ученый комитет, заслушав рецензию Анненского, принял решение признать рассмотренное издание заслуживающим рекомендации особым циркуляром всем учебно-окружным начальствам для приобретения в ученические библиотеки учебных заведений. Ученый комитет подчинялся непосредственно Министерству. Вынесенные комитетом определения вступали в силу при постатейном их одобрении министром и товарищем (заместителем) министра. В своих решениях Ученый комитет не только совсем не зависел от попечителей учебных округов, но и нередко давал по предложению Министерства свои заключения на поступающие к министру от попечителей округов проекты по административно-педагогическим вопросам, причем не стеснялся подвергать такие

---

¹ В настоящее время опубликованы учено-комитетские рецензии Анненского: *Анненский Иннокентий*. Учено-комитетские рецензии. Вып. I–IV/ Под ред. А. И. Червякова. Иваново, 2000–2002.

проекты резкой негативной критике. Работа Анненского в Ученом комитете составляла такой круг его деятельности, в котором он был неподвластен своему учебно-окружному начальству и независим от последнего в своих суждениях. Доклады членов Ученого комитета именовались по тогдашней официальной терминологии «мнениями».

Изложенные в рецензентских докладах Анненского его мнения об учебных книгах по русскому языку принимались обычно в Ученом комитете без возражений и получали затем утверждение Министерства, как это и отметил П. П. Митрофанов. Но так бывало отнюдь не всегда.

Например, 4 мая 1909 года Ученый комитет, заслушав мнение Анненского об трехтомном издании полного собрания сочинений Шелли в переводе К. Д. Бальмонта (1903, 1904, 1907, СПб, Издание Т-ва «Знание»), вынес в согласии с положительной оценкой рецензента определение: «названное издание признать подлежащим внесению в список книг, заслуживающих внимания при пополнении ученических библиотек средне-учебных заведений». Однако одобрительной резолюции «Г-на Товарища Министра Г. К. Ульянова» на это определение не последовало. Такой исход, очевидно, связан с той реакцией, какую вызвал доклад Анненского «об основных мотивах современной поэзии», в котором он положительно оценил творческие достижения К. Д. Бальмонта, на заседании Неофилологического общества, состоявшемся 15 ноября 1904 года под председательством П. И. Вейнберга.⁷⁹

Выявившееся в данном вопросе несовпадение объективной позиции, занятой возглавляемым Н. Я. Сониным Ученым комитетом, с пристрастно-реакционными взглядами министерского руководства, была далеко не единственным случаем таких расхождений. Можно бы привести и другие примеры подобных расхождений.

Да и в самом Ученом комитете отнюдь не царил единомыслие среди его членов. К примеру, острые разногласия проявились при рассмотрении вопроса о допущении в качестве учебного руководства в учебных заведениях М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> книги ординарного профессора Казанского университета Е. Ф. Будде: Этимология. 2-е издание. Рецензирование ее было поручено трем лицам: Анненскому, члену особого отдела Ученого комитета А. Г. Филонову и академику Ф. Ф. Фортунатову. В своем докладе Анненский указал, что автор названной книги осуществил в ней

новый подход к предмету, представляющий большую ценность, что отличает его книгу от шаблонных учебников по этимологии. Председатель Н. Я. Сонин выразил свое резкое несогласие с Анненским, заметив, что языковедческие примечания написаны Е. Ф. Будде тяжелым языком и недоступны для понимания детей того возраста, в котором проходится этимология в средней школе, что для целей преподавания это совсем излишние положения. При голосовании к мнению Анненского – за безусловное допущение этой книги в качестве учебного руководства для средней школы присоединилось 4 из присутствовавших членов комитета; большинство же – 14 членов и, в их числе, второй рецензент А. Г. Филонов, присоединились к мнению председателя, проголосовав против такого допущения; третий рецензент акад. Ф. Ф. Фортунатов подал голос «за условное допущение». В итоге положительная оценка Анненским этой книги все же не была оставлена без внимания, так как определение Ученый комитет вынес компромиссное: «Допустить в ученические библиотеки средних учебных заведений Министерства для учащихся старшего возраста в качестве необязательного учебного пособия для учеников высших классов и в библиотеки учительских институтов и учительских семинарий, а для употребления в качестве учебного руководства в учебных заведениях Министерства признать названную книгу непригодной».

Еще более резкие разногласия, но с совсем иным распределением голосов, возникли при обсуждении в заседаниях Ученого комитета доклада члена комитета Я. Г. Мора 16 и 23 сентября 1902 года по вопросу: «О содержании пансионеров преподавателями средних учебных заведений в связи с вопросом о праве означенных преподавателей давать частные платные уроки».

Доклад на указанную административно-педагогическую тему был поручен Мору в связи с тем, что Министерство передало на заключение Ученого комитета ходатайство попечителя Московского учебного округа П. А. Некрасова о распространении на содержание учителями пансионеров ограничительных условий, установленных министерским циркуляром от 31 января 1902 года о праве преподавателей давать частные уроки. Приходится пояснить, что речь шла о циркулярном предложении, отданном попечителям всех учебных округов министром народного просвещения генерал-адъютантом

П. С. Ванновским⁸⁰ указанного числа: «Об условиях, при которых преподаватели средних учебных заведений могут давать уроки ученикам тех учебных заведений, в коих они состоят преподавателями». Текст этого директивного документа гласил:

По имеющимся в Министерстве народного просвещения сведениям, в некоторых из средних учебных заведений преподаватели дают частные, за плату, уроки не только ученикам учебных заведений, в коих они состоят преподавателями, но даже ученикам поддомственных им классов.

Принимая во внимание, что на этой почве нередко возникают крайне нежелательные недоразумения и нарекания на те учебные заведения, где подобные уроки допускаются, я, в отмену циркулярного предложения по Министерству народного просвещения от 17 ноября 1888 г. за № 16827, прошу Ваше превосходительство объявить по вверенному вам округ, что преподаватели средних учебных заведений, могут давать частные, за плату, уроки ученикам тех учебных заведений, в коих они состоят преподавателями не иначе, как с вашего, Милостивый Государь, разрешения по представлению директора учебного заведения и только в тех исключительных случаях, когда в городе не окажется преподавателей других учебных заведений или иных лиц, которые с успехом могли давать частные уроки нуждающимся к ним ученикам.

(ЖМНП. 1902. № 3. С. 71–72).

Докладчик Мор, стоявший за беспрекословное исполнение этого притеснительного циркуляра, высказался одобрительно и о ходатайстве П. А. Некрасова, т. е. за наложение таких же ограничительных условий на прием преподавателя к себе на дом пансионеров. Кроме того, в отношении преподавателей, дающих частные уроки ученикам тех учебных заведений, где эти преподаватели служат, Мор выдвинул от себя дополнительно требование: чтобы ученик, получавший частные уроки у одного преподавателя, экзаменовался бы у другого.

Выслушав мнение докладчика Мора, председатель Н. Я. Сонин выразил свое решительное несогласие с ним, доказав убедительно противозаконность ограничительных условий, введенных упомянутым циркуляром, а также их нецелесообразность и бессмысленность. «Ограничительные циркуляры – сказал Н. Я. Сонин – бессильны пресечь зло, против которого направлены». Он высказался за отмену

упомянутого циркуляра, хотя таковой был издан согласно заключению Ученого комитета в целях борьбы против злоупотреблений. Признав требования, поставленные в этом циркуляре, оскорбительными для педагогического персонала, Н. Я. Сонин предложил отнестись к этому делу объективно и указал, что накануне школьной реформы стало необходимым отменить этот ограничительный циркуляр, – заменив установленную в нем разрешительную систему явочной системой.

Анненский представил в письменном виде свое хорошо аргументированное «особое мнение» по рассматриваемому вопросу, прямо противоположное мнению Мора. Написанный Анненским документ приложен в подлиннике к копияному экземпляру журнала заседаний. Смело высказанное «особое мнение» Анненского содержит не только строго-логические доказательства правовой несостоятельности ограничительного министерского циркуляра и его абсурдности в педагогической точки зрения, но и следующие страстные строки в защиту человеческого достоинства и попираемой чести русского учительства. Привожу заключительную часть «особого мнения» Анненского:

Вопрос, поставленный на обсуждение Учёного Комитета, важен не только педагогическом и практическом отношении. Этот вопрос и нравственный, а в настоящее время он касается особенно чувствительного и наиболее места. Для общества, склонного к огульному унижению многострадальных работников средней школы, должно быть далеко не безразлично, как отнесется к вопросу о недоверии к русскому учителю учреждение столь высоко и компетентное, как Ученый Комитет, и станет ли оно своим веским мнением на сторону тех, которые мерят целый класс людей качествами недостойных его представителей.

И. Анненский.

(РГИА, ф. 734, оп. 3, д. 97, с. 727).

Текст особого мнения Анненского был оглашен в заседании полностью и, несомненно, повлиял на результаты голосования: только шесть членов (Беллярминов, Ивановский, Мор, Хвольсон, Шимкевич и Шляпкин) подали голоса за сохранение в силе изданного по данному вопросу циркулярного предложения министерства, а остальные двенадцать членов, присутствовавших в заседании (Анненский,

Бакст, Билибин, Глинка, Жданов, Ларонд, Палладин, Платонов, Помяловский, Э. Л. Радлов, В. В. Сиповский и Тураев), а также председатель признали необходимым заменить существующую регламентацию вопроса установлением простого заявления преподавателя педагогическому совету. При этом преположенная одним из членов оговорка, решительно воспрепятствующая преподавателю давать частные уроки ученикам своего класса, и предложение председателя внести в новое распоряжение Министерства указание на дисциплинарные последствия неподчинения преподавателя этому распоряжению, были отклонены: первая – большинством 10 голосов против 9, а второе – большинством 11 голосов против 8-ми (Там же, с. 711).

Столь незначительный перевес голосов при вотировании этих двух дополнений показывает, что почти половина участников заседания относилась с огульным недоверием к моральному уровню массы учителей средней школы, не вняв благородному призыву «рыцаря без страха и упрека учебного мира» – Анненского.

Лишь благодаря единодушной позиции, занятой при рассмотрении этого дела Н. Я. Сониным и Анненским, Ученый комитет вынес в итоге следующее *определение*:

Признать необходимым, чтобы ограничительные условия циркуляра Министерства по вопросу о праве преподавателей средних учебных заведений давать частные, за плату, уроки ученикам тех учебных заведений, где они состоят преподавателями, были отменены как несогласные с законом,⁸¹ не достигающие цели и обидные для всего педагогического сословия, и чтобы взамен их было издано распоряжение, подтверждающее за преподавателями как вышеупомянутое правило, так и право принимать учеников тех же заведений в пансионеры, но с возложением на преподавателя, принимающего ученика для занятий или в пансионеры, обязанности заявлять о том педагогическому совету, коему представляется в таком случае принимать зависящие меры к обеспечению беспристрастного отношения означенного преподавателя к своему делу (Там же). <Курсив. – А. О.>.

Однако солидарность между Анненским и Н. Я. Сониным по данному делу отнюдь не означает, что между ними не было принципиальных расхождений во взглядах и по иным важным

организационно-педагогическим вопросам. Напротив, есть кардинальный вопрос, в котором Анненский вместе с Е. П. Ковалевским⁸² и меньшинством Ученого комитета стоял на прогрессивных позициях, тогда как Н. Я. Сонин вместе с И. И. Холодником и большинством членов того же комитета исповедовал консервативные взгляды, совпадавшие с реакционными предначертаниями сатрапов учебного ведомства царской России.

Это выдвигавшийся самой жизнью общества вопрос о введении в средней школе совместного обучения и воспитания детей обоего пола. Так, в заседании Ученого комитета 14 сентября 1909 года был заслушан доклад на эту тему, написанный членом комитета профессором Историко-филологического института И. И. Холодником.

Докладчик основывался на тенденциозных данных анкеты, которую опубликовал от лица Баденского ферейна педагогов проф. Баумгартен, предвзято настроенный против совместного обучения. В докладе И. И. Холодника давались, кроме того, ссылки на резолюцию Баденского общества содействия среднему женскому образованию, а также на дебаты по этому вопросу, состоявшиеся в Прусском ландтаге, где социал-демократическая фракция ратовала за совместное обучение мальчиков и девочек, как за прогрессивный педагогический принцип.

Председатель Ученого комитета Н. Я. Сонин предпослал докладу И. И. Холодника пространные вступительные замечания, в которых подчеркивал свое отрицательное отношение к совместному обучению, заявляя, что оно «повело бы к замене для девочек свойственного их полу образования другим, свойственным мальчикам, а для девочек обременительным и бесцельным». Он напомнил, что Ученому комитету в соединенных заседаниях обоих разделов (основного и профессионально-технического) 3–31 октября 1901 года уже пришлось обсуждать по существу вопрос о совместном обучении при составлении Положения о частных учебных заведениях, причем тогда «большинство членов комитета высказалось в отрицательном смысле, но было и меньшинство, сочувствовавшее системе совместного обучения, и в состав этого меньшинства входил, между прочим, Е. П. Ковалевский, ныне Член Государственной Думы (III-го созыва – А. О.) и товарищ председателя думской комиссии по народному образованию. В силу этого, а также ввиду особого внимания, уделяемого Государственной Думой вопросам просвещения, можно

ожидать, что в Государственной Думе будет возбужден вопрос о совместном обучении. «В предвидении такой возможности, – сказал Н. Я. Сонин – я полагаю, что для Министерства должно представлять интерес то отношение к системе совместного обучения обоих полов, какое проявляется в компетентных лицах тех местностей, где таковая система введена. До сих пор, как известно, в Европе совместное обучение обоих полов практиковалось как нормальная система в государствах северных, а из государств Центральной Европы ее восприняло только Великое Герцогство Баденское. Сторонники совместного обучения ссылаются именно на последнее государство, видя в нем страну, с успехом продолжительное время осуществляющую идею совместного обучения при полном одобрении общества и профессиональных педагогов». «Весьма интересно будет, – заключал Н. Я. Сонин, – поэтому прослушать доклад, представленный И. И. Холодником. Доклад этот не имеет непосредственного отношения к какому-либо делу, находящемуся на рассмотрении Ученого комитета, и представлен И. И. Холодником *progrgio motu* (по собственному побуждению. – А. О.). Мы сможем принести докладчику нашу живейшую благодарность за труд, исполненный. Никаких постановлений делать, конечно, не придется, но я считал бы полезным представить этот доклад Г. Министру и напечатать его в ЖМНП».

Сам довольно длинный доклад И. И. Холодника содержал подробный пересказ односторонних сведений, тенденциозно собранных в «анкете» Баумгартена, якобы свидетельствующих «убедительно» против совместного обучения. Положительный же опыт, имевшийся в таких буржуазных государствах, как США и скандинавские страны, где совместное обучение широко и успешно применялось уже много лет на всех ступенях народного образования (от низшего до высшего), – совсем не упоминался в докладе И. И. Холодника. Умалчивал этот докладчик и о ценном в принципиальном отношении практическом опыте Бидэльской школы в Англии – «школы-семьи», созданной в сельской местности близ города Питерсфильда педагогом-новатором Д. Г. Бэдли.

Между тем на образце Бидэльской школы, но применительно к русской жизни и русским детям, учредила Е. С. Левицкая⁸³ в Царском Селе при активном содействии Анненского, решительной поддержке Г. Э. Зенгера⁸⁴ и деятельной позиции

В. А. Латышева,⁸⁵ начиная с 14 сентября 1900 года, класс за классом первое в России частное средне-учебное заведение с совместным обучением и воспитанием мальчиков и девочек. Оно получило 20 июня 1907 года особым «соизволением» (вне правил) права мужских гимназий для учащихся. Школа Левицкой, созданная в Царском Селе под эгидой Анненского – горячего поборника равноправия женщин – отметила уже 10 декабря 1908 года торжественным актом первый выпуск своих питомцев: двух мальчиков и двух девочек.⁸⁶

На этом выпускном акте Анненский выступил с речью, в которой осветил историю создания Школы Левицкой как начинания экспериментальной педагогики. Речь свою он закончил так: «Не праздничная размягченность чувств, а лишь вдумчивое отношение к законченному первому периоду в жизни Школы заставляет меня уже лично от себя прибавить к сказанному следующее: мы никогда не унывали, и наша история шла счастливо, – ровно настолько, чтобы дать необходимый искус осуществляемой мысли. Мы многим должны быть благодарны, но я не знаю ни одного имени, к которому могло бы относиться сегодня не только наше осуждение, но даже наш упрек».⁸⁷ Очевидно, по соображениям тактическим Анненский предпочел воздержаться от критических замечаний по адресу тех консервативных деятелей, которые, возглавляя в Петербурге бюрократический аппарат учебного ведомства, чинили преграды строительству этой принципиально новой школы.

В июне 1909 года, т. е. за три месяца до оглашения в Ученом комитете докладчика И. И. Холодняка, направленного против системы совместного обучения, вышел в свет в Петербурге отдельной книгой серьезный педагогический труд о Школе Левицкой.⁸⁸ Во вступительной статье к этой книге заведующий учебной частью Школы Владимир Иванович Орлов, сообщив краткие сведения о типе учебного заведения и полученных правах, дал подробную историческую справку о составлении учебного плана Школы, который явился результатом сложной работы целого ряда организационных собраний педагогического персонала, происходивших в течение 1905–1907 годов под председательством Анненского. Рассмотрены и обоснованы в указанной статье В. И. Орлова⁸⁹ также отступления, принятые в Школе Левицкой от действовавшего тогда учебного плана мужских

правительственных гимназий и сообщены дополнительные сведения о постановке учебного дела в Школе.

В означенной книге опубликованы программы учебных предметов, составленные для всех классов Школы Левицкой: двух приготовительных и семи основных. Восьмой класс (класс 1 а – по принятой в этой школе номенклатуре) занимался одно осеннее полугодие, заполненное конденсированным повторением всего учебного материала с дополнительными лекционными курсами, а выпускные испытания производились в зимнюю пору (ноябрь–декабрь). Такой выбор времени для экзаменационной сессии, проводимой под наблюдением депутатов от управления учебного округа, рационально обоснован в книге. В ней указано также, что пересмотр программ по отдельным предметам, согласно выработанному плану, был поручен предметным комиссиям под председательством заведующего учебной частью, по окончании работы которых был созван общий совет, где были согласованы требования отдельных предметов и составлена окончательная таблица классных уроков. Для ориентирования педагогов и родителей учащихся в книге напечатаны объяснительные записки к программе по девяти предметам курса, а в приложении помещен список учебников для старшей школы.

Деятельное участие Анненского в организационном процессе становления Школы Левицкой не ограничивалось его председательством на упомянутом выше большом ряде собраний педагогического персонала в качестве главы организационного Совета Школы, действовавшего в ее стенах. Кроме того, Анненский убедительно отстаивал идею создания Школы Левицкой в руководящих инстанциях учебного ведомства: в частности он выступал на эту тему в июне 1904 г. на заседании попечительского совета С-Петербургского учебного округа при обсуждении вопроса о совместном обучении (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 9227, л. 141–141 об.; 146–147), а осенью 1906 г. представил попечителю того же округа подробный доклад с положительной оценкой постановки учебно-воспитательного процесса в Школе Левицкой. На такие сообщения Анненского опирался управляющий учебным округом В. А. Латышев, сочувственно относившийся к Школе Левицкой, в своих представлениях в Министерство об исходатайствовании особых актов (в отступление от действовавшего законодательства) для сохранения в старших классах этой школы совместного обучения

и дарования ей прав мужских гимназий для учащихся (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 9227, л. 161–161 об., 168–170 об.).

Заметным для современников по своей необычности событием в истории среднего образования в России 1900-х годов явилось завершение под эгидой Анненского первого периода становления Школы Левицкой: получение этой новой по педагогическим принципам школой прав мужских гимназий и первый выпуск ее питомцев обоего пола, получивших полноправные аттестаты зрелости, которые открывали для них возможность поступления в высшую школу без вступительных испытаний.⁹⁰

Символической эмблемой этой Школы Анненский и Левицкая избрали цветок подснежника – первого вестника прихода весны. Изображение подснежника, вышитое шелками на круглых матерчатых кокардочках, красовалось на головных уборах учащихся Школы Левицкой, а вырезанные из кости миниатюрные цветки подснежника прикреплялись к лацканам синих парадных костюмов учащихся выпускного класса. Да и на флагштоке главного здания Школы развевался флаг с увеличенным изображением цветка подснежника на красном поле в качестве своеобразного школьного «герба». Принятая в Школе Левицкой форменная одежда своей полной несхожестью с формой правительственных средних учебных заведений как мужских, так и женских, – как бы подчеркивала новизну типа этой школы.

В петербургском педагогическом мире и его официальных кругах было достаточно известно о лекторской работе Анненского на Бестужевских Высших женских курсах в 1890 году и на Высших историко-литературных курсах Н. П. Раева в 1908–1909 годах. В преемственной логической связи с преподавательской деятельностью Анненского в области женского высшего образования возник у него активный сочувственный интерес к идее совместного обучения и воспитания детей обоего пола в средней школе. Его непосредственное творческое руководящее участие в воплощении этой прогрессивной педагогической идеи в жизнь при создании в 1900-х годах Школы Левицкой получило в ту пору известность среди русских педагогов.

Понятно, что для Анненского был совершенно неприемлем предвзятый архаический взгляд, высказанный на Ученом комитете Н. Я. Сониным, о «бесцельности и обременительности для девочек» образования «свойственного мальчикам». Такой взгляд исходил

из ложной реакционной концепции интеллектуального неравенства полов. Эта «домостроевская» концепция опровергалась даже практическим опытом тех немногих из министерских женских гимназий, в которых введено было факультативное преподавание латинского языка. Знание последнего в объеме курса мужских гимназий требовалось для подготовки выпускниц к поступлению в гуманитарные и медицинские высшие учебные заведения, т. е. для приобретения девушками «мужских» интеллигентных профессий. Еще убедительнее опровергалась концепция мнимой женской «умственной неполноценности» первыми плодотворными результатами, достигнутыми Школой Левицкой.

Несмотря на вынужденную ограниченность масштаба педагогического эксперимента, выполненного в Царском Селе под руководством Анненского Школой Левицкой, – успех, достигнутый в нем, не остался бесследным. Он оказался способен поколебать прочность господствовавшей в дореволюционной России, как и в большинстве стран Западной Европы, системы раздельного обучения мальчиков и девочек в средней школе. Это вызвало встревоженную реакцию в руководящих сферах учебного ведомства самодержавной России, а среди передовой части педагогов – стремление распространить царскосельский опыт новаторских исканий на другие местности Российской империи (Тифлис, Новочеркасск).

Выступление Н. Я. Сониной и доклад И. И. Холодняка, направленные против прогрессивной системы совместного обучения, служили целям псевдонаучного обоснования реакционной школьной политики царского правительства. То была своего рода «контратака» сторонников официальной системы раздельного обучения, предпринятая год спустя после того, как усилиями Анненского и его единомышленников в Царском Селе была достигнута первая в России скромная, но воодушевляющая победа идеи совместного воспитания и обучения.

На заседании 14 сентября 1909 года Анненский в Ученом комитете присутствовал, но выступать с возражениями докладчику он счел, по-видимому, излишним и бесполезным. Известно, что Анненский отличался сдержанностью и избегал открытой полемики со своими противниками. К тому же царскосельский его опыт был в принципиальном и практическом отношении гораздо совершеннее баденского. Ведь Школа Левицкой изначально создавалась как новое

учебное заведение с совместным воспитанием и обучением, рассчитанное в основе своей на пансионеров. Что касается опыта совместного обучения в баденских школах, то он имел, конечно, определенное положительное значение. Недостатки же его, обрисованные по «анкете» Баумгартена в реферативном докладе И. И. Холодняка, проистекали из того, что совместное обучение осуществлялось там механически: путем приема приходящих девочек в существовавшие издавна мужские гимназии, в которых организовывались «смешанные классы».

Единственно, что можно заметить: в числе подписей всех присутствующих членов Ученого комитета в конце журнала заседания от 14 сентября 1909 года подпись Анненского в этом документе отсутствует. Вероятно, таким воздержанием своим от подписывания Анненский выразил свое несогласие с выводами доклада И. И. Холодняка и мнением председателя Н. Я. Сонины.

В журнале этого заседания, к которому Анненский воздержался «приложить руку», зафиксировано: «Ученый комитет признал желательным напечатать доклад И. И. Холодняка в Журнале Министерства народного просвещения и полагал представить оный на благоусмотрение г. Министра».

Ниже такого решения в копийном экземпляре воспроизведено машинописью с подлинника:

Резолюция Г. Министра.

Прочел с величайшим интересом и полагал бы тоже желательным напечатать доклад в ЖМНП
27 сентября 1909 г. (Шварц⁹¹)

В результате доклад И. И. Холодняка был вскоре опубликован в официальном печатном органе Министерства в виде статьи «О совместном обучении в Баденском герцогстве» в качестве назидания для работников русской средней школы (ЖМНП. 1909. № 12. С. 88–95). <...>

Так и крупный ученый-математик академик Н. Я. Сонин, проявлявший нередко в ряде своих выступлений в Ученом комитете Министерства народного просвещения по различным вопросам либеральное свободомыслие суждений, оказался, в силу «сложности и противоречивости человеческой натуры», единомышленником реакционера Шварца

в своем отрицательном отношении к прогрессивной системе совместного обучения детей обоего пола в средних учебных заведениях.

В 1910 году, на десятом месяце после внезапной смерти Анненского выпестованная им Школа Левицкой отметила десятилетие со дня основания. На состоявшемся 14 сентября 1910 года в Школе Левицкой юбилейном торжественном заседании прозвучали в докладе заведующего учебной частью В. И. Орлова следующие искренние взволнованные слова, посвященные памяти поэта-педагога:

Незабвенна будет для Школы память того, кто был восприимчивом ее первых дней, кто бескорыстно отдавал свои силы на создание учебного ее строя до того самого дня, когда преждевременная смерть отняла его у Школы. Покойный Анненский, только он один, с его изящной духовной организацией, мог воспринять идею совместного воспитания с тем живым сочувствием, которое доступно по отношению к новой мысли лишь исключительным натурам, и содействовать ее проведению в жизнь. Сам поэт, он в сердце человека видел красоту и понимал высокую радость незаметного для массы педагогического труда.

В докладе своем В. И. Орлов так сформулировал трудовой нравственный принцип, положенный в основу учебно-воспитательного процесса, как единого целого, в Школе Левицкой: «Атмосфера серьезного труда, проникнутого сознанием долга, возложенного на всех людей, по мере сил и возрастов, вот та здоровая атмосфера, в которой зреет нормальная человеческая личность».

В своем историческом очерке он не обошел тех трудностей, с преодолением которых было сопряжено создание Школы Левицкой: «Большие препятствия встречала до недавнего времени частная инициатива в школьном деле и на Западе, и особенно у нас в России. История школы Левицкой представляет в этом отношении наглядный пример. Нужна была глубокая вера в истинность своей идеи, железная настойчивость и сила духа, чтобы преодолеть то сопротивление, с которым эта идея встретила при первых попытках своего осуществления. Непризнанная еще даже теоретически в нашем обществе, она должна была казаться утопической и опасной для мира официального. И только сила ясных убеждений могла понемногу поколебать недоверие власти, шаг за шагом, открывавшей Школе

возможность дальнейшего развития особым исключительным путем исходатайствования целого ряда “соизволений”». ⁹²

Сестра одной из первых учениц Школы Левицкой молодая поэтесса Лина Аренс прочитала в том же юбилейном заседании свое стихотворение, в образах которого раскрываются символический смысл школьной эмблемы и те препятствия, какие пришлось преодолевать Школе на пройденном пути:

Из отталой земли показался цветок,
Белоснежный, красивый и чистый,
Хрупок тонкий казался его стебелёк,
Зато венчик большой и лучистый.
И казалось порой, что снега и мороз
Лепестки его люто загубят,
Но цветок берегли, он окреп и подрос,
И его уже многие любят. ⁹³

Пусть эти стихи по-девичьи наивны и несовершенно по форме, но они правдивы и искренни по содержанию. За строками о тех, кто сберег цветок подснежника от губительной силы лютого мороза, видится нам и светлый образ поэта-гуманиста Анненского, любившего в жизни, по собственному признанию, только три вещи: «людей, книги и цветы».

Пожалуй, примечательно, что юбилейное заседание по поводу десятилетия основания Школы Левицкой, в создании которой плодотворно осуществилась идея совместного обучения и воспитания, – состоялось ровно через год, день в день, после того, как эта прогрессивная идея подверглась, в безмолвном присутствии Анненского, опорочиванию на заседании Ученого комитета в речи Н. Я. Сониной и докладе И. И. Холодняка.

Устами и трудами продолжателей своего дела, соратников и единомышленников своих Анненский дал свою посмертную отповедь хулителям той новаторской педагогической идеи, защитником и проводником которой он неуклонно служил в последнее десятилетие своей жизни, далеко опережая свое время.

Известно, что всеобщее применение система совместного обучения в нашей стране получила лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции и проведения в 1918 году

советской школьной реформы. Все ценное из творческих исканий передовых русских педагогов было использовано при выработке Положения о Советской Единой трудовой школе – в том числе и прогрессивные принципы, содержащиеся в опыте Школы Левицкой.⁹⁴

Дальнейшее кропотливое изучение документов Ученого комитета М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> за все годы работы в нем Анненского сулит исследователям возможность воссоздать фактическую картину деятельности этого коллегиального экспертного органа, включая и противоборство взглядов в нем по вопросам, входившим в его компетенцию. Это поможет раскрыть с большей полнотой тот существенный вклад, который внес Анненский в историю русской педагогики и практику школьного дела. <...>

Нас чрезвычайно радует, что <...> на факультете русского языка таджикского государственного университета им. В. И. Ленина в последнее время внимание методистов-русистов привлечено к научно-педагогическому наследию Анненского. Об этом свидетельствует опубликованная недавно в Душанбе в сборнике научных трудов названного университета работа доцента Александра Константиновича Власова, в которой высоко оценен созвучный с потребностями нашего времени, новаторский научно-методический подход поэта-филолога к проблеме обучения русскому языку.⁹⁵

Весьма примечательно также, что и другая сторона многогранного творческого наследия Анненского – исполинский его переводческий труд по созданию «русского Еврипида» служит ныне приобщению таджикского народа к непреходящим ценностям античной драматургии: трагедия Еврипида «Медея», переведенная со стихотворного русского перевода Анненского на таджикский язык молодым поэтом Файзуллой,⁹⁶ вошла в репертуар государственного драматического театра в столице Таджикской ССР.

Опосредованное влияние гуманистической школы Анненского в сфере художественного перевода на последующее развитие межнациональных и международных культурных связей в эпоху социализма мы видим и на примерах творчества таких талантливых советских писателей, как бывшие его ученики по Царско-сельской гимназии: Павел Болеславович Зенкевич (1886–1938) и Михаил Иванович Травчетов (1889–1941). Так П. Б. Зенкевич своими переводами произведений новейших украинских

прозаиков и драматургов и дружеским общением с ними способствовал укреплению содружества украинской и русской советской литератур и обогащению репертуара русских театров пьесами украинских советских авторов. В тот же период М. И. Травчетов, став крупным знатоком языков и литератур народов романской группы, завершил свой жизненный путь поэта и ученого литературным подвигом: создал уникальный стихотворный перевод грандиозной народной эпопеи «португальского Гомера» XVI века Луиса Камоэнса «Лузиады».⁹⁷

¹ Федоров Андрей. Поэтическое творчество Иннокентия Анненского // *Анненский Иннокентий*. Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 5–60. <К моменту работы А. В. Орлова над рукописью своего исследования монография А. В. Федорова «Иннокентий Анненский. Личность и творчество» еще не была издана. Она выйдет в свет только в 1984 г.>.

² Кривич Валентин. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // *Литературная мысль. Альманах*. III. Л., 1925. С. 208–255. <Далее по тексту <Кривич> с указанием страницы>.

³ См.: Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 171–172.

⁴ См.: методическую работу ленинградских историков-архивоведов: Малкова З. И., Плюхина М. А. Документы высших и центральных учреждений XIX – начала XX веков как источники биографических сведений // *Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX–начала XX веков*. Л., 1967. С. 204–238.

⁵ См. обширный библиографический свод таких опубликованных источников в настольной книге, вышедшей под редакцией известного московского историка проф. П. А. Зайончковского уже двумя изданиями: *Справочники по истории дореволюционной России. Библиография*. М., 1971; 2-е изд., доп. М., 1978.

⁶ Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии // *История и генеалогия*. М., 1977. С. 57–59.

⁷ Это справедливо отмечено: Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая категория // *Литературное наследие декабристов*. Л., 1975. С. 66–69.

⁸ См.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; *Она же*. К вопросу о выборе профессии интеллигенции в России XIX века // *Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию М. В. Нечкиной*. М., 1976. С. 209–219.

⁹ См.: Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе // *Вспомогательные исторические дисциплины*. VII. Л., 1976. С. 43–56.

¹⁰ Об этом весьма своеобразном по истории создания, замыслу и задачам военно-учебном заведении см.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 452. Приведенные же в РБС РИО <Русский биографический словарь Российского исторического общества. В 25 т. Т. II. СПб., 1900. С. 202–203> сведения, что Н. И. Анненский – соученик М. М. Сперанского по Петербургской главной духовной семинарии не подтвердились при моей проверке. Ошибкой оказалось так же

указание, что он умер «в Москве». На самом деле он скончался в Петербурге в 1845 г., где и похоронен на Смоленском кладбище.

¹¹ Эта версия даже в несколько усиленной форме, проникла в последнее время и в массовую историко-краеведческую литературу. Так, <...> Г. Г. Бунатян <...> пишет: «В Сибири семья Анненских прожила недолго и вскоре переехала в Петербург, где жила до этого» (*Бунатян Г. Г. Город Муз. Литературные памятные места г. Пушкина*. Л., 1975. С. 221).

¹² Здесь нет возможности излагать сложное кляузное дело, которое повлекло за собой серьезное наказание юрисконсульта Н. И. Анненского, представляющееся нам, по всей видимости, несправедливым.

¹³ *Нистрем Карл*. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 г. СПб., 1837. С. 17.

¹⁴ *Нистрем Карл*. Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей на 1844 год. Т. 2. С. 539.

¹⁵ Департамент уделов управлял многочисленными именными царских родственников.

¹⁶ Губернский орган финансового ведомства с многообразными функциями учета и контроля.

¹⁷ См.: *Шепелев Л. Е.* Отмененные историей. Чины, звания и титулы Российской империи. Л., 1977. С. 32, 53.

¹⁸ См.: *Богданович С. А.* Владимир Галактионович Короленко в семье Анненских-Богдановичей // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М.; Л., 1962. С. 435–455; *Она же*. В те баснословные года // Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1977. С. 33–52.

¹⁹ См.: Русское богатство. 1912. № 9. С. 172.

²⁰ В биографической справке о Богданович Татьяне Александровне, помещенной за подписью Е. Р. Арензон в КЛЭ (Т. 9, доп. С. 134–135), допущены грубые фактические ошибки: а) место смерти обозначено неверно: «Ленинград»; на самом деле она умерла и похоронена в Свердловске, где подлежит разысканию ее затерявшаяся могила; б) неправильно указано, что Т. А. окончила якобы «исторический факультет» Высших женских курсов. В дореволюционной России таких факультетов не существовало и в университетах, а имелись факультеты историко-филологические, подразделявшиеся на разряды: словесный и исторический. С-Петербургские Высшие женские курсы («Бестужевские») имели в своей структуре не факультеты, а *отделения*. Эти Высшие курсы Татьяна Александровна Криль (Богданович) окончила в 1896 г. в XII выпуске по *историко-филологическому отделению*. См. опубликованный официально список окончивших С-Петербургские Высшие курсы за 1882–1889 и 1892–1911 гг. (СПб., 1911) (РГИА, справочная библиотека, ф. 76148, порядковый по списку № 1289). При переиздании КЛЭ, необходимо устранить эти искажения. <Данные «искажения» в настоящее время устранены К. А. Кумпан при публикации биографической справки о Т. А. Богданович для биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (Т. 1. М., 1989. С. 301–302)>.

²¹ *Матвеев В. М.* Санкт-Петербургский путеводитель на 1856 г. С. 12.

²² Скупое упоминание об этом портрете есть в описании кабинета И. Ф. Анненского в мемуарах его сына: «Желтая прабабка привычно мертво улыбается над старым вольтеровским креслом» <*Кривич*, 210>. Судьба этой семейной реликвии нам неизвестна. Вероятно, портрет утрачен.

²³ *Нистрем Карл*. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 г. С. 238.

²⁴ См.: письмо Е. А. Энгельгардта к В. Д. Вольховскому от 22 января 1831 г. (*Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей 1811–1843. СПб, 1911. С. 314–315).

²⁵ Н. И. Анненский был зачислен «на службу» в корпус «чужестранных единоверцев» (греческий корпус) 1 мая 1785 г. в 12-тилетнем возрасте с чином фурьера. Находясь в греческом корпусе, Н. И. Анненский последовательно повышался в чинах: в 1786 г. – сержант, в 1794 – артиллерии штык-юнкер. В 1796 г. греческий кадетский корпус был расформирован, причем одна часть его воспитанников перешла во 2-й кадетский корпус (сухопутный), а другая – в Морской кадетский корпус. Н. И. Анненский попал во 2-й кадетский корпус. 19 декабря 1796 г. произведен по «Высочайшему повелению» в артиллерию подпоручики и по ликвидации греческого корпуса переведен в январе 1797 г. в Главную Артиллерию артиллерии поручиком и определен в батальон бывшего Артиллерии генерала Мелисина. Со 2 декабря того же года Н. И. Анненский «по Высочайшему приказу 1797 г. Ноября 20 дня уволен к статским делам и определен во 2-й кадетский корпус Секретарем по Штату» и 11 декабря того же года «за добросовестную службу награжден чином Титулярного Советника». В дальнейшем он последовательно повышался в чинах и проходил службу в различных должностях центрального аппарата Российской империи: с 1802 г. – по ведомству Кабинета ЕИВ правителем дел при статс-секретаре тайном советнике Михаиле Никитиче Муравьеве <...> и с 1810 года – по департаменту Министерства юстиции юрис-консултом (РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 81, № 24, л. 300–301; оп. 4, д. 169, л. 35–37 об.).

Н. И. Анненский являлся типичным представителем той «просвещенной бюрократии», которая создавалась в центральном государственном аппарате в начале царствования Александра I усилиями М. М. Сперанского. К этим реформаторским трудам стал сопричастен и Н. И. Анненский своим участием в комиссии составления законов, как первого, так и второго ее составов. В формулярных его списках эти страницы служебной деятельности не отображены, но мне удалось их восстановить по печатным источникам. Так, на 1805 г. по Министерству юстиции коллежский советник Н. И. Анненский состоял в штате комиссии составления законов младшим помощником референдаря 3-й экспедиции. Последняя ведала, по-видимому, вопросами международного права, так как в нее входил актуарий от Коллегии иностранных дел (А-К. 1805. Ч. I. С. 162). Младший помощник референдаря этой комиссии имел оклад содержания 1500 р. в год (Книга штатов. 1804. С. 36). Затем в заново учрежденной по именному указу 1809 г. Комиссии составления законов иной структуры, где управляющим делопроизводством состоял сам статс-секретарь граф М. М. Сперанский, – имелось 2-е отделение, ведавшее выработкой Уголовного уложения. В нем Н. И. Анненский, уже в чине статского советника, занимал должность помощника начальника с окладом в 1500 р. в год (ПСЗ. Т. XXX. 1809. С. 862).

<...> Н. И. Анненский, занимавший заметное положение по службе при высших сановниках царствования Александра I, получил в 1804 г. потомственное дворянство «за заслугами по службе гражданской» (за чин коллежского советника) с пожалованием ему герба, внесенного в Общий гербовник Российской империи. Биография этого разночинца-поповича, ставшего «родоначальником» беспоместных служилых дворян Анненских, представляет немалый исторический интерес для освещения проблемы формирования чиновничества и интеллигенции в XIX веке.

Анненский родился через десять лет после смерти своего деда и, насколько нам известно, нигде про него не упоминал. Полностью умалчивал о своем прадеде и Валентин Иннокентьевич Анненский (Кривич). О причинах такого умолчания мы можем только догадываться.

²⁶ Смыкаться с разночинским мировоззрением по своей психологии и выбору трудовой деятельности стали выпущенные в офицеры из 2-го и 1-го кадетских корпусов: второй из старших сыновей Н. И. Анненского – Павел (род. в 1810) и самый младший пятый его сын – Андрей (род. в 1820). Так, Павел Николаевич Анненский получил значительную известность как рисовальщик-карикатурист и автор иллюстраций к первому изданию «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина и пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке». См. о Павле Анненском-рисовальщике, авторе карикатур, упоминание в материалах для биографического словаря Императорского Русского исторического общества. (Т. 60. СПб., 1887. С. 21), а также статью о нем в библиографическом словаре «Художники народов СССР» (Т. 1. М., 1970. С. 16. В инициале отчества подлежит исправлению ошибка: напечатанное «И» надо исправить «Н»). Работу в этой публицистической отрасли изобразительного искусства и сотрудничество в либерально-оппозиционном журнале А. В. Старчевского «Сын Отечества» он предпочел успешной военной карьере, которая ему питомцу 2-го кадетского корпуса и «крестнику» императора Александра I была обеспечена.

²⁷ Подобным же духом проникся и младший из дядей Анненского – поручик гвардейской и гренадерской артиллерии Андрей Николаевич Анненский, блестяще окончивший курс Военной академии и уже причисленный к Генеральному штабу. Он опубликовал отдельной книгой ценный для своего времени оригинальный труд по военной географии Европейской части России. См.: *Анненский А. Н.* Очерк главнейших военных соображений с кратким военно-географическим взглядом на Западные границы России и в особенности в Финляндии. СПб., 1845. Но в то же время настоял на своем увольнении с военной службы, мотивируя свою просьбу желанием заниматься педагогической работой в частном порядке. Этим он навлек на себя гнев Николая I, «повелевшего» просьбу его об увольнении с военной службы удовлетворить, но впредь его и на гражданскую службу не определять. В 1844 г. «по высочайшему повелению» поручика Андрея Анненского уволили от службы «по домашним обстоятельствам» штабс-капитаном (РГИА, ф. 395, оп. 35, д. 378, л. 1–24).

²⁸ Список воспитаниц Императорского воспитательного общества благородных девиц. Выпуски 1776–1914 гг. Пг., 1915. С. 515, 534. См. также: *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк 1764–1914. Т. 1–3. СПб.; Пг., 1914–1915. Приложение.

²⁹ Управляющим делами Комитета министров в 1862 г., когда это дело завершилось, был бывший министр внутренних дел статс-секретарь П. А. Валуев, осветивший ход рассмотрения в своем дневнике. См.: *Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* В 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 110–111, 154–155, 179, 198–199, 396. Публикация проф. П. А. Зайончковского.

³⁰ В полученном мною от заведующей отделом научной информации Госархива Омской области В. Б. Шепелевой официальном сопроводительном письме от 31.03.82 за № 01-23/63 к высланным ею микрофотокопиям ряда документов, относящихся к службе Ф. Н. Анненского и его старшего сына Николая Федоровича, мне сообщено, между прочим, что «в фонде Главного Управления Западной Сибири находится дело о приобретении в казну дома действительной статской советницей Анненской для помещения в нем Омской городской больницы» (ф. 3, оп. 3, д. 413). Подробности указанной сделки потребуют дальнейшего выяснения, уже сейчас можно заключить, что Ф. Н. Анненский и его супруга Наталия Петровна приобрели (либо построили заново) для нужд их семейства дом, причем достаточно просторный, коль скоро в нем

могла разместиться Омская городская больница. Отсюда можно предположить, что они предпочли обзавестись в г. Омске собственным удобным жильем, а не ютиться в тесной чиновничьей казенной квартире внутри крепости. Откуда были добыты денежные средства на этот «благоприобретенный» дом, мы еще не знаем. За самим Ф. Н. Анненским в его формулярном списке никакой недвижимости не значилось. Возможно, что нужной для этого суммой денег располагала Н. П. Анненская лично, получив свою долю из карамолинского наследства. Что же касается акта продажи ею этого дома в казну, то, вероятнее всего, это было предпринято в связи с выездом их семьи из Омска в Томск, а затем и в Петербург.

³¹ См.: Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. СПб., 1892. С. 49.

³² До этого Ф. Н. Анненский выезжал из Сибири лишь один раз в отпуск в 1852 г. На 28 дней зимой по санному пути.

³³ Все четыре сестры Анненского были старше его по возрасту. <...> нам известно из формулярного списка Ф. Н. Анненского на 1874 г., что <...> вышли впоследствии замуж: Наталья – за потомственного почетного гражданина Мартьянова, а Александра – за надворного советника Крамера (РГИА, ф. 1284, оп. 76, д. 67, л. 115–115 об.).

³⁴ Когда именно отправился Ф. Н. Анненский с семьей из Западной Сибири в Петербург (и сколько времени занял этот переезд), – установить по документам не удалось. Прибытие же их семейства в Петербург датировано нами, в соответствии с его докладной запиской, «не позднее 19 мая 1860 года». По семейному преданию, сообщенному в мемуарном очерке Валентина Кривича-Анненского, маленького Иннокентия везли из Сибири в меховом мешке в сопровождении няни (бывшей крепостной). Естественно, что в юношеской своей автобиографии Анненский смог лишь очень приблизительно датировать ту «тяжелую и долговременную болезнь», которая, как он образно выразился, его «посетила», отметив, что это случилось: «в 1860-м году, около времени переезда семейства нашего из Сибири в С-Петербург» <См.: Орлов А. В. Юношеская биография Иннокентия Анненского. С. 173>. Перенес ли он эту болезнь где-то в начале 1860 г., т. е. еще до выезда, захворал ли он в пути – во время самого переезда, или же он заболел сразу по прибытии родительской семьи в столицу? Имеющиеся источники не содержат ответа на то, какой из трех равно возможных вариантов датировки заболевания маленького Кени нам следует принять за истинный. Надо иметь в виду, что отъезд семьи Федора Николаевича из Сибири в Петербург был, по-видимому, хорошо организован главой семьи, причем старший брат Иннокентия – Николай Федорович не сопутствовал родителям в этом путешествии, т. к. он отправился в столицу раньше отъезда отца и других членов семьи. Это выяснено мною в ноябре 1979 г. при изучении формулярного списка о службе Николая Федоровича Анненского (РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 113). Из записей в таковом видно, что он по окончании полного курса наук в Сибирском кадетском корпусе Высочайшим ЕИВ приказом 16 июня 1859 г. за № 26 произведен для определения к статским делам в губернские секретари, «с наименованием отличнейшим в формулярном списке и со внесением имени его на светло-мраморную доску заведения», а также, что «согласно его прошению он определен на службу в число канцелярских чиновников Томского общего губернского управления с 22 августа 1859 года». Но прослужив там всего четыре месяца, Н. Ф. Анненский с 5 января 1860 г. получил из Томска отпуск на 28 дней в город Омск, откуда был по прошению отпущен генерал-губернатором с 30 января 1860 г. на два месяца в Петербург. В срок он обратно из Петербурга к месту службы не явился, а прислал на имя генерал-губернатора

Западной Сибири прошение, по которому последовало 27 мая 1860 г. увольнение его в отставку для поступления в С-Петербургский университет с обязательством, по окончании университетского курса, дослужить срок обязательной службы в Сибири. Однако по Высочайшему повелению, изъясненному в отношении генерал-губернатора Западной Сибири от 21 августа 1864 г. за № 2124, Н. Ф. Анненский был «в виде изъятия и не в пример другим, освобожден от обязательной службы в Сибири». В формулярном его списке зафиксировано: «По окончании университетского курса в С-Петербургском университете удостоен звания кандидата, в чем выдан ему диплом за № 2040 – 1868 г. Июня 30» (Там же, л. 14 об.–15). Эти сведения уточнены мною по документальным материалам архивного фонда Петербургского университета, хранящимся в ЦГИА СПб. Из них выяснено, что Н. Ф. Анненский в числе студентов не значился, а получил разрешение посещать лекции на положении «вольнслушателя» и, следовательно, экзаменовался за курс университета экстерном. Мною выявлена представленная Н. Ф. Анненским 28 мая 1868 г. в юридическую испытательную комиссию этого университета диссертация на соискание степени *кандидата прав*. Она посвящена одной из проблем финансового права и озаглавлена: «О формальной стороне современной русской финансовой системы, сравнительно с порядком, принятым в этом отношении в государствах Западной Европы» (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 11, д. 445, л. 51). В ней подробно рассмотрены финансовые системы Бельгии, Австрии, Англии, Франции – их достоинства и недостатки. Изложено историческое развитие русской финансовой системы и смело отмечен диссертантом остающийся главный ее недостаток: «казенность», «неучастие общества в определении своих пожертвований». По существу, такой тезис Н. Ф. Анненского являлся острой критикой финансовой системы российского самодержавия. На уникальном экземпляре этой неопубликованной диссертации сделаны пометы о коллоквиуме, который провел с соискателем приват-доцент В. Лебедев в присутствии профессора Михайлова.

Диссертация визирована деканом юридического факультета Ивановским и признана «удовлетворяющей той цели, для которой писана», хотя, по мнению В. Лебедева, она «носит на себе признаки поспешности работы». Упомянуемого в формулярном списке кандидатского диплома Н. Ф. Анненского не обнаружено в виде дубликата-отпуска в делах фонда 14 ЦГИА СПб и в его служебном личном деле отсутствует подлинник диплома. Очевидно, он находился у него на руках. Экзаменационных листов, по которым он сдавал испытания в университете, тоже не обнаружено. Поэтому мы не можем указать, какие оценки получил Н. Ф. Анненский по предметам курса юридического факультета, хотя и предполагаем, что экзаменаторы в юридической испытательной комиссии дали ему высокие оценки. Совсем не просто было получить Н. Ф. Анненскому разрешение посещать лекции в С-Петербургском университете. Университетская администрация оказалась неправомочна самостоятельно выдать ему такое разрешение, и ему пришлось испрашивать на то согласие Министерства внутренних дел. Об это свидетельствует переписка, зарегистрированная в фондах этого Министерства: РГИА, ф. 1284, оп. 76 (№ 6), д. 97 за 1860 г. 2-го отделения, 3-го стола Департамента общих дел Министерства внутренних дел, на трех листах, решенное 16 сентября 1860 г.: «По прошению Губернского Секретаря Анненского о выдаче ему свидетельства для посещения лекций в С-Петербургском университете». Означенное дело помечено в указанной описи штампом: «Выбыло».

Получив 30 июня 1868 г. диплом кандидата прав С-Петербургского университета, Н. Ф. Анненский уже 19 августа 1868 г. был причислен к Государственному Контролю

с содержанием 800 рублей в год, а 17 декабря того же года утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством с 31 мая 1868 г. По ведомству Государственного Контроля он прослужил в Петербурге по 28 декабря 1873 г. Во главе этого ведомства состоял крупный специалист в области государственных финансов В. А. Татаринов – выдающийся государственный деятель, принадлежащий к племени «либеральной бюрократии» 1860-х годов. По его инициативе был введен принцип единства кассы, имевший важное значение для упорядочения государственного бюджета. По его же проекту и была создана независимая ревизионная инстанция – Государственный Контроль, который сыграл «большую роль в ограничении возможности массового казнокрадства и всякого злоупотребления». (См.: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 189). Молодой талантливый и эрудированный юрист, специализировавшийся по финансовому праву, Н. Ф. Анненский привлек к себе внимание Татаринова и его сотрудников своими деловыми качествами и прогрессивными демократическими взглядами. На протяжении службы Н. Ф. Анненского в центральном аппарате Государственного Контроля, продолжавшейся более пяти лет, он занимал должности чиновника I-й экспедиции канцелярии, а с 19 ноября 1871 г. его откомандировали в распоряжение Товарища (т. е. заместителя) Государственного Контроля «для занятий по усмотрению его», что означало исполнение функций помощника при этом высокопоставленном должностном лице. В том же году 28 сентября Н. Ф. Анненского произвели в обычном порядке за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 31 мая 1871 г. В течение периода работы его в Государственном Контроле его систематически поощряли материально: в 1869 г. оклад содержания ему увеличили до 1000 р. в год, а в 1870 г. в награду «за особые труды» выплатили 250 р. одновременно и в том же году увеличили ему жалованье до 1500 р. в год, затем – в 1871 г. до 1800 р. в год и в том же году – оклад повысили до 2000 р., а с апреля 1873 г. к этому годовому окладу ему назначили добавочное жалованье по 500 р. в год. Таким образом, к последнему году своей службы по ведомству Государственного Контроля Н. Ф. Анненский имел годовой оклад содержания в 2500 р. (в том числе: жалованья основного – 840 р. 60 к., столовых – 424 р. 59 к. и добавочных – 1234 р. 81 к.). Мы видим, что работа в Государственном Контроле, соответствовавшая высокой квалификации Николая Федоровича и приемлемая для него политически, давала ему хороший заработок: несмотря на то, что он находился еще в невысоком гражданском чине IX класса (чин титулярного советника соответствовал по Табели о рангах военному обер-офицерскому чину капитана), он получал денежного содержания в центральном аппарате этого ревизионного ведомства в столице лишь немногим меньше, чем получал его отец по должности председателя Томского губернского правления, имея «генеральский» чин действительного статского советника. Между тем, как свидетельствовала в своих воспоминаниях Александра Никитична Ткачева-Анненская, Федор Николаевич был против поступления сына своего Николая на юридический факультет, настаивая, чтобы он, имея сверхотличный аттестат, полученный в Сибирском кадетском корпусе, определился бы на службу в М<инистерство> в<нутренних> д<ел>. От поступления на службу в М<инистерство> в<нутренних> д<ел> Н. Ф. Анненский отказался наотрез, предпочтя зарабатывать себе на жизнь частными уроками, что отмечено выше. Когда же Николай Федорович поступил по окончании университетского курса в Государственный Контроль, он вскоре же подвергся первому аресту за связь свою с двоюродным его братом Петром Никитичем Ткачевым. Последний участвовал в начале 1860-х гг. в студенческой забастовке протеста про-

тив университетской контрреформы и отсидел несколько месяцев в Кронштадтской крепости по делу нечаевцев, а затем был арестован по «делу Баллода». П. Н. Ткачев – писатель и революционер-экстремист, родной брат Александры Никитичны Ткачевой – писательницы и педагога, которая в 1866 г. стала женой Николая Федоровича Анненского. В 1868 г. летом П. Н. Ткачев жил у своего деверя Н. Ф. Анненского на даче в Лесном, а с осени того же года поселился в петербургской квартире, которую Н. Ф. снял на Летней конной площади. Весной 1869 г. Петра Ткачева арестовали, а в ночь на 1 декабря 1869 г. арестовали и Николая Федоровича. Родство с П. Н. Ткачевым стоило ему трех месяцев заключения в крепости, что не помешало продолжать службу в Государственном Контроле. За отсутствием улик против Н. Ф. Анненского его освободили из-под стражи и в 1871 г. Кандидат прав Н. Ф. Анненский допрашивался как свидетель защиты на процессе «нечаевцев» по делу П. Н. Ткачева. Знаменитый либеральный адвокат и ученый правовед Владимир Данилович Спасович речь свою в защиту Ткачева построил, в значительной мере, на свидетельских показаниях Н. Ф. Анненского, которого он назвал «одним из самых близких к Ткачеву людей». См.: Стенографический отчет о судебном процессе «нечаевцев» (Правительственный вестник. 1871. №№ 155–206; допрос свидетеля Н. Ф. Анненского – № 161. С. 3–4; речь защитника В. Д. Спасовича – № 167). В результате попытки царского правительства учинить над П. Н. Ткачевым расправу была сорвана, и ему был вынесен предельно мягкий приговор: зачтен в наказание срок предварительного заключения и последовало освобождение обвиняемого Ткачева из-под стражи с высылкой под надзор полиции в г. Великие Луки Псковской губернии, неподалеку от коего находилось имение Ткачевых. Оттуда П. Н. Ткачеву вскоре удалось скрыться и эмигрировать во Францию.

³⁵ В ином роде проявил свое плебейское пренебрежение к кастовым дворянским предрассудка третий старший дядя Анненского – Александр Николаевич Анненский (род. в 1811), отлично окончивший курс Благородного пансиона при С-Петербургском университете. Он с 1827 г. служил на протяжении 15-ти лет по Министерству финансов – сначала в департаменте разных податей и сборов, а с 1840-го в Особой канцелярии кредитной части, дослужившись в этом ведомстве до должности начальника отделения и чина статского советника, получая денежные награды. В 1842 г. его переместили в Министерство внутренних дел, где он тоже весьма преуспевал в своей чиновничьей карьере, награждался орденами и знаком отличия беспорочной службы и был произведен за отличие в действительные статские советники, занимая должность вице-директора департамента общих дел и заведую одновременно делами Совета Министерства с правом доклада по этим делам непосредственно министру. А. Н. Анненский составил юбилейный апологетический обзор законодательных актов, изданных за 25 лет царствования Николая I, за который получил от этого самодержца в награду драгоценный перстень. Под конец его административной карьеры, уже в царствование Александра II, когда во главе Министерства внутренних дел стоял генерал-адъютант Д. Г. Бибииков, последовало в марте 1855 г. назначение А. Н. Анненского исправляющим должность Черниговского гражданского губернатора, где всплыли наружу его личное своекорыстие и крутой самодурский нрав. Официально он по формуляру числился холостым, состоя в фактическом браке с женщиной простолюдинкой Ефросиньей, имевшей законного мужа – унтер-офицера одного из гвардейских полков, которому А. Н. Анненский выплачивал денежную «компенсацию». Видимо, он любил эту свою фактическую жену, прижив с нею четверых детей еще в Петербурге, где эта связь оставалась незаметной. Переехав к месту своего назначения на административ-

ный пост в Чернигов, он выписал туда эту свою нелегальную семью, и стал жить с нею открыто, подчиняясь всякого рода прихотям своей Ефросиньи, которая не стеснялась афишировать интимную близость с ним. На робкие протесты местных ревнителей нравственности А. Н. Анненский отвечал вежливо, но решительно, что просит их «не вмешиваться в его частную жизнь».

Негласная информация по поводу этой «предосудительной» связи и некоторых противозаконных поступков А. Н. Анненского быстро донеслась в 1856 г. в столицу к начальнику III отделения князю В. А. Долгорукову и новому министру внутренних дел статс-секретарю С. С. Ланскому. В результате Александр II «повелел» объявить ему «высочайшее замечание», а в январе 1857 г. А. Н. Анненского уволили в отставку (РГИА, ф. 1284, оп. 41, д. 32, л. 6а, 49–63 об.; д. 135, л. 1–3 об.). Такой служебной катастрофой завершилась карьера верноподданного высокопоставленного чиновника Александра Анненского, когда он шокировал провинциальное «общество» своим свободомыслием в вопросах семьи и брака.

³⁶ См.: *Корвин-Пиотровский К. В.* Календарь Черниговской губернии на 1887 год. Чернигов, 1886. С. 492.

³⁷ См.: *Деникер И. Е.* Воспоминания. С предисловием и примечаниями Ш. М. Левина // Каторга и ссылка. М., 1924. №4 (11) С. 20–43.

³⁸ *Анненская А. Н.* Из прошлых лет. (Воспоминания о Н. Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 1. с. 71–72.

³⁹ См. справку о Деникер в американском биографическом словаре знаменитых мировых ученых: «Кто есть кто», изданном Мэрквисом на английском языке. (Миссури, 1968. С. 443).

⁴⁰ Подлинник этого документа Анненский, получив его от своего отца, имел на руках. Он представлял его трижды в соответствующие учебные заведения: 1) в гимназию Человеколюбивого общества, когда экзаменовался при ней экстерном на получение «свидетельства зрелости»; 2) в канцелярию С-Петербургского университета при поступлении на историко-филологический факультет этого университета (то и другое в 1875 г., причем оба раза получал его обратно по миновании у учебного начальства надобности в нем); 3) в гимназию Ф. Ф. Бычкова в 1879 г. при своем определении туда на службу. В последнем случае Анненский при своем убытии из гимназии Я. Г. Гуревича в 1891 г. к месту нового назначения в Киев, на должность директора Коллегии Павла Галагана, имел право получить свое метрическое свидетельство обратно, как и другие свои подлинные документы, но он почему-то этим правом не воспользовался. Трудно сказать с уверенностью, почему именно: то ли потому, что находил для себя удобным хранить свои документы не у себя дома, а в более надежном месте – в гимназии, которую возглавлял дружески к нему расположенный Я. Г. Гуревич? Или же, может быть, потому что Анненский, в отличие от своего отца-чиновника, тщательно собиравшего и сохранившего все свои документы – совсем не ценил своих документов и был к ним равнодушен, ставя духовные ценности выше официальных бумаг? <Более подробно о метрическом свидетельстве Анненского см.: *Орлов А. В.* Юношеская биография Иннокентия Анненского. С. 169–173>.

⁴¹ О С. Я. Знаменском, его отношениях с декабристами и культурной его деятельности см.: *Штрайх С. Я.* Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951; *Пуцун И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. См. также: *Роцеский П. И.* Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск, 1975; *Лукина Т. А.* Вопросы биологии в трактате И. Д. Якушкина о сущности жизни // Декабристы и русская культура. Л., 1975

С. 333–340; *Копылов А. Н., Малышева М. П.* Декабристы и просвещение Сибири в первой половине XIX века // *Декабристы и Сибирь*. Новороссийск, 1977. С. 89–108.

⁴² Более подробные сведения об этом возведенном в «святые» клерикале – выходеце из знатного дворянского рода, даны в апологетической статье, помещенной в РБС РИО <Русский биографический словарь. Т. VIII. СПб., 1897. С. 108–109>.

⁴³ О нем см.: Там же. С. 121, 122; СИЭ. Т. 3. С. 341; БСЭ. 3-е изд. Т. 4. С. 511–512.

⁴⁴ *Иннокентий*. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840.

⁴⁵ См.: *Модзалевский Б. Л.* Список членов Императорской Академии Наук. 1725–1907. СПб., 1908. С. 99.

⁴⁶ См. письмо О. П. Хмара-Барщевской к В. И. Анненскому (Кривичу) от 7 февраля 1917 г. (*Тименчик Р. Д.* О составе сборника И. Анненского «Кипарисовый ларец» // *Вопросы литературы*. 1978. № 8. С. 307–311). Уместно здесь же отметить, что упоминаемый выше любимый внук поэта Валентин Платонович Хмара-Барщевский (1895–1944) с честью выполнил завещание деда: «всегда служи своей земле / она тебя вскормила». Он после кратковременной службы в старой армии работал в народном хозяйстве, затем с 1926 по 1933 г. служил командиром в инженерных войсках Красной Армии под Москвой, был демобилизован, вследствие болезни, работал в системе Метростроя, получил инвалидность и был снят с военного учета. С началом Великой Отечественной войны он пошел в народное ополчение, но через месяц его отчислили, ввиду резкого ухудшения состояния его здоровья. В августе 1941 г. он вместе с женой, Наталией Владимировной, работавшей на авиационном заводе, был эвакуирован в Казань. Там он и умер от рака и похоронен на кладбище поселка Лесные Моркваши в 20 км от Казани. Овдовевшая Наталия Владимировна Хмара-Барщевская, урожденная Штейн (1885–1975) вернулась вместе с дочерью Наталией Валентиновной (в замужестве Томбаевой, род. в 1916) из эвакуации в 1945 г. в Москву, где прожила 30 лет и скончалась на руках у дочери, достигнув 90-летнего возраста. Часть сообщаемых мною сведений о В. П. Хмара-Барщевском и его семье была мне известна лично до 1917 г. по Царскому Селу, т. к. он и Наталия Владимировна Анненская (жена Валентина Кривича по первому браку, ставшая затем женою В. П. Хмара-Барщевского), бывали у моих родителей вплоть до отъезда В. П. Хмара-Барщевского летом 1917 г. с маршевой ротой на фронт, а затем нам довелось встречаться с ним в начале 1930-х гг. Дети – Наташа и Кеня были тогда школьниками-подростками. Последующее стало мне известно, когда удалось разыскать следы этой семьи, и я обменялся письмами с Н. В. Томбаевой (она специалист-фармацевт высшей квалификации, руководящий работник московской аптечной сети). Ее брат – Иннокентий Валентинович Хмара-Барщевский, окончив в 1935 г. политехникум связи, работал на авиационном заводе и в июне 1941 г. ушел на фронт Великой Отечественной войны, был дважды ранен. В 1944 г. его уже в звании гвардии майора направили на учебу в Военную академию, но он заявил, что «учиться успеет по окончании войны и что ему еще нужно побывать в Берлине». Как боевого советского офицера, имевшего польскую фамилию, и коммуниста его направили в Войско Польское. Он пал от рук диверсантов в апреле 1945 г. и похоронен в Лодзи с воинскими почестями.

⁴⁷ *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых*. Т. IV. СПб., 1897–1904. С. 342.

⁴⁸ См.: *Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 352–354, 385. <См. также: *Петрова Г. В.* О «ранних годах жизни» А. Фета (из архива В. И. Анненского-Кривича) // *А. А. Фет и русская литература*. Курск, 2002. С. 127–132>.

⁴⁹ См.: *Тименчик Р. Д.* О составе сборника И. Анненского «Кипарисовый ларец».

⁵⁰ Там же. С. 314.

⁵¹ См. также: *Бобринский Александр, граф*. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. II. С. 602.

⁵² См.: Петербургский некрополь. Т. 1. С. 393–394.

⁵³ Это – *Сливицкий* Петр Михайлович (около 1840–1862), подпоручик 4-го стрелкового батальона, начальник фехтовальной команды, составленной из рядовых разных частей 2-го корпуса 1 армии и дислоцированной в окрестностях Варшавы. Он происходил из беспоместных дворян Харьковской губернии, числился по вероисповеданию православным, был выпущен в офицеры в Петербурге из Павловского кадетского корпуса в июне 1859 г. Вместе со своим товарищем по выпуску Арнгольдом Иваном Николаевичем (1841–1862) поручиком 4-го стрелкового батальона и унтер-офицером того же батальона Ростовским Францишеском он вел революционную пропаганду среди солдат своего подразделения при содействии рядового Л. Щура. Весной 1862 г. группа П. М. Сливицкого была арестована по доносу, сделанному поручиком 16-го стрелкового батальона Иваном Михайловичем Сливицким (родным братом Петра). Группа эта являлась ячейкой революционной организации русских офицеров, действовавших в войсковых частях на всей территории Царства Польского. Группе П. М. Сливицкого инкриминировалось «распространение среди нижних чинов дерзких слухов о царской семье, превратное толкование реформы по крестьянскому вопросу в Царстве Польском, возбуждение солдат к неповиновению начальству. Участники группы П. М. Сливицкого были преданы Военно-полевому суду «за распространение между нижними чинами крайне зловерных идей, имевших целью поколебать в них дух верности и повиновения законным властям. П. М. Сливицкий, И. Н. Арнгольд и Ф. Ростовский были приговорены к смертельной казни через расстреляние, а рядовой Л. Щур – к мучительному телесному наказанию. Приговор подтвердил наместник царя Александра II. Осужденных к расстрелу перевели в крепость Модлин (Новогеоргиевск), где смертный приговор был приведен в исполнение 16 июня 1862 г. Весть об этой кровавой расправе дошла к А. И. Герцену, и он выразил на страницах «Колокола» свое сочувствие ее жертвам и гневное негодование по адресу российского самодержавия и его верных слуг за это судебное злодейство. (См.: *Дьяков В. А.* Деятели русского и польского освободительного движения. Библиографический словарь. М., 1967 и более подробно в сборнике: Русско-польские революционные связи. В 2 т. М., 1963. Серия: «Восстание 1863 года. Документы и материалы»).

⁵⁴ См.: *Федоров А. В.* Указ. соч. С. 7–8.

⁵⁵ Сообщено мне Р. Д. Тименчиком, подлинник – РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 294.

⁵⁶ Сноска Кривича: «Генералы были похожи друг на друга тем, что оба одинаково ничего не понимают в вопросах народного просвещения. Но Глазов откровенно по-солдатски, а не лишенный хитрецы Ванновский – притворяется понимающим. От Глазова даже с фотографии густо несет беспросветной ограниченностью. Ванновский в мягкой престарелости своей поддерживается только массажем, для чего его привычный, бывший ротный фельдшер-массажист получает назначение чиновником особых поручений при Министерстве и в качестве служебных занятий, трет своего шефа в нужные часы, вливая в члены его высокопревосходительства необходимую отечеству государственную бодрость... Генералов сменяет проф. Зверев, потом городской голова гр. И. И. Толстой, с товарищем м-ра Герасимовым, фактически ворочающим всеми делами... Министерская чехарда принимает страшные размеры.

Среди этого смятения кратковременно проскальзывает Зенгер, высококультурный образованный человек». (Курсив – А. О.). <Кривич В. (Анненский В. И.). Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына. С. 87>.

⁵⁷ <Там же>.

⁵⁸ *Анненский И.* Первые шаги в изучении словесности. Два сообщения в собрании преподавателей русского языка при педагогическом музее военно-учебных заведений. СПб., 1888. С. 4.

⁵⁹ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. С. 28.

⁶⁰ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 67; освещение других событий того же периода дано на основе этой же монографии, с использованием данных из позднейшей монографии: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке.

⁶¹ См.: *Мицкевич Адам.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. С. 246–254: «Петербург» и «Памятник Петру Великому». Эти произведения Мицкевича, написанные им в эмиграции, находились под запретом царской цензуры, но едва ли можно сомневаться в том, что Анненскому они были хорошо известны. Анненский, владевший в совершенстве польским языком, был глубоким знатоком и тонким ценителем поэзии Мицкевича, в оригиналах хорошо знал и критически рассматривал все русские переводы его творений, вышедших в XIX веке. Анненский затрагивал тему «Пушкин и Мицкевич» в критической статье «А. Н. Майков и педагогическое значение его поэзии», подвергнув в ней эстетико-критическому разбору майковские переводы Крымских сонетов, причем предлагал сопоставлять заключительное шестие первого сонета Мицкевича с соответствующим отрывком из пушкинского «Пророка». <См.: КО, 296–299>. Примечательно, что свою знаменитую речь «Пушкин и Царское Село» Анненский завершил строкой из поэтического воспоминания Пушкина о Мицкевиче: «Он между нами жил». (Там же. С. 321). В недавно вышедшей интересной монографии Л. К. Долгополова «На рубеже веков – о русской литературе конца XIX – начала XX века. (Л., 1977), главам 6 и 7, посвященным литературоведческому анализу романа Андрея Белого «Петербург», предпослана глава 5, освещающая в историко-литературном аспекте тему: «Миф о Петербурге и его преобразование в начале века». К сожалению, в ней дано слишком краткое, хотя и правильное, суждение о стихотворении Анненского «Петербург». (Там же. С. 181). У Л. К. Долгополова нет ни слова о соотносимости этого произведения Анненского с указанными стихотворениями Мицкевича, с которыми «Петербург» нашего поэта представляется мне созвучным по духу.

⁶² Вторая речь была мало известна, она обнаружена мной среди официальных отчетных документов, напечатанных в юбилейном служебном издании «Сведения об Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе 1898–1899 уч. год». (СПб, 1900. С. 25–28). Новая ее публикация была подготовлена мною для тома критической прозы Анненского, изданного в текущем году в серии «Литературные памятники» (<См.: КО, 496–498, 669>).

⁶³ Мор Яков Георгиевич (1840–1914) из беспоместных прибалтийских немцев-дворян. Окончил Дерптскую учительскую семинарию в 1859 г., служил первые пять лет учителем начальных училищ в прибалтийских губерниях Российской империи. Оставив в 1864 г. эту службу, поступил учиться на историко-филологический факультет Дерптского университета, курс которого окончил в 1868 г. по отделению древне-классической филологии посредственно (со степенью «действительного студента»), но с права-

ми старшего учителя гимназий. Преподавал с 1869 г. древние языки в прогимназиях Брест-Литовска и Витебска. С 1873 г. его перевели на преподавательскую службу по той же специальности в Петербург, где этот верноподданный немец, очень плохо владевший русской разговорной речью, приобрел себе у реакционного окружного начальства, как исполнительный служака-чиновник, репутацию образцового администратора-педагога, ревнителя системы схоластического казенного «классицизма» графа Д. А. Толстого, снискавшего всеобщую ненависть в широких слоях русского общества. К 1980-м гг. Мор занимал директорские посты в петербургских гимназиях: 5-й, а затем 8-й. С 1893 по 1895 г. он служил окружным инспектором С-Петербургского учебного округа, а на освободившуюся при таком перемещении директорскую вакансию в 8-ю гимназию перевели из Киева Анненского (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 8236). По столичному учебному округу Мор участвовал во многих программных комиссиях и педагогических выставках, выполнял ревизии средних учебных заведений и состоял председателем Особого испытательного комитета, в котором экзаменовались лица, нуждавшиеся в получении различных свидетельств об образовании. С января 1896 г. Мора назначили директором 6-й С-Петербургской гимназии и одновременно – членом Ученого комитета М-инистерства <народного> просвещения, в котором на него возложили исключительно оценивание учебных книг по немецкому языку. Лишь крайне редко ему поручали доклады по административно-педагогическим вопросам <...>. Из 6-й гимназии его перевели в январе 1906 г. на место Анненского директором Императорской Николаевской гимназии в Царское Село. Будучи закоснелым консерватором в педагогике, Мор относился враждебно к прогрессивной идее совместного обучения детей обоего пола. Так, он высказывался резко отрицательно по этому вопросу против точки зрения Анненского на заседании попечительского совета, созданном В. А. Латышевым в июне 1904 г. (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 9227, л. 141–147). Можно сказать, что Мор был в тогдешнем педагогическом мире прямым антиподом Анненского, являя собой одну из самых мрачных тупоголовых, а вместе с тем и комично-анекдотических фигур учебного ведомства царской России конца XIX–начала XX вв. Он прослужил по этому ведомству 50 лет, получая беспрепятственно пять раз по своим прошениям продление пребывания на службе за пределами установленного 25-летнего срока. Мор имел все положенные по рангу действительного статского советника «Высочайшие» награды до ордена св. Анны I степени включительно, а в 1913 г. за его «заслуги» перед самодержавием он был «Всемилютейше пожалован чином тайного советника вне правил» (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 16935, л. 120–209). На Мора прозрачно намекал П. П. Митрофанов (см. с. 185–187 наст. публ.), говоря об «особах этого ведомства». В противоположность Мору, Анненский относился равнодушно к «Высочайшим» наградам. Он никогда не фотографировался при тех «регалиях», какие по действовавшим правилам о наградах были ему «пожалованы» автоматически при прохождении службы по учебному ведомству. Характерно, что по обычному годовому «Высочайшему» приказу о награждениях чиновников гражданского ведомства Анненскому в числе других лиц в списке М-инистерства <народного> просвещения еще успели «пожаловать» очередной орден, следовавший ему к 1 января 1905 г., а именно – св. Владимира 3-й степени, который полагалось носить на шею, причем не только при парадной форме одежды, но и при повседневной. Однако Анненский, надевая сюртук, не навешивал себе Владимирский крест на шею, предпочитая носить у лацкана сюртука золотую медаль, которой он был премирован по Учебному комитету («лауреатская медаль» в переводе на термины нашего времени). К январю 1907 г. канцелярия попечителя С-Петербургского учебного округа оформила на окружного

инспектора Анненского и представила в Министерство наградной список об исходатайствовании положенного ему по чину за служебные отличия ордена св. Станислава 1-й степени (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 16874, л. 14–14 об.). Однако же указанное представление осталось втуне: награждения не последовало. Можно догадываться о причинах, по которым это представление было остановлено без последствий: видимо, причины тут совпали с теми, по которым либеральный директор-гуманист Анненский был спешно заменен мракобесом Мором в январе 1906 г. в Царскосельской гимназии (РГИА, ф. 740, оп. 3, д. 1, л. 1–26; ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 16874, л. 105–117, 127–133).

⁶⁴ М. О. Меньшиков жил в Царском Селе, он участвовал в одном из родительских совещаний созданных Анненским. (См. с. 155 наст. публ.) Сын Меньшикова учился в Царскосельской гимназии.

⁶⁵ Федоров А. Указ. соч. С. 7.

⁶⁶ История революционного подвига лейтенанта Петра Петровича Шмидта, возглавившего в Севастополе руководимое большевиками восстание черноморских матросов в октябре–ноябре 1905 г. и по воле народа принявшего на себя командование флотом, кровавое подавление этого героического восстания 15 ноября 1905 г. царскими сатрапами генералом Меллером-Закомельским и адмиралом Чухниным – вызвали широкие отклики в рядах рабочего класса России и среди всех революционно-демократических слоев русского общества, в том числе и среди учащейся молодежи. Возмущенно реагировало на зверскую расправу над участниками восстания и демократическая зарубежная печать. Это встревожило царское правительство, побудив министра внутренних дел П. Н. Дурново обратиться к военному министру Редигеру 21 ноября 1905 г. с предложением опубликовать правительственное сообщение о севастопольских событиях, прислав официальные документы о восстании. Однако обнародование правительственного сообщения опередила выходявшая в Петербурге большевистская газета «Новая жизнь», и прокламации Петербургского совета рабочих депутатов удавалось доставлять в Царское Село, революционно настроенная часть гимназистов-старшеклассников была хорошо осведомлена об этих событиях. <...> Охваченный страхом и злобой хозяин царскосельского дворца последний российский самодержец Николай II требовал скорейшей расправы над П. П. Шмидтом и революционными матросами Севастополя.

Это засвидетельствовано в телеграмме морского министра А. А. Бирилева, посланной в начале декабря 1905 г. адмиралу Г. П. Чухнину в Севастополь. В ней сообщалось, что царь не доволен, «почему так долго медлится дело бунтовщика Шмидта и матросов», что он с нетерпением спросил после доклада министра о состоянии черноморского флота: «когда, наконец, будет покончено с этим изменником?» (Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. Документы и материалы. М., 1951. С. 246).

Дело П. П. Шмидта было выделено в особый процесс по личному «повелению» Николая II. (Там же. С. 528). Военно-морской суд над лейтенантом П. П. Шмидтом и его тремя ближайшими соратниками матросами, состоялся в феврале 1906 г.

На казни обвиняемых особенно настаивали министр внутренних дел Дурново и военный министр Редигер. (Там же. С. 531). Лейтенант П. П. Шмидт и матросы С. П. Частник, А. И. Гладков, Н. Г. Антоненко были приговорены к смертной казни. При этом следуя прямым личным указаниям Николая II, первоначально П. П. Шмидту в судебном приговоре была объявлена смертная казнь через повешение, но даже среди отъявленных уголовников, из которых царские власти вербовали обычно палачей, не нашлось ни одного для исполнения этого приговора. Поэтому повешение было

заменено расстрелом. Осужденные были доставлены под усиленным конвоем на безлюдный островок Березань 6 марта 1906 г. и в 8 часов утра расстреляны. Командовал исполнением приговора однокурсник П. П. Шмидта по морскому кадетскому корпусу старший офицер канонерской лодки «Терец» М. Ставраки. Это канлодка первой в ноябре 1905 г. открыла артиллерийский огонь по восставшим кораблям и на ее же старшего офицера возложена была Чухниным роль палача. Несгибаемое мужество, с каким держались П. П. Шмидт, С. П. Частник, А. И. Гладков и Н. Г. Антоненко в зале суда и на месте казни, быстро получило всенародную известность. По всей России поднялась бурная волна протестующих демонстраций. Изданный революционной печатью массовым тиражом фотографический портрет лейтенанта Шмидта получил широкое распространение в виде почтовой открытки повсеместно нелегальным путем, не взирая на наложенный запрет. Несколько экземпляров этой запретной открытки раздобыли из Петербурга и царскосельские гимназисты. Одной из своеобразных форм выражения народного преклонения перед революционным подвигом офицера-демократа Петра Шмидта явились демонстративные церковные панихиды, посвященные его памяти. Среди меньшинства духовенства, особенно провинциального, нашлись отдельные священники, настроенные сочувственно к борцам революции. Они по просьбе своих прихожан, а иногда по собственной инициативе брались выполнять такие траурно-торжественные богослужения в поминовение «новопреставленного раба божия, убиенного воина Петра». (Обряд церковной панихиды не именует усопшего по фамилии, но присутствующим было известно, а властям нетрудно догадаться, о каком именно «воине Петре» совершается заупокойная молитва).

Уже через три дня после расстрела, а именно 9 марта 1906 г. министр внутренних дел П. Н. Дурново разослал шифрованную телеграмму всем губернаторам и районным начальникам следующего содержания: «Никакие демонстративные панихиды или демонстрации по поводу казни лейтенанта Шмидта ни под каким видом и во чтобы то ни стало не должны быть допускаемы». (Там же. С. 312). Не подлежит сомнению, что и Синод по своей линии преподал аналогичные указания всему духовенству православной церкви в негласном порядке. Персональный же состав духовенства Царского Села вообще и царскосельских учебных заведений, особенно, всегда подбирался из «безупречно» верноподданных лиц. Это обстоятельство совершенно исключало какую-либо их причастность к панихидам по лейтенанте Шмидте. Надо заметить, что само заявление, открыто выраженное учащимися коллективным их желанием отслужить панихиду в домовый церкви о казненном герое революции лейтенанте Петре Шмидте, уже составляло с правительственной точки зрения криминал, являясь смелой политической демонстрацией против самодержавия. То, что им было отказано исполнить это их желание, не меняло существа дела.

Такого рода политическая демонстрация учащихся старших классов, вызвавшая тревогу в полицейском аппарате царскосельской резиденции и обеспокоившее высокопоставленных начальников учебного ведомства в Петербурге, действительно состоялось, в марте 1906 г. в двух царскосельских учебных заведениях: в мужской гимназии, где со 2 января 1906 г. директоромствовал Я. Г. Мор и в реальном училище, носившем «имя Императора Николая II», где заболевшего директора И. И. Фомилианта, замещал в те дни и. о. инспектора И. М. Шамаев (эвакуированный из Порт-Артура педагог-математик).

<...>...здесь очень коротко следующее:

1) Из донесения И. М. Шамаева попечителю Петербургского учебного округа гр. А. А. Бобринскому видно, что ученики реального училища обратились 8 марта 1906 г.

перед обычной общей утренней молитвой к законоучителю священнику Н. А. Беляеву непосредственно с просьбой отслужить панихиду по казненному лейтенанте Шмидте; в просьбе этой священник отказал, заявив, что «молиться по умершему можно, но делать церковь ареной политических демонстраций он никогда не согласится и панихиды служить не станет». После этого ученики, расходясь с молитвы по классам, запели в коридоре марсельезу, и. д. директора Шамаев стал требовать прекратить пение. В течение учебного дня, на переменах, особенно на большой, несколько раз в разных местах собирались большие группы учеников и начинали пение марсельезы и «вечной памяти».

Шамаев добивался прекращения пения. В конце же учебного дня ученики 5 класса (этот класс в 1906 г. был самым старшим, так как училище открылось лишь в 1900) обратились к Шамаеву с просьбой разрешить им отслужить в училищной церкви панихиду, в чем им было отказано. На следующий день, 9 марта, первым уроком в 5 классе был «Закон Божий», и ученики встретили приход священника пением марсельезы, которая продолжалась недолго. В конце своего донесения И. М. Шамаев добавил: «о происшедшем в училище 8 и 9 было сообщено мною тогда же окружному инспектору И. Ф. Анненскому» (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10236, л. 270–273).

2) Отвечая на запрос попечителя округа гр. А. А. Бобринского от 20 марта 1906 г., директор Царкосельской мужской гимназии Я. Г. Мор донес «относительно нарушения порядка в гимназии 10 марта сего года», что утром 10 марта до начала 1 урока ученики обращались к нему с просьбой разрешить отслужить панихиду по лейтенанте Шмидте и, получив отказ, спокойно разошлись по классам на уроки. «Но в первую перемену ученики, преимущественно старших классов, запели сперва в большом рекреационном зале какой-то похоронный марш, а потом уже, по окончании 2 перемены спустясь из пансиона вниз по лестнице, – “марсельезу”, причем, к сожалению, оба раза главными участниками демонстрации и запевалями являлись пансионеры». Мор стремясь преуменьшить события, добавляет, что «как в зале, так и во второй раз, в коридоре пение продолжалось только несколько минут», что, дескать, значительное большинство учеников, по-видимому, поддавалось его, Мора, «увещаниям», по возможности отделялось от учеников-демонстрантов, так что последние в скором времени «прекратили пение и при первом же звонке вместе с другими учениками совершенно спокойно расходились по классам, а также и порядка на уроках ничем не нарушали». В заключение директор гимназии Мор информирует попечителя округа, что вечером того же 10 марта все вышеизложенное было передано им, Мором, на обсуждение педагогического совета. «Последний, принимая во внимание, с одной стороны, обстоятельства времени, а с другой, тот факт, что ученики без особого сопротивления подчинились его, Мора, увещаниям, в скором времени прекратили пение, никаких других беспорядков не производили, а на уроках себя держали вполне безукоризненно, – постановило ограничиться сделанным им, Мором, ученикам внушением, предоставляя господам классным наставникам поговорить еще с отдельными учениками своих классов, для которых они найдут такую меру целесообразной». Оправдываясь перед попечителем гр. А. А. Бобринским в том, что дает свое донесение с промедлением, Мор заявляет: «К этому считаю долгом присовокупить, что обо всем вышеизложенном я уже имел честь устно донести в понедельник 13 марта господину помощнику Вашего сиятельства действительному статскому советнику В. А. Латышеву, а во вторых, что после 10 марта и до сих пор, во вверенной мне гимназии обычный порядок ничем не был нарушен» (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10236, л. 274–274 об.).

Положение ведь получилось для поставленного искоренять крамолу в Царкосельской гимназии такого ретрограда и карьериста как верноподданный остзеец Мор

довольно конфузное: он оказался по «обстоятельствам времени, бессилем предотвратить хорошо организованную и успешно-проведенную гимназистами старшеклассниками политическую демонстрацию, сведение о которой его непосредственный начальник гр. А. А. Бобринский получил не от него – директора этой гимназии Мора, а сверху – от министра народного просвещения гр. И. И. Толстого, извещенного об этом событии министром Императорского двора бароном Фредериксом на основании данных, представленных последнему царскосельской полицией. Заметим, что в донесении Мора, как и в других документах по этому делу, нет ни малейшего указания на то, что гимназисты, вызвав желание отслужить панихиду по казенному лейтенанте Шмидте, попытались вступить с этой целью в какой-либо непосредственный контакт с настоятелем гимназической церкви протоиереем Александром Васильевичем Рождественским – своим законоучителем (преподавателем «Закона Божия»), хорошо им известном клерикалом, кандидатом богословия, являвшимся к тому же, в качестве помощника царскосельского «благочинного», одним из местных клерикальных администраторов. Гимназисты отлично понимали, что обращаться к нему по этому вопросу было бы бессмысленно. Они были взрослыми и ориентировавшимися в политической обстановке юношами. Предпринимаемая такой нарочитый и в некотором смысле довольно курьезный шаг, как обращение за разрешением отслужить панихиду в православной церкви к лютеранину директору Мору, – гимназисты, конечно, знали, что отправление церковных служб находится вне сферы его служебной компетенции, во-первых, а также, что Мор им, безусловно, откажет, во-вторых. Им важно было заявить открыто гимназическому начальству о своем намерении и получить неизбежный отказ. Память же революционера-демократа Шмидта они почтили и свой протест против кровавой расправы царских палачей над этим героем выразили дружным пением песен революции: «Вы жертвою пали» и «Отречемся от старого мира». А эта демонстрация куда более смелая и последовательная, нежели заукобойные церковные песнопения.

Что касается Анненского, то его имя в этом деле упомянуто лишь в качестве окружного инспектора в донесении Шамаева, который в свое оправдание, сослался на то, что известил его о происшедшем немедленно, как представителя учебного округа.

Кстати сказать, нам известно из отчетов Анненского, окружного инспектора за март 1906 г., что в некоторых учебных заведениях Вологодской губернии ему поручено было расследовать случаи в Тотьме и самой Вологде, где панихиды по лейтенанте Шмидте были отслужены, причем Анненский весьма тактично обернул эти дела так, чтобы «замять» происшедшее и избавить участников этих панихид от грозившей им суровой кары. Совершенно очевидно, что ни разрешать, ни запрещать служение панихиды по казенному лейтенанте Шмидте в Царскосельской гимназии Анненский никак не мог, уже по одной той причине, что там в марте 1906 г. директорствовал не он, а сменивший его еще в начале января того же года Я. Г. Мор. Распоряжаться чем либо в гимназии при своем приемнике Анненский был уже не властен. Будь в марте 1906 г. на посту директора не Мор, а Анненский, он тоже не разрешил бы служить эту панихиду, так как в исполнении своих служебных обязанностей всегда держался легальных рамок. К этому его вынуждало занимаемое им официальное положение вопреки тем его общественно-политическим симпатиям и антипатиям, которые просвечивают в ряде поэтических его произведения и в отдельных его письмах к друзьям.

⁶⁷ Перезд в дом Панпушко датирован приблизительно «концом сентября 1908 г.» И. И. Подольской. (*Подольская И. И.* Из неопубликованных писем Иннокентия Анненского // *Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка.* 1973. Т. 32. Вып. I. С. 57).

⁶⁸ <Богданович Т. А. Повесть моей жизни. С. 324–325, 327>.

⁶⁹ С экскурсией на Иматру связано недатированное стихотворение «То было на Валлен-Коски». Свою совместную с Анненским поездку на Иматру Т. А. Богданович тоже не датировала, обозначив время ее неопределенным выражением «однажды». Можно предположить, что эта поездка могла состояться где-то в конце июля 1909 г., поскольку Анненский в письме к Е. М. Мухиной от 25 июля 1909 г., сообщал: «Теперь завтра в связи с некоторыми литературными делами придется уехать в Финляндию на несколько дней и только через неделю водворюсь опять на место...» <КО, 488; см. также: *Письма*, II, 344>.

⁷⁰ Ученый комитет М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> находился не в каком-либо казенном здании, а занимал наемное помещение в частном доме по Офицерской улице (ныне ул. Декабристов), 39, кв. 2. Это довольно далеко как от самого Министерства, так и от места основной службы Анненского – управления С-Петербургского учебного округа.

⁷¹ Гороховая улица (ныне ул. Дзержинского), дом 20. <В 1991 г. историческое название улицы было возвращено: ныне – Гороховая ул.>.

⁷² По-видимому, Анненский читал осенью 1909 г. лекции на курсах Н. П. Раева не менее двух раз в неделю, так как из письма его к С. К. Маковскому от 15 сентября 1909 г. видно, что в четверг 17 сентября у него предстояла лекция до 3 часов по полудни (См.: *Анненский И. Письма к С. К. Маковскому* / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 238). <См. также: *Письма*, II, 387>.

⁷³ Понятно, что тетья, упоминаемая в данном отрывке, это – Александра Никитична Анненская, а словом дядя обозначены: в начале – Иннокентий Федорович, в конце же – Николай Федорович. Названный в рассказе воспоминательницы Николай Дмитриевич Соколов – один из близких знакомых семьи Анненских и Богданович.

⁷⁴ *Митрофанов П. П.* Иннокентий Анненский // *Русская литература XX века. 1890–1910*/ Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. Кн. 6. С. 281–296. О Митрофанове П. П. см. статью в СИЭ (Т. 9), а также редакционный некролог о нем в журнале «Гермес» (1917. Т. XX. № 6. С. 119–120).

⁷⁵ *Митрофанов П. П.* Иннокентий Анненский. С. 281–297.

⁷⁶ Оцет (*церк.-слав.*) – укус. Евангельский миф повествует, что распятый на кресте Иисус в многочасовых своих страданиях произнес: «Жажду». Тогда один из римских воинов, несших стражу у места казни на Голгофе, смочил губку в смеси уксуса и желчи (вместо того, чтобы напитать водою) и, нанизав ее на трость, поднес ко рту казнимого. Вместо утоления жажды высосанный из губки «оцет с желчью смешен» добавил мучений казнимому.

⁷⁷ Этот образ тикающих часов не раз повторяется в лирике Анненского. Ср.: «Стальная цикада», «Лира часов».

⁷⁸ Цитируется по присланной мне Р. Д. Тименчиком машинописной выписке <...>. См.: с. 161 наст. публ.

⁷⁹ См. статью Анненского «Бальмонт-лирик» <КО, 93–122>. Оценка несправедливых нападок, которым подвергся Анненский, высказана в цитированном мною выше очерке П. П. Митрофанова в 1910 г. Подробное освещение этого инцидента между П. И. Вейнбергом и Анненским дано недавно в статье: *Лавров А. В. И. Ф. Анненский в переписке с Александром Веселовским* // *Русская литература. 1978. № 1. С. 176–180.*

⁸⁰ О личности генерал-адъютанта П. С. Ванновского и его деятельности, как по военному ведомству, так и по ведомству народного просвещения, см.: *Зайончков-*

ский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. С. 5, 10, 38–43, 60–67, 71, 79, 224, 234–236, 241, 242. См. также: Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г. Издание книжного магазина Штура. Берлин, 1901; то же – СПб, 1906.

⁸¹ Отвергаемый Ученым комитетом ограничительный циркуляр министра Ванновского противоречил действовавшим тогда законодательным нормам, запрещавшим прием к себе пансионеров только директорам и инспекторам учебных заведений, но не преподавателям. Прием пансионеров преподавателями прямо предусматривался и, по существу, поощрялся законом по воспитательным соображениям и ввиду недостатка мест в казенных пансионатах. Закон не содержал никаких указаний против давания преподавателями частных уроков своим ученикам. Поскольку же содержание пансионеров за плату закон позволял преподавателям, то тем самым он не запрещал им вести домашние занятия со своими пансионерами-учениками, независимо от того, к какому классу той же средней школы принадлежали последние.

⁸² Ковалевский Евграф Петрович (род. в 1865) – землевладелец Бирючского уезда Воронежской губернии, либеральный земский деятель, окончил Московский университет. Считался знатоком школьного дела. Возглавлял официальную делегацию России от М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго в 1893 г. и на состоявшемся в том же году в США Всемирном педагогическом конгрессе. Был избран в члены жюри этой выставки и в вице-президенты указанного конгресса. Опубликовал (с частичным участием других авторов) объемистую монографию «Народное образование в Соединенных Штатах Северной Америки (высшее, среднее и низшее)» (СПб, 1895). В ней всестороннему освещению проблемы посвящено двадцать глав, среди которых имеется глава VII: «Совместное образование учащихся обоего пола в учебных заведениях всех категорий». Установив, что абсолютное большинство американских педагогов стоит за совместное обучение обоих полов, Е. П. Ковалевский приводит и мнения единичных противников такового (врачи Кларк, Мондсли и Аллен), голословность аргументации которых доказана исследованиями врачей Сарджента и Хаггинсона. Обобщая изученный им опыт США, Е. П. Ковалевский, сделал вывод: «Принцип сообучения доказал свою жизненность». В начале 1900-х гг. автор этой монографии состоял чиновником особых поручений при М<инистерстве> н<ародного> п<росвещения> и членом Ученого комитета. В 1909 г. Е. П. Ковалевский, состоя депутатом Государственной Думы (третьего созыва) от Воронежской губернии по фракции октябристов, явился автором законопроекта о всеобщем школьном образовании, оставаясь членом Ученого комитета М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> по отделу начального образования.

⁸³ Левицкая Елена Сергеевна, урожденная Полевая (1866–1915) – родная внучка выдающегося русского литератора и критика, историка и журналиста первой половины XIX в., одного из первых идеологов российской буржуазии Николая Алексеевича Полевого (1796–1846), горделиво заявлявшего о своем происхождении из сословия купцов. О нем А. И. Герцен в книге «О развитии революционных идей в России» заметил: «Полевой начал демократизировать русскую литературу; он заставил ее спуститься с аристократических высот и сделал ее более народной или, по крайней мере, более буржуазной». (*Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. М., 1956. С. 216.*)

В известных «Записках Ксенофонта Алексеевича Полевого», изданных в 1888 г. посмертно А. С. Сувориным, засвидетельствовано, между прочим, что академик А. Д. Галахов лишь с помощью Н. А. Полевого и на его деньги смог издать впервые свою знаменитую «Русскую хрестоматию».

Полевая Елена Сергеевна (в дальнейшем по мужу – Левицкая) была одной из трех дочерей предпоследнего из сыновей Н. А. Полевого – Сергея Николаевича. Из выборочной публикации писем Н. А. Полевого к брату Ксенофонту, осуществленной сыном последнего Николаем Ксенофоновичем в приложении к упомянутым «Запискам», видно, что Николай Алексеевич Полевой не предназначал своего сына Сергея к военной службе: он определил его в Главное С-Петербургское немецкое училище Св. Петра, где тот учился весьма успешно, но в начале 1844 г. едва не был исключен из этого училища за неплатеж, т. к. Н. А. Полевой под конец жизни был совсем разорен кредиторами (см.: <Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. С 2-мя портретами. СПб., 1888>. С. 559–566).

Видимо, С. Н. Полевому удалось все же окончить курс названного училища, но после смерти отца ему пришлось избрать себе военную карьеру, которая протекала у него весьма успешно, несмотря на его недворянское происхождение. Так, согласно полученной Ленинградским отделением редколлегии серии «Литературные памятники» из РГВИА выписке из дела об увольнении со службы Полевого Сергея Николаевича, в коем хранится его послужной список (РГВИА, ф. 400, оп. 171, 8 отд., 3 ст., 1885 г. д. 89), мы имеем следующие сведения: С. Н. Полевой родился 6 января 1931 г., происходил из потомственных почетных граждан Московской губернии, образование получил в Евангелическом училище св. Петра в Петербурге; в 1848 г. поступил в лейб-гвардии Вольнский полк унтер-офицером; в 1852 г. произведен в прапорщики с назначением в С-Петербургский гренадерский полк. В 1855 г. переведен в л-гв. Резервный Московский полк подпоручиком, а в 1856 г. – в л-гв. Царскосельский стрелковый батальон тем же чином; в 1857 г. произведен в поручики, в 1861 г. – в штабс-капитаны, в том же году – в капитаны, а в 1865 г. – в полковники. В конце 1866 г. его переместили из Царского Села в приграничный Варшавский военный округ, назначив на должность штаб-офицера для особых поручений при Келецком гражданском губернаторе; в 1868 г. гвардии полковник С. Н. Полевой был назначен командиром 22-го пехотного Низовского полка (эти части дислоцировались в губернском городе Кельцах). В 1876 г. его переместили из Царства Польского в столичный С-Петербургский военный округ, назначив уездным воинским начальником в г. Архангельск. На этой военно-административной должности его произвели в генерал-майоры в 1878 г., а в 1879 г. он был назначен командиром 1-й бригады 33-й пехотной дивизии и в 1885 г. произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы.

С. Н. Полевой был женат на дочери отставного статского советника Блаватского, Елене Дмитриевне (дата женитьбы в послужном списке не обозначена) и имел от нее детей: дочерей – Елену (род 3 августа 1866), Наталию (род 12 ноября 1867), Ксению (род 3 ноября 1876) и сына Сергея (род 21 февраля 1873). Сын Александр скончался 14 сентября 1879 г. Сведений о дальнейшей судьбе Сергея Сергеевича Полевого в материалах РГВИА не обнаружено. Дата смерти самого С. Н. Полевого нами пока не установлена.

Дальнейшие сведения о Елене Сергеевне Полевой и ее сестре Наталии Сергеевне выявлены мною по печатному источнику: Список воспитанниц Императорского воспитательного общества благородных девиц. Выпуски 1776–1914 гг. Издание официальное. Пг., 1914. Это официальное название привилегированного женского закрытого средне-учебного заведения, которое в речевом обиходе именовали Смольным институтом. В нем приведены и некоторые позднейшие справочные сведения о выпускницах Смольного института:

Выпуск 53-1. 1885 г.

№ 45: Полевая Елена Сергеевна, дочь генерал-лейтенанта Сергея Николаевича и Елены Дмитриевны, замужем за Левицким. Имеет частную школу в Царском Селе. (Список воспитанниц Императорского воспитательного общества благородных девиц. С. 619);

Выпуск 56-1. 1888 г.

№ 35: Полевая Наталия Сергеевна, дочь генерал-лейтенанта Сергея Николаевича и Елены Дмитриевны. Секретарь Царскосельской гимназии Левицкой.

(Там же. С. 626).

Более подробные первоначальные сведения о воспитанницах Смольного института Елене Сергеевне и Наталии Сергеевне Полевых выявлены мною в их личных делах, хранящихся в архивном фонде этого учебного заведения (ЦГИА СПб, ф. 2). Хотя эти личные дела очень невелики по объему, но они содержат некоторые существенные сведения о воспитанницах и их родителях. Так, из документов первой из них видно следующее:

Полевая Елена Сергеевна, дочь генерал-майора, православного вероисповедания, родилась 3 августа 1866 г. Была принята по «Всемилоштивейшему соизволению государыни императрицы» от 31 мая 1879 г. на казеннокошную вакансию, открывшуюся среди курса, с обязательством сдать экзамен для поступления прямо в класс, соответствующий возрасту. Она была представлена в VI класс приема 1879 г. 18 августа 1879 г. (Напомню, что в женских институтах нумерация классов была обратной: и VI класс был самым младшим, а I класс – выпускным). «Выбыла по общему выпуску», т. е. окончила курс обучения 29 мая 1885 г. Мать воспитанницы – жена генерал-майора Елена Дмитриевна Полевая, доставив дочь в институт, дала подписку в том, что при выбытии ее (по окончании курса или по другой причине) обязуется взять дочь на свое попечение. Местоительство матери на 19 августа 1879 г.: Ораниенбаум, Дворцовый проспект, дом Дружинина. При поступлении она представила свидетельство о состоянии здоровья дочери и об оспопрививании, выданное 19 июля 1878 г. за № 41 врачом Ораниенбаумовского дворцового правления. А при окончании курса воспитанницей явившейся за нею отец дал следующего содержания подписку: «1885 года мая 29 я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что по случаю общего выпуска принял обратно из Императорского Воспитательного Общества благородных девиц воспитанницу Первого класса означенного заведения девицу Елену Сергеевну Полевою. При чем и получил принадлежащие девице сей документы, а именно –

1. Метрическое свидетельство, выданное из Варшавского Свято-Троицкого Собора от 30 мая 1872 г. за № 227.

Генерал-Лейтенант Сергей Николаевич Полевой.

Жительство имею: Колокольная, д. 9, кв. 10.

(ЦГИА СПб, ф. 2, оп. 1, д. 11375, л. 1–5).

Из личного дела воспитанницы Наталии Сергеевны Полевой (ЦГИА СПб, ф. 2, оп. 1, д. 118092):

Определена комплектной пансионеркой «Августейшего Ея Величества имени» 9 июля 1881 г. за № 6103. Дочь генерал-майора православного вероисповедания, родилась 12 ноября 1867 г. Представлена в Шестой класс, прием 1881 г., 1 сентября 1881 г. Выбыла 27 мая 1888 г. по общему выпуску. Справка о ее приеме комплектной пансионеркой «Августейшего Ея Величества имени». Подписка обязательства о приеме обратно по окончании курса или по другим причинам за № 1 от 1 сентября 1881 г. Свидетельство о состоянии здоровья за № 42 от 19 июля 1878 г., выданное врачом Ораниенбаумовского дворцового правления. Подписка при выбытии воспитанницы из заведения:

«1888 года 27 мая я, нижеподписавш<ийся> сим удостоверяю, что по общему выпуску принял<а> обратно из Императорского Воспитательного Общества благородных девиц воспитанницу Первого класса означенного заведения девицу Наталию Сергеевну Полевою. При чем получила принадлежащие ей документы, а именно –

1. Метрическое свидетельство о рождении и крещении от 18 августа 1872 г. за № 58, выданное из церкви при 7-м Стрелковом батальоне (бывшей Келецкой Военной-Местной).

2. Послужной список отца ее.

Жена генерал-лейтенанта Елена Дмитриевна Полевая.

Жительство имею: Орловский пер., д. 5, кв. 5.

Мы видим, что С. Н. Полевой получил метрические свидетельства о рождении и крещении на первых двух дочерей не в момент регистрации актов, а много позже – в 1872 г., когда старшей Елене минуло 6 лет отроду, а второй – Наталии шел шестой год отроду. По месту выдачи этих документов можно заключить, что Елена Сергеевна Полевая родилась в Варшаве, а Наталия Сергеевна – в Кельцах. Вероятно, в Кельцах же родился и Сергей Сергеевич Полевой, поскольку год его рождения приходится на период службы их отца в этом губернском городе. Где родилась самая младшая дочь С. Н. Полевого – Ксения Сергеевна Полевая, из доступных документов установить в точности невозможно. В год ее рождения полковник С. Н. Полевой был перемещен на службу в Архангельск, но родилась ли она в Архангельске или Кельцах, а может быть и в Петербурге, – остается неизвестным, т. к. ее «метрика» до нас не дошла. Вероятно, Ксения Сергеевна была определена родителями в одно из женских закрытых учебных заведений, но в какое именно, – не выяснено. Известно лишь, что она кончила курс частной рисовальной школы. Стала художницей и учительницей рисования. В таком качестве Ксения Сергеевна Полевая значится среди других преподавателей рисования в списках педагогического персонала Школы Левицкой на 1907 и 1915 гг. – по младшей группе (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10953, л. 6; д. 14368-в, л. 4). Замуж она, по-видимому, не выходила, т. к. в отчетах Школы Левицкой проходит под девичьей своей фамилией – Полевая.

Елена Сергеевна Полевая, готовясь к педагогической работе, сдала экзамен на звание «домашней наставницы». Она была замужем за петербургским врачом-терапевтов Иваном Николаевичем Левицким (род в 1863), но дата бракосочетания в формулярном его списке не указана. От этого брака у супругов Левицких родился 13 января 1894 г. сын Николай. Восприемницей на его крестинах была старшая тетка Е. С. Левицкой – Елизавета Николаевна Полевая (по мужу Гаевская), а восприемником – генерал-майор Петр Петрович Логинов (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 58092, л. 18, 12–16). Согласно записи в формулярном списке И. Н. Левицкого, «Определением С-Петербургского епархиального начальства, состоявшемся 11–14 декабря 1902 г. и утвержденным Св. Синодом брак расторгнут с разрешением жене Левицкого вступить в новый брак и осуждением Левицкого на вседневное безбрачие» (Там же, л. 13–14).

В просмотренной мною описи фонда Св. Синода бракоразводное дело супругов Левицких за 1902 г. зарегистрировано, но самого этого дела в архивохранилище РГИА найти не удалось. В разрешенный ей новый брак Е. С. Левицкая не вступала. Она воспитывала своего единственного сына Коллю и деятельно занималась организацией в Царском Селе школы нового типа, получившей наименование «Школа Левицкой».

В создаваемой ею школе с нею сотрудничали обе ее сестры: Наталия и Ксения Сергеевны Полевые. Правда, Наталия Сергеевна Полевая, проработав секретарем в первоначальный период организации этой школы, вскоре же переехала в Петербург

и вышла замуж за Николая Ивановича Кононова – генерал-лейтенанта, служившего начальником штаба отдельного корпуса пограничной стражи по ведомству Министерства финансов.

В 1890-х гг. была еще жива в Ораниенбауме бабка Е. С. Левицкой – вдова Николая Алексеевича Полевого – Наталия Францевна (1806–1896). Был еще жив, по крайней мере по 1915 г., единственный родной брат Е. С. Левицкой – Сергей Сергеевич Полевой <...>. Его сын Александр Сергеевич Полевой значился на 1907 г. в числе воспитанников младшего пригготовительного класса Школы Левицкой (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10953, л. 3). В 1909 г. в Школу Левицкой поступила в старший пригготовительный класс и дочь С. С. Полевого, Наташа, родившаяся в 1899 г. (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 12198, л. 40).

Забегая вперед, замечу, что сын Е. С. Левицкой Николай Иванович, поступив в 1901 г. в младший пригготовительный класс Школы Левицкой окончил в декабре 1910 г. полный курс и выдержал экзамены за восемь классов мужской гимназии под наблюдением депутатов от С-Петербургского учебного округа со средним баллом 4,7. По полученному о том свидетельству от канцелярии попечителя С-Петербургского учебного округа он поступил в 1911 г. на физико-математический факультет С-Петербургского университета по естественному разряду, химическому отделению. К осени 1915 г. он числился на IV курсе. Срок пребывания в университете ему был продлен до 20 ноября 1920 г. Трудные обстоятельства жизни помешали ему завершить проходные университетского курса, но он приобрел такую квалификацию, которая дала ему возможность заведовать заводской химической лабораторией на одном из промышленных предприятий Ленинграда (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 12198, л. 34 об; ф. 14, оп. 3, д. 58092, л. 1–9, 28, 37, 43, 44).

Сестра Е. С. Левицкой – Наталия Сергеевна (урожд. Полевая, а в замужестве Кононова) имела от брака с Н. И. Кононовым дочь Надежду, родившуюся 5 октября 1898 г. Живя в Петербурге по месту службы мужа, она поместила в 1910 г. свою дочь Надю в частную женскую гимназию Э. П. Шаффе на Васильевском острове, где та проучилась по IV класс, но для завершения среднего образования супруги Кононовы сочли более перспективным определить ее в Школу Левицкой. Надежда Николаевна Кононова была принята по вступительному экзамену 10 сентября 1913 г. в Пятый класс Школы Левицкой, приходящей ученицей. Она окончила курса этой школы в декабре 1916 г. (IX выпуск) и успешно выдержала под наблюдением депутатов от С-Петербургского учебного округа экзамен за 8 классов мужских гимназий со средним баллом 4,7. Намеревалась поступить в Женский медицинский институт. В одном с нею выпуске кончила курс Школы Левицкой и выдержала отлично те же экзамены моя сестра Надежда Владимировна Орлова (род. в 1898), удостоенная права на золотую медаль. По выдержании дополнительно экзамена по древнегреческому языку Надежда Владимировна Орлова была принята на историко-филологический факультет Петроградского университета по словесному разряду, романо-германскому отделению (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 15555, л. 10–39).

Родители Нади Кононовой (племянницы Е. С. Левицкой) поселились с 1913 г. в Царском Селе по Широкой улице в новопостроенном пятиэтажном флигеле дома № 12. Между прочим, в тот же период квартиру в этом флигеле занимала и семья потомков выдающегося русского педагога XIX в. К. Д. Ушинского (1824–1871).

Мы видим, что внуки Н. А. Полевого – сестры и брат Е. С. Левицкой проявляли живое соучастие ее передовому педагогическому начинанию и оказывали ей мо-

ральную поддержку как непосредственным сотрудничеством своим в организуемой ею школе нового типа, так и тем, что помещали в Школу Левицкой в Царском Селе учиться своих детей.

Близким современником Е. С. Левицкой являлся младший брат ее <отца> дядя Петр Николаевич Полевой (1839–1902) – видный ученый-литературовед, педагог-словесник и незаурядный беллетрист. В 1871 г. он оставил профессорскую кафедру русского и церковно-славянского языков в Варшавском университете и вернулся в Петербург, где развернул свою обширную литературную деятельность (см. некролог о нем в «Историческом Вестнике» (1902. Т. 87, С. 1030). С ним Е. С. Левицкая могла здесь общаться непосредственно. Она восприняла и развила в новом направлении литературные и педагогические традиции семьи Полевых.

На формирование общественно-педагогических взглядов Е. С. Левицкой заметное влияние оказало изучение трудов прогрессивного русского педагога К. Д. Ушинского, чьим ближайшим сотрудником по педагогической работе в 1850–1860-х гг. XIX в. был ее старший дядя – Владимир Николаевич Полевой.

В июне 1900 г. Е. С. Левицкая ездила в Англию со своим малолетним сыном Колей, где познакомилась с Бидзельской частной школой и ее заведующим Д. Г. Бэдли лично. До этого она располагала о его новой по типу школе только литературными сведениями, очень ее заинтересовавшими. В Бидзельскую школу Е. С. Левицкая определила на короткое время воспитываться своего сына Колю. Многие рациональные элементы воспитательной системы мистера Бэдли были ею встречены с одобрением и даже восторгом. Однако отнюдь не все существовавшие у него в школе методы воспитания и образования сочла она приемлемым для русских условий: в частности, там, как и во всех английских школах, применялось сечение розгами провинившихся мальчиков, которое к концу XIX в. исключено было из педагогической практики в России даже в казенной средней школе <...>. Да и принятое у Бэдли преподавание без регламентированных учебных программ явно не годилось для русской средней школы. Вернувшись в Россию в том же году, Е. С. Левицкая решила создать свою русскую среднюю школу, не копируя, а критически используя западно-европейские образцы. Местом создания своей школы она избрала Царское Село, учитывая благоприятный микроклимат этого пригорода столицы, близость его к Петербургу. Может быть, на такой выбор повлияло и то обстоятельство, что отец ее в молодые свои годы провел около десяти лет на строевой службе в офицерских чинах (1856–1866) в лейб-гвардии Царкосельском стрелковом батальоне. Еще более вероятное влияние на ее выбор могло оказать то звучание, которое в сознании русской приобрело Царское Село – «урочище Пушкинской славы», как его назвал Анненский на праздновании в 1899 г. столетия со дня рождения нашего великого поэта.

В Царском Селе состоялось знакомство Е. М. Левицкой с Анненским, давшее плодотворные результаты. Этот немаловажный в познавательном отношении историко-биографический сюжет нуждается в детализированном освещении потому, что он доньше освещался крайне слабо, искаженно и даже превратно как в новейшей массовой популярной литературе <...>, так и в вузовской учебной книге по истории дореволюционной средней школы в России. <См.: Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февр. революции 1917 г. 2 изд., испр. и доп. М., 1956>.

В историко-краеведческом отношении для города Пушкина необходимо здесь отметить, что Е. С. Левицкая прожила в Царском Селе с 1900 по 1915 г. в зданиях, где

располагалась создаваемая ею школа с совместным воспитанием и обучением детей обоюдо пола: первоначально, когда ее школа была еще учебным заведением III разряда – в наемных помещениях на Бульварной улице (ныне Октябрьский бульвар), д. 25; затем, когда школа ее по числу открытых классов стала учебным заведением II разряда, Е. С. Левицкая сняла под школу более просторные помещения для классов и общежитий у частного домовладельца на Средней улице, д. 11 (ныне ул. Коммунаров, <в 1993 г. улице возвращено историческое название>); наконец, получив для своей школы в 1907 г. права учебного заведения I разряда, Е. С. Левицкая арендовала для размещения школьного комплекса большой участок земли и все пустовавшие строения, принадлежавшие Императорскому Царскому саковому обществу, включая и упраздненный саковий круг с трибунами. Учредительница Школы Левицкой развернула на этом участке, расположенном в завокзальной части Царского Села по Новодеревенской улице, д. 12, сооружение новых дополнительных построек, спортивных объектов и создала подсобное хозяйство с необходимыми служебными постройками (кухня, баня и др.) (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 92227; д. 10953, л. 1–14; д. 14368, л. 2; см. также: Иллюстрированный проспект: Школа Левицкой (1900–1911) (СПб., 1911). <Далее: *Школа Левицкой*, с указанием страницы>).

В 1914 г. энергичная организационно-педагогическая деятельность прекратилась: ее оборвала раковая болезнь. Более года она была прикована к постели неизлечимым недугом, оставаясь до последнего своего часа в квартире своей – в школьном здании.

В газете «Новое Время» за субботу 22 августа (4 сентября) 1915 г. № 14170 было напечатано следующее траурное объявление: «Сестры, брат и сын извещают родных и знакомых о кончине основательницы “Школы Левицкой” Елены Сергеевны Левицкой последовавшей после продолжительной и тяжелой болезни 20-го августа в 12 ч. 15 минут ночи. Панихиды ежедневно в 2 часа дня и 8 часов вечера в ее квартире. Отпевание в Екатерининском кафедральном соборе. Начало литургии в 10 ч. утра. Похороны в Царском Селе на Казанском кладбище». Похороны были многочисленными. Погребен прах Е. С. Левицкой неподалеку от могилы Анненского. В той же газете за пятницу 28 августа (10 сентября) 1915 г. № 14176 напечатано еще одно траурное объявление: «Сестры, брат и сын извещают, что 29 августа, в девятый день кончины Елена Сергеевны Левицкой будет отслужена заупокойная обедня в Царском Селе, в церкви Дворцового Госпиталя. Начало обедни в 11 ч. утра».

После смерти Е. С. Левицкой содержание Школы Левицкой приняло на себя организованное из родителей учащихся и педагогов Общество содействия совместному воспитанию детей. По представлению правления названного общества, обращенному к попечителю С-Петербургского учебного округа, заведующий учебной частью Владимир Иванович Орлов был назначен заведующим Школы Левицкой. Под таким общественным управлением Школа Левицкой продолжала функционировать, сделала еще три выпуска. Но в мае 1917 г., из-за недостатка денежных средств и вследствие продовольственного кризиса, Школа Левицкой закрылась.

Покойная основательница Школы Левицкой оставила много непогашенных долгов. Для удовлетворения исков кредиторов школьное имущество, считавшееся единоличной собственностью покойной, было продано местным судебным приставом с аукциона. Студент Н. И. Левицкий еще долго выплачивал долги, унаследованные им от умершей матери.

⁸⁴ Зингер Григорий Эдуардович (1853–1919) видный филолог и государственный деятель. Родился в Новгородской губернии в семье генерал-майора Эдуарда Осипо-

вича Зенгера, православный. Окончил в 1874 г. курс С-Петербургского университета по историко-филологическому факультету со степенью кандидата. С октября 1874 по июнь 1875 г. служил преподавателем древних языков в 5-й С-Петербургской гимназии. С 1 июля 1875 г. вышел по прошению в отставку для приготовления к магистерским экзаменам и в течение двух лет не служил, работая над темой своей будущей магистерской диссертации «Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация». Возобновил педагогическую деятельность в качестве лектора по древне-римской истории и словесности в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко, где исполнял должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории, еще не имея степени магистра. В 1881 г. министр И. Д. Делянов и директор департамента народного просвещения Н. М. Аничков отклонили ходатайство означенного института об утверждении Зенгера в должности профессора. Отказ мотивировался тем, что Зенгер все еще не получил ученой степени магистра, что стаж преподавания древних языков у него еще мал, а также что научная его подготовка, по их мнению, недостаточно серьезна, что он склонен к «увлеченности догадками». К 1886 г. Зенгер сдал магистерские экзамены в Киевском университете и защитил там же магистерскую диссертацию на указанную выше тему. С мая 1886 г. его переместили в Варшавский университет исправляющим обязанности доцента по кафедре римской словесности, а в октябре того же года Совет Киевского университета утвердил его в ученой степени магистра по этой специальности. За этим последовало 25 февраля 1887 г. утверждение Зенгера в звании экстраординарного профессора Варшавского университета по занимаемой им кафедре римской словесности. Работу в университете Зенгер совмещал с преподаванием курса всеобщей литературы в педагогическом классе Варшавской I-й женской гимназии. Свои исследования по римской литературе он сочетал с занятиями археологией. В каникулярное время Зенгер выезжал для этих занятий в научные командировки за границу в 1883 и 1886 г., а в 1887 г. участвовал от Варшавского университета в археологическом съезде в г. Ярославле. Он опубликовал много научных работ. По совокупности ученых трудов своих Г. Э. Зенгер был удостоен 31 января 1894 г. Московским университетом ученой степени доктора римской словесности без представления диссертации. Такое признание его научных заслуг повлекло к тому, что тот же министр Делянов 7 апреля 1894 г. назначил его ординарным профессором той же кафедры. В 1900 г. профессора Г. Э. Зенгера назначили попечителем Варшавского учебного округа, а в 1901 г. – товарищем министра народного просвещения генерал-адъютанта Ванновского и с 1902 г. – на место последнего, управляющим Министерством, а затем и министром. Во время управления Министерством Зенгер имел в виду произвести серьезную реформу как средней, так и высшей школы. При участии Зенгера был составлен, данный в 1902 г. «Высочайший рескрипт» на его имя, определявший главные черты намечавшейся реформы. На таком основании Зенгер созвал под своим председательством большую комиссию для выработки нового университетского устава, начавшую работать в конце 1902 г. Труды ее составили пять больших томов материалов по университетскому вопросу в России и за границей, но они остались втуне, поскольку реформа эта так и не была произведена. Ей противодействовал сам же Николай II. Из хранящихся в личном фонде Г. Э. Зенгера двух конфиденциальных писем-автографов Николая II к нему (ЦГИА, ф. 1634, оп. 1, ед. хр. 7) видно, что Зенгер уже в июле 1902 г. просил царя освободить его от управления Министерством по болезни, а в ноябре 1903 г. настоял на своем увольнении с поста министра. Истинной причиной тут была не «болезнь», а несогла-

сие Зенгера с тем политическим курсом, который стремился проводить Николай II в делах народного образования. Удовлетворив просьбу Зенгера, Николай II уволил его с должности министра путем номинального назначения сенатором (не присутствующим) и поставил на освободившийся министерский пост приемлемого для себя кандидата – полнейшего профана в вопросах народного просвещения генерал-лейтенанта В. Г. Глазова, вызванного царем из Гельсингфорса, где тот стоял начальником штаба при генерал-губернаторе Бобрिकове – свирепом душителе конституционных прав финского народа. По отношению к средней школе Зенгер оставался убежденным сторонником классической системы образования, которая в гуманитарных учебных заведениях западной Европы занимала прочное место. Напротив, Николай II воздвиг гонение на гуманитарное образование. Это засвидетельствовано в дневнике Вел. кн. Константина Константиновича, являвшегося августейшим президентом Академии Наук, а с 1900 г. еще и главным начальником военных учебных заведений. Живо интересуясь и практически занимаясь педагогическими вопросами, Вел. кн. Константин Константинович в своем Дневнике оставил немало строк, осуждающих реакционное направление правительственной политики в системе школьного образования. Выдержки из его дневника опубликованы П. А. Зайончковским в упомянутой монографии 1973 г. (См.: *Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий*. С. 42–50). В частности, там приводится за 1903 г. следующая запись: «Всякие прискорбные вещи сообщил мне управляющий Министерством народного просвещения. В июле представил он Государю свой проект преобразования средней школы. Государь вернул проект только 21 февраля с длинной резолюцией, требуя, чтобы Зенгер внес в Государственный совет соображения о сокращении числа гимназий классических, чтобы значительно уменьшить число заведений, дающих право на получение высшего (университетского) образования, и с тем, чтобы большинство классических гимназий было обращено в особые реальные училища с шестью классами. Того же добивался еще в середине 80-х годов министр народного просвещения Делянов, но Александр III не дал согласия на проведение такой меры». За приведенной записью от 27 февраля следует в дневнике Великого князя запись за 7 марта, в которой говорится, что Зенгеру удалось «после $\frac{3}{4}$ часа настойчивого доклада убедить Николая II в нецелесообразности подобного решения» (Там же. С. 42–43).

Однако намерение царя создать сеть средних технических учебных заведений за счет сокращения числа общеобразовательных классического типа гимназий не было оставлено. Об этом свидетельствуют записи, сохранившиеся в личном фонде В. Г. Глазова (ЦГИА, ф. 922, оп. 1, ед. хр. 9, год 1904). <...>

Необходимо здесь дополнить нашу ретроспективную информацию рядом данных о прогрессивной деятельности Григория Эдуардовича Зенгера <...>, а также расхождение во взглядах между ним и Вел. Кн. Константином Константиновичем. Последний при всей своей литературной образованности, воспринятому им в юности гуманистическому влиянию Ф. М. Достоевского, искренним симпатиям к учащейся молодежи и относительной либеральности своих педагогических взглядов – резко отрицательно отнесся к избранию А. М. Горького почетным академиком, проявив в этом вопросе полную солидарность со своим троюродным племянником Николаем II, по резолюции которого Горький был лишен этого звания. И вот после того как Горького освободили от полицейского надзора академик А. Н. Веселовский, министр народного просвещения Г. Э. Зенгер и его товарищ, т. е. заместитель, С. М. Лукьянов поставили снова вопрос о признании за Горьким этого почетного звания – августейший президент Акаде-

мии наук, Вел. Кн. Константин Константинович их не поддержал. Он записал в своем дневнике за 22 февраля 1903 г.: «Я не вижу возможности нового избрания Горького» (*Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. С. 18–19). Известно, что лишение Горького звания почетного академика вызвало энергичные протесты среди интеллигенции, проявление солидарности с Горьким выдающихся русских писателей. Но Николай II и его клика остались глухи к голосам протеста передовых ученых и писателей. Звание почетного академика было возвращено Горькому лишь после свержения самодержавия. Последним актом Г. Э. Зенгера на государственном поприще явился составленный им в 1904 г. по собственной инициативе (уже после его выхода в отставку с поста министра) проект царского манифеста об окончательной отмене телесных наказаний. Поводом для издания такого манифеста, использованным Зенгером, послужило рождение в царской семье наследника престола Алексея. (ЦГИА, ф. 1634, оп. 1, ед. хр. 27). В 1905 г. Г. Э. Зенгер имея чин тайного советника, был по прошению уволен с должности «не присутствующего» сенатора и всецело посвятил себя научной работе. Можно полагать, что этим окончательным своим уходом в отставку с номинально занимаемого им сенаторского поста Зенгер выразил свое явное неодобрение кровавой политике царизма. (Данные о прохождении Г. Э. Зенгером службы по учебному ведомству приводятся по выявленным мною формулярным его спискам: ЦГИА, ф. 733, оп. 149, д. 7623, л. 9195, то же ф. 150, д. 1058, л. 35–37 об.).

Два года спустя Академия наук избрала Г. Э. Зенгера членом-корреспондентом по разряду классической филологии и археологии историко-филологического отделения с 1 декабря 1907 г. Он продолжал в таком звании работать в Академии наук и в первые годы советской власти. Г. Э. Зенгер скончался в Петрограде 7 июля 1919 г. (см.: Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1. М., 1975. С. 183). <...>

В 1900 г. Е. С. Левицкая, вернувшись из Англии, дала интервью под заголовком «Новая школа» корреспонденту официальной газеты «Новое Время», а затем поместила в той же газете объявление об открываемой ею в Царском Селе, на Бульварной ул., д. 25, новой школы «по образцу Бидэльс в Англии и Эколь де Рош во Франции, основанной Демолэнном», указав, что дети принимаются без экзаменов: «мальчики на полный пансион, девочки – приходящими» (Новое время. 1900. 28 июля / 10 августа. № 8776; 21 августа / 3 сентября № 8794).

Видимо, эти публикации привлекли внимание Г. Э. Зенгера, относящегося с сочувствием к начинанию Е. С. Левицкой. В то время Зенгер, будучи попечителем Варшавского учебного округа, состоял членом Совета министра народного просвещения и участвовал в созданном тогдашним министром профессором Н. П. Боголеповым большой комиссии по улучшению средней школы, возглавляя в ней одну из подкомиссий.

Вспоминая, как создавалась Школа Левицкой, ее основательница впоследствии писала: «Окрыленная верою в идею и, думается, с достаточным запасом энергии, 14 сентября 1900 г. я открыла подготовительный и 1 классы. В этот день собралось небольшое количество поступивших детей: 3 мальчика пансионера и 7 приходящих девочек. Лишь через полтора года разрешено было устроить, кроме пансиона для мальчиков, и общежитие для девочек, но в отдельном доме и при условии особо тщательного надзора. Это и есть зерно моей школы. До школы-семьи <...> было еще далеко.

23 июля 1903 г. министр народного просвещения, в это время Г. Э. Зенгер, по моему ходатайству, испросил “Высочайшее соизволение” на предоставление мне права продолжать совместное обучение в трех годах тогда существовавших классах и начать в 4-м» (*Школа Левицкой*, 11–12).

Заметим, что пока основная Е. С. Левицкой школа состояла из приготовительного и первого классов, т. е. относилась к частным учебным заведениям III разряда, – наличие в ней совместного обучения не противоречило действовавшему законодательству. Однако к 1903 г. эта школа превращалась уже в учебное заведение II разряда, где закон не допускал совместного обучения. Поэтому единственный способ добиться в условиях самодержавного строя возможности продолжать совместное обучение и воспитание по 4-й класс включительно состоял в обращении к носителю законодательной власти – самодержцу за «соизволением», путем «всеподданнейшего доклада» министра, что и было сделано Зенгером. Такой доклад им готовился тщательно в созданной специальной комиссии, что видно из следующих строк воспоминаний Е. С. Левицкой: «... мне пришлось по предложению министра защищать мысль, положенную мною в основу Школы, перед комиссией из лиц, наиболее компетентных в вопросах русской школы, как то министр Г. Э. Зенгер, В. А. Латышев и Н. И. Билибин, из которых В. А. Латышев хорошо был знаком с (моим) учебным заведением с самого его возникновения.

“Вам надо будет – говорил мне Г. Э. Зенгер, – доказать и убедить, что вы правы, лицам, которые не разделяют ваших взглядов на совместное обучение”, разумея товарища министра С. М. Лукьянова и Н. И. Билибина. Последующие комиссии по разрешению открытия дальнейших классов проходили под председательством С. М. Лукьянова» (*Школа Левицкой*, 12). Отсюда явствует, что Зенгер помог Левицкой привлечь на ее сторону Лукьянова, относившегося первоначально отрицательно к принципу совместного обучения и воспитания.

⁸⁵ Латышев Василий Алексеевич (1850–1912) – видный педагог-математик и руководящий деятель начальной средней школы. По окончании физико-математического факультета С-Петербургского университета преподавал с 1872 г. математику в петербургских гимназиях и методику математики в С-Петербургском учительском институте и земской учительской школе. Устраивал пользовавшиеся большой популярностью повторительные курсы для учителей. В конце 1890-х и начале 1900-х гг. был директором народных училищ С-Петербургской губернии и с 1904 по 1909 г. – помощником попечителя С-Петербургского учебного округа, заведя, одновременно, им же основанной окружной гимназией, а под конец службы, перед увольнением в отставку, состоял членом Совета при министре народного просвещения. Перу В. А. Латышева принадлежал ряд учебно-методических трудов: «Объяснительный курс арифметики» (СПб, 1877), «Руководство к преподаванию Арифметики» (СПб., 1882, 1884) и др. Занимая должность помощника при сановных попечителях С-Петербургского учебного округа – камергере графе А. А. Мусине-Пушкине, В. А. Латышев нередко их замещал в качестве управляющего учебным округом, особенно часто и подолгу он управлял округом в период, когда попечителем был граф А. А. Мусин-Пушкин, который ежегодно пребывал в длительных заграничных отпусках по болезни. Организовав в начале 1906 г. перемещение Анненского из Царскосельской гимназии на должность окружного инспектора С-Петербургского учебного округа, В. А. Латышев фактически вызволил Анненского из-под угрожавшей ему более серьезной служебной репрессии. Е. С. Левицкая начинала организацию своей школы в бытность В. А. Латышева директором народных училищ С-Петербургской губернии, которому по его должности школа ее была тогда непосредственно подопечна. Она с особенной благодарностью отзывалась о В. А. Латышеве, «который весьма сочувственно указывал пути и способы достижения той или другой намеченной ступени» в процессе развития ее школы. Она с удовольствием отметила, что В. А. Латышеву «было поручено ведать дело школы (и) в качестве помощника попе-

чителя округа» (*Школа Левицкой*, 13). На первом выпуске воспитанников и воспитанниц Школы Левицкой, В. А. Латышев выступил после речи Анненского с сообщением, в котором рассказал о «созидательной работе по этой школе, как она шла через его руки в течение почти восьми лет» (*Школа Левицкой*, 17). Единодушие с Анненским в этом прогрессивном деле вполне очевидно.

⁸⁶ *Школа Левицкой*, 16–17. Указанная книга была написана Е. С. Левицкой и издана ею на собственный счет к состоявшейся в 1911 г. юбилейной выставке, посвященной 200-летию Царского Села. Юбилей этот исполнялся летом 1910 г., но проведение выставки пришлось отсрочить на год по санитарно-эпидемиологическим основаниям: холерная эпидемия в Петербурге и появление в Царском Селе и уезде ящура. Фактически выставка, организованная по довольно широкой программе, была проведена с 25 августа по 9 сентября 1911 г. Отделом народного образования выставки руководил по поручению управляющего С-Петербургским учебным округом А. А. Остроумова директор Царскосельского реального училища Э. П. Цытович, являвшийся учителем детей Николая II по математике и физике. К участию в выставке были привлечены все правительственные и частные учебные заведения Царского Села и Царскосельского уезда как средние, так и начальные, а также частные дошкольные учреждения – детские сады г. Царского Села. На организационном собрании начальников средних и низших учебных заведений г. Царского Села, созванном Цытовичем 4 августа 1910 г., Е. С. Левицкая присутствовала лично. Отсрочка выставки на год дала ей возможность наилучшим образом подготовить материалы для экспозиции, составить и издать богато иллюстрированный рекламный проспект, каким и явилась указанная популярная книжка. В ней составительница повествовала от первого лица о пути, пройденном ею как учредительницей школы нового типа. Включила она в этот проспект и пространные извлечения из отчетных материалов по Школе Левицкой, которые представлялись заведующим учебной частью этой школы В. И. Орловым в управление попечителя С-Петербургского учебного округа, начиная с 1907–1908 учебного года. (Данные о юбилейной выставке имеются в ЦГИА СПб (ф. 139, оп. 1, д. 12120), а отчеты заведующего учебной частью Школы Левицкой за указанный период отложились так же в д. 10953 и д. 12198).

⁸⁷ *Школа Левицкой*, 16. Автограф цитируемой речи неизвестен.

⁸⁸ Школа Левицкой с правами мужских гимназий для учащихся. Царское Село. Учебный план и программы предметов курса. СПб, Т-во Художественной Печати, Ивановская, 14, 1909. Тираж не обозначен. Страниц 115 и вступительная статья с V–XV за подписью заведующего учебной частью Вл. Орлова, датированная июнем 1909 г. (ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 9227, л. 33 95 об.).

⁸⁹ Орлов Владимир Иванович (1870–1953) – известный в свое время русский педагог-филолог, один из первостроителей советской школы. (В. И. Орлов – отец автора настоящей публикации). Родился в Петербурге 30 июня 1870 г., вырос в Гельсингфорсе (Хельсинки), где служил госпитальным священником Военного госпиталя его отец Иван Алексеевич. Среднее образование В. И. Орлов получил в Гельсингфорской Александровской мужской гимназии. Окончив в 1893 г. курс С-Петербургского университета по словесному разряду историко-филологического факультета (славяно-русскому отделению) с дипломом I степени, отбывал воинскую повинность рядовыми на правах вольноопределяющегося I разряда в Выборгском отдельном крепостном батальоне и прошел одногодичный курс подготовки на подпоручика запаса, организованный для лиц с высшим образованием при Московском военном училище.

Был принят Анненским на службу в 8-ю С-Петербургскую гимназию в качестве помощника классных наставников (воспитателя) и преподавателя гимнастики с февраля 1895 г. на освободившуюся вакансию и вышел с военной службы в запас (ЦГИА СПб, ф. 17, оп. 2, л. 101). С сентября 1896 г. В. И. Орлов по рекомендации Анненского был назначен штатным преподавателем русского и латинского языков в Покровскую женскую гимназию при Покровской общине сестер милосердия на Васильевском острове, где Анненский с 1895 до 1902 г. являлся председателем педагогического совета. В 1890-х гг. В. И. Орлов преподавал по совместительству русский язык и словесность в 3-й С-Петербургской гимназии и в польской женской гимназии, существовавшей при костеле св. Екатерины в Петербурге. (Во время прохождения университетского курса В. И. Орлов, кроме обязательных лекций, прослушал обязательные специальные лекционные курсы у профессоров: А. И. Незнамова – по Пушкинскому периоду русской литературы и по истории русской литературной критики; И. А. Шляпкина – по древнему периоду русской литературы и народной словесности; А. И. Соболевского – по русскому историческому синтаксису и о русских заимствованных словах; приват-доцента И. Л. Лося – по сербскому и польскому языкам и участвовал в проведенных им практических занятиях по этим языкам). Кроме лекций своего факультета В. И. Орлов из предметов общеобразовательных слушал лекции Э. Ю. Петри по географии и антропологии и курс энциклопедии истории проф. Н. И. Кареева (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 22, д. 37, л. 49–67). С сентября 1899 г. В. И. Орлов по ходатайству Анненского был перемещен на должность штатного преподавателя русского языка и словесности в Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию, где преподавал, кроме своего основного предмета, латинский язык и логику и состоял воспитателем гимназического пансиона. С той же осени 1899 г. В. И. Орлов был по рекомендации Анненского приглашен на работу в Морской кадетский корпус в качестве нештатного преподавателя русского языка и литературы, а с ноября 1904 г. был назначен штатным преподавателем того же предмета в этом высшем военно-морском учебном заведении с оставлением в должности преподавателя Царскосельской гимназии (РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 1181, л. 670–675). С 1906 г. В. И. Орлов был приглашен Е. С. Левицкой по совету Анненского на работу в ее школу в качестве преподавателя русского языка и литературы, а в июле 1907 г. он, не пожелав продолжать службу в Царскосельской мужской гимназии при тех невыносимых «порядках», какие там стал насаждать Мор, – обратился к управляющему учебным округом В. А. Латышеву с просьбой об отчислении его от означенной гимназии. Свою просьбу В. И. Орлов мотивировал официально тем, что «в настоящее время не может взять на себя необходимое по штату число уроков в Царскосельской гимназии и желает уделять больше времени для заведования учебной частью Школы Левицкой». Он попросил, чтобы его причислили к М<инистерству> н<ародного> п<росвещения> с откомандированием в распоряжение попечителя С-Петербургского учебного округа. В. А. Латышев, признав просьбу В. И. Орлова заслуживающей удовлетворения, сделал соответствующее представление министру народного просвещения, обеспечивая тем самым назначение в Школу Левицкой заведующего учебной частью, выдвинутого Анненским. Приказ по М<инистерству> н<ародного> п<росвещения> о таком перемещении В. И. Орлова последовал 21 августа 1907 г. (РГИА, ф. 740, оп. 4, д. 56, л. 7 и 10). В. И. Орлов принадлежал к той «школе молодых ученых и педагогов», которая, по свидетельству П. П. Митрофанова, создавалась вокруг Анненского в Царскосельской гимназии. Сказанное подтверждал и А. А. Мухин в некрологе, посвященном Анненскому, назвав

В. И. Орлова в числе сгруппировавшихся вокруг Анненского выдающихся педагогов того времени (Гермес. 1909. № 20 (46). С. 608–612). Живя в Царском Селе и работая в Школе Левицкой, В. И. Орлов два–три раза в неделю ездил в Петербург читать лекции по русскому языку и литературе и проводить репетиции по этому предмету в Морском корпусе до 1917 г. На педагогическом поприще В. И. Орлов проработал в общей сложности свыше 50 лет, причем весь начальный период его педагогической деятельности с 1895 по 1909 г. – на протяжении 14 лет, протекал под ближайшем руководством Анненского. Последние издания Русской хрестоматии А. Д. Галахова вышли под редакцией и с предисловием В. И. Орлова в значительно пополненном им виде включением в них произведений Некрасова, Достоевского, Короленко, Гаршина, Гарина-Михайловского и репродукцией с картин русских художников. В 1913 г. В. И. Орлов выступал с докладом на заседании секции совместного обучения Всероссийского съезда по женскому образованию, организованного Лигой равноправия женщин. В докладе он дал на материале Школы Левицкой сравнительный анализ умственного и физического развития мальчиков и девочек в условиях совместного воспитания и сообучения, подтверждающий жизненность этой учебно-воспитательной прогрессивной системы.

В 1896 г. В. И. Орлов женился на учительнице русского языка, окончившей Петербургские женские педагогические курсы, Наталии Владимировне Разумихиной (в замужестве Орловой, 1876–1937). Она первоначально работала в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск) в начальной школе при Брянском заводе, а по выходе замуж оставила на несколько лет работу учительницы, пока не подросли дети. Свою педагогическую деятельность Н. В. Орлова возобновила с 1912 г. в одной из начальных школ г. Павловска, а затем перешла на работу преподавательницы русского языка и литературы в Ивановское девичье училище Человеколюбивого общества, находившееся в Петербурге.

В 1918 г. Н. В. Орлову назначили заведующей этим средним учебным заведением, преобразованным под ее руководством в 32 Единую трудовую школу (с сельскохозяйственно-кооперативным уклоном) с 30-м школьным детским домом при ней и летней сельскохозяйственной колонией. В 1917 г. В. И. Орлов и Н. В. Орлова вступили в Петрограде в члены Союза учителей-интернационалистов, который поддерживал партию большевиков в осуществлении революционных преобразований школьного дела и противоборствовал Всероссийскому учительскому союзу, вставшему на путь буржуазного саботажа. В 1920 г. В. И. Орлов и Н. В. Орлова были приняты партийной организацией 2-го городского района г. Петрограда в члены РПБ (б). В 1920-х и 1930-х гг. оба они вели в Петрограде-Ленинграде педагогическую работу в школах и органах народного образования, трудясь рука-об-руку, в качестве учителей и заведущих школами, а затем – инспекторов-методистов по городу и области. Самые последние годы своей жизни Н. В. Орлова состояла научным сотрудником Пушкинского Дома АН СССР (ИРЛИ), где ведала организационно-массовой работой Литературного музея. На этом посту она и скончалась от тяжелой болезни 23 июня 1937 г. Прах ее покоится на Богословском кладбище г. Ленинграда.

Владимир Иванович Орлов в 1918 г. при подготовке советской школьной реформы был приглашен Наркомпросом РСФСР в состав «коллегии экспертов», где участвовал в детальной разработке Положения о Единой трудовой школе. Решением Главпрофсоюза РСФСР от 26 ноября 1920 г. за № 8442 В. И. Орлов был по представлению Петропрофобра утвержден в должности заведующего и председателя совета Рабфака ЛГУ. (Отношение отдела Рабфаков Петропрофобра от 3 декабря 1920 г. № 6151, нотариальная

копия которого хранится в моем личном архиве среди документов пенсионного личного дела В. И. Орлова). Следовательно, В. И. Орлов возглавлял Рабфак Петроградского университета с момента организации этого первого рабфака. Он заведовал указанными рабфаком и вел на нем преподавание русского языка и литературы с августа 1920 г. по сентябрь 1923 г. К сожалению, такой значительный и достоверный, подтвержденный документально факт, не упомянут вовсе в опубликованной истории Ленинградского университета. Кроме того, В. И. Орлов с 1919 по сентябрь 1921 г. вел преподавательскую работу по своей специальности в Училище командного состава Красного Флота, созданной в здании бывшего Морского корпуса. (Архивная справка от 17 января 1939 г. № 26 в упомянутом личном деле). С сентября 1923 г. В. И. Орлова избрали членом правления Петроградского губернского отдела Союза работников просвещения и социалистической культуры (Дворец Труда). На руководящей профсоюзной работе он находился по декабрь 1925 г. Затем на протяжении пяти лет он работал инспектором-методистом в отделе просвещения Северо-Западной и Октябрьской железных дорог (Ленинград) и в Ленинградском ГОРОНО. С сентября 1930 г. до 1937 г. В. И. Орлов работал доцентом на кафедрах русского языка и литературы в Ленинградском отделении Коммунистического университета нацменьшинств Запада имени Юлиана Мархлевского и Всесоюзном Коммунистическом университете имени Сталина (Таврический дворец). Последний период своей трудовой деятельности он отдал делу подготовки национальных педагогических кадров для таджикских районов Узбекистана, работая преподавателем русского языка и литературы в Самаркандском женском педагогическом училище и доцентом, заведующим кафедрой по этой же специальности в Самаркандском Учительском и Педагогическом Институте им. А. М. Горького: в общей сложности свыше семи лет – с сентября 1937 по февраль 1945 г. Постановлением Высшей Аттестационной Комиссии Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР Владимир Иванович Орлов (Самарканд) 17 мая 1941 г. утверждён в ученой степени кандидата филологических наук без защиты диссертации. Будучи филологом высокой и разносторонней квалификации – лингвистом-полиглотом, литературоведом и фольклористом, В. И. Орлов владел, кроме древних языков (латинского и греческого) и новых языков (немецкого и французского), языками польским, сербским, хорватским, шведским и финским, обладал солидными знаниями по древнему санскриту и сравнительной грамматике индо-европейских языков. Он много занимался по первоисточникам исследованиями карело-финского народного эпоса «Калеваль» (эти его работы не были опубликованы в печати и рукописи утрачены, но о его докладах по этой тематике указано в официальных отзывах ЛОКУНЕЗ им. Ю. Мархлевского и Ленинградского комвуза им. Сталина, хранящихся в моем личном архиве).

Дипломное сочинение В. И. Орлова, представленное им в историко-филологическую комиссию С-Петербургского университета в 1893 г. на тему «Прозаические повести Пушкина и отношение к ним русской литературной критики» – получило высшую оценку «весьма удовлетворительно». Оно было по прошению В. И. Орлова выдано ему 31 мая 1893 г. на руки (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 22, д. 37, л. 52), т. к. он намечался опубликовать в печати эту свою литературоведческую работу, но осуществить публикацию ему не удалось, а рукопись была впоследствии утрачена при переезде автора из Ленинграда в Самарканд. Занимался В. И. Орлов в период работы своей в Школе Левицкой, кроме того, такими темами, как «История звуков русского языка» и «История русского календаря» (черновики рукописей этих неопубликованных его работ хранятся в моем личном архиве).

Внес В. И. Орлов и некоторый вклад в прикладную лексикографию: так, при проведении советской орфографической реформы он составил и опубликовал в Петрограде первый краткий «Справочник корректора по новому правописанию» (<Пг., 1918>); в самаркандский период своей педагогической деятельности В. И. Орлов, опираясь на знание санскрита, изучил древний язык фарси, с которым генетически связан современный таджикский язык. Это помогло В. И. Орлову овладеть современным разговорным и литературным таджикским языком. Для практических нужд преподавания русского языка и литературы В. И. Орлов принялся в Самарканде за составление русско-таджикского фразеологического словаря. Работу эту он завершал затем, после выхода в феврале 1945 г. на пенсию по старости и переезда своего к месту работы и жительства сына в г. Дудинку Красноярского края. Рукопись указанного словаря в виде нескольких объемистых тетрадей посылалась для публикации в Таджикскую Академию наук, но после долгого там пребывания и вероятно, использования другими авторами, она не была принята в печати и возвращена В. И. Орлову. После смерти В. И. Орлова эта его рукопись передана мною, через ученика его по Самарканду Расула Хади-Заде – ныне доктора филологических наук – ираниста и таджиковеда, переводчика и писателя – на научное хранение в Институт языка и литературы Таджикской Академии наук. Среди рукописных материалов, относящихся к самаркандскому периоду научно-педагогической деятельности моего отца, которые у меня хранятся, имеется небольшой филологический этюд В. И. Орлова «Происхождение слова “товарищ” и его современное употребление». Он входил в состав доклада, с которым В. И. Орлов выступил на 1944 г. в Самарканде на межвузовской научной конференции, посвященной XX-летию Узбекской ССР. В указанном этюде доказано, что корневая часть слова «товарищ» восходит не к слову «товар» как предмету торговли, а к его омониму, древнерусскому военному термину, означающему: вооруженный лагерь. Эту небольшую, но исторически важную работу В. И. Орлова мне удалось опубликовать и прокомментировать посмертно в газете «Правда Востока» от 28 ноября 1964 г. В самаркандский период научно-педагогической работы В. И. Орлова им была написана критическая статья «Вопрос первостепенной важности», посвященная анализу таджикского перевода «Краткого курса истории ВКП (б)». Статью апробировал классик таджикской литературы Садреддин Айни, и она была опубликована в ЦО «Правда» за июль 1940 г. В Дудинке отец мой В. И. Орлов прожил около восьми лет. После проведенного мною лечения он несколько восстановил свои силы, подорванные болезнями, перенесенными им в Самарканде, и трудностями, с которыми был сопряжен переезд в зимних условиях, в военное время, из солнечного Узбекистана на суровый Таймыр. Вскоре же он стал вести на общественных началах большую культурно-просветительную работу, выступая на страницах окружной газеты «Советский Таймыр» с научно-популярными очерками на историко-литературные темы, приуроченные к юбилейным датам. Его приглашали также для выступлений на аналогичные темы в окружную радиостудию, и голос его звучал в эфире по местному радиовещанию. В. И. Орлов обладал отличной профессиональной памятью учителя-словесника и артистической дикцией. Своими выступлениями по радио и в местной печати, он снискал себе широкую популярность на Таймыре. Однако силы его стали сдавать. Последние три года жизни старческие недуги приковали его к постели. Он скончался у меня на руках при явлениях острой сердечной недостаточности 1 августа 1953 г. на 84-м году жизни. Похоронен его прах на Дудинском кладбище на высоком холме над Енисейским простором. Уважением, которым заслуженно пользовался В. И. Орлов

среди работников Дудинского порта, проявилось в многочисленности людей, провожавших его в последний путь. Могила В. И. Орлова с установленным на ней обелиском оберегается друзьями нашей семьи, живущими в Дудинке. В родной Ленинград я смог привезти в 1955 г. только горсть песка с его могилы, чтобы похоронить эту горстку в могилу моей матери.

Всю свою долгую и нелегкую жизнь отец мой, Владимир Иванович Орлов, оставался деятельным сторонником новаторских идей Анненского в педагогике и глубоким ценителем его поэзии. Он берег как драгоценные реликвии две книги стихов Анненского, постоянно их перечитывал буквально до последнего своего часа: «Кипарисовый ларец» и «Посмертные стихи», сопровождавшие моего отца в его странствиях из Ленинграда в Самарканд и оттуда – на Таймыр. Устные воспоминания В. И. Орлова об Анненском, которыми он делился со мной еще в Дудинке, были записаны мною в конце 1950-х гг. по еще свежей памяти и пополнены изучением мною в Ленинграде опубликованных педагогических статей Анненского и его критических очерков, вошедших в «Книгу отражений» и «Вторую книгу отражений» (обеих «Книг отражений» у отца моего с собой не было, так как они оставались при отъезде его в Самарканд у родственников в Ленинграде в числе других книг его обширной личной библиотеки, которая погибла во время блокады Ленинграда). На основе таких устных воспоминаний отца моего и позднейших моих библиографических разысканий мной написана в 1961 г., в связи с кончиной Ольги Дмитриевны Форш, работа объемом в 100 машинописных страниц под заглавием «Педагогический круг Иннокентия Анненского и Ольга Форш». <См. с. 10 наст. публ.>. Попытки мои опубликовать ее в некоторых толстых литературных советских журналах оказались безуспешными. Поэтому я передал экземпляр этой машинописи на научное хранение в рукописный отдел Пушкинского Дома. <...> Извлечения из той моей работы послужили основой для сообщения на эту же тему, сделанного мною в мае 1973 г. на юбилейной сессии Пушкинского Дома АН СССР, посвященной 100-летию со дня рождения Ольги Форш. Содержание упомянутого моего сообщения под иным заглавием, а именно – «Ольга Дмитриевна Форш – моя учительница в Царском Селе» опубликовано с эпиграфом из Анненского в сборнике «Ольга Форш в воспоминаниях современников», изд-во «Советский писатель», 1974. (С. 45–54). Как и любое другое сообщение, построенное на мемуарной информации и литературных источниках, указанный мой очерк не свободен от отдельных фактических неточностей. Получив с 1976 г., в интересах научного отдела Государственного музея истории Ленинграда, возможность заняться архивными разысканиями по теме об истории жизни и деятельности Анненского, мне удалось достигнуть достоверных и плодотворных результатов в освещении этой темы, которая как бы завещана мне моим незабвенным отцом Владимиром Ивановичем Орловым.

⁹⁰ В ту пору вступительные экзамены производились только при поступлении в высшие технические учебные заведения.

⁹¹ Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – доктор древнегреческой филологии Московского университета, а впоследствии заслуженный профессор, затем – сенатор и член Государственного Совета. В 1900 г. был одним из официальных представителей России на Парижской Всемирной выставке. С 1900 г. – попечитель Рижского учебного округа, участник комиссии по переустройству средней школы в Министерстве Боголепова и Ванновского. С 1902 г. – попечитель Варшавского учебного округа, запятнавший себя в 1905–1907 гг. активным участием в карательной политике царского самодержавия в Польше. С конца же 1906 и до 1910 г. – министр народного просвещения. Законопроект, представленный Шварцем в Государственную Думу 12

июля 1910 г. о реформе средней школы (№ 8975) содержал, между прочим, и такую уклончивую осторожную фразу: «вопрос о совместном обучении не введен в положение, но требования жизни заставляют иметь его в виду». Видимо, эта формулировка, фактически ни к чему конкретному не обязывающая Министерство, внесена была под влиянием критики законопроекта Е. П. Ковалевского в думской комиссии по народному образованию.

⁹² *Школа Левицкой*, 19. Автограф речи В. И. Орлова не сохранился.

⁹³ Там же, 20. Автограф неизвестен. Сестра названной поэтессы Анна Евгеньевна Аренс (1892–1943) окончила курс Школы Левицкой в 1909 г. во II выпуске и поступила в Петербургский женский медицинский институт, окончив курс которого, работала в Петрограде-Ленинграде врачом. Была замужем за одним из учеников Анненского по Царскосельской гимназии – профессором (искусствоведом) Н. Н. Пуниным. Жила с мужем в Ленинграде по адресу: Фонтанка, 34. См. «Весь Ленинград» на 1930 г. Во время Великой Отечественной войны А. Е. Аренс-Пунина находилась в эвакуации в Самарканде, где работала врачом службы скорой помощи и там умерла. Сведения о годе и месте ее смерти сообщены мне профессором ЛГУ Ольгой Константиновной Васильевой-Шведе (в девичестве Афанасьевой, род. 1896), окончившей курс Школы Левицкой в 1913 г., в VI выпуске.

⁹⁴ Этому, безусловно, способствовало участие бывшего заведующего Школой Левицкой В. И. Орлова в качестве члена «коллегии экспертов» в подготовке проекта указанного Положения.

⁹⁵ *Власов А. К.* Методическая система И. Ф. Анненского // Русский язык. Теория и методика преподавания. Сб. ст. Душанбе, 1978. С. 199–205.

⁹⁶ Сообщено в личном письме доктора филологических наук таджиковеда и писателя Расула Хади-Заде. <Возможно, речь идет о И. Файзуллоеве (1935–2003)>

⁹⁷ К сожалению, этот прекрасный перевод покойного М. И. Травчетова, получивший высокую оценку специалистов и уже принятый к печати, не был издан, т. к. тому помешало вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков на Советский Союз. Уцелел машинописный экземпляр этого произведения, хранится в <ОР РНБ, ф. 1028 Державин К. Н., № 883>, оставаясь по сей день неопубликованным. М. И. Травчетов погиб, защищая родной Ленинград. <О рукописи перевода М. И. Травчетова см.: Электронный ресурс. Режим доступа. http://expositions.nlr.ru/ex_manus/kamoens/translate.php>.